АНДРЕЙ ВАСИЛЬЧЕНКО

«Евросоюз» Гитлера

История объединенной Европы, которую не принято вспоминать

Annotation

Есть в истории такие сюжеты, которые старательно обходят стороной не только западные политики, но и европейские историки. «Заговор молчания» окутал подлинную историю евроинтеграции в целом и возникновения Европейского Союза в частности. Все нынешние представления о механизмах и моделях формирования ЕС являются не более чем пропагандистской выдумкой, навязываемой нам из Брюсселя.

Прибегнув к анализу секретных и недоступных отечественному читателю документов, историк Андрей Васильченко с фактами на руках доказывает: идея формирования Европейского Союза возникла в недрах Третьего рейха. Более того, разработка «объединенной Европы» велась в мозговом центре самой зловещей в истории человечества организации – в главном управлении СС. Десятилетия спустя после крушения Третьего рейха жуткие планы были вновь извлечены на свет и стали поэтапно воплощаться в жизнь. Именно по этой причине в структурах ЕС столь равнодушно наблюдают за реабилитацией нацизма в Прибалтике и на Украине.

Данная книга позволяет дать ответ на животрепещущий вопрос: может ли быть нашим союзником объединение, созданное точь-в-точь по гитлеровским рецептам? Читателю предстоит узнать, когда и зачем на самом деле было запланировано создание Европейского Союза.

Андрей Васильченко
«Евросоюз» Гитлера

Предисловие

В октябре 2014 года в пригороде Парижа Ла-Целле-Сен-Клу у одного из супермаркетов притаилась группа молодых людей. Когда на улице появилась Марин Ле Пен, возглавляющая «Национальный фронт Франции», то в нее полетели камни. По свидетельствам очевидцев покушавшимся удалось несколько раз попасть в «цель». Злоумышленники дождались, пока Ле Пен сядет в свою машину, и начали кидать камни в автомобиль. Представительница «правых» не пострадала, но у машины есть некоторые повреждения, рассказали в полиции. «Трое или четверо молодых людей опросили местных жителей, чтобы убедиться, что это была на самом деле она», – сообщил анонимный источник в управлении правопорядка одному из французских изданий. Собственно, эту выходку можно было бы счесть простым хулиганством, если бы не ее очевидный политический подтекст. Марин Ле Пен в настоящий момент одна из самых популярных французских политиков, и она готовится помериться силами в борьбе за президентское кресло. В свою бытность аналогичную попытку предпринял ее отец, создатель «Национального фронта», ветеран десантных войск Жан Мари Ле Пен. В схватке за высший пост страны ему приходилось сходиться и с консерватором Жаком Шираком, и с социалистом Франсуа Миттераном. Обычно это противостояние изображали очень условно: с одной стороны – «фашист» Жан Ле Пен, с другой – «светоч демократии», сторонник евроинтеграции Франсуа Миттеран. Парадокс ситуации заключался в том, что в действительности всё было с точностью до наоборот. Жан Мари Ле Пен в годы Второй мировой войны стал сиротой. Будучи подростком, он примкнул к партизанскому движению и с оружием в руках сражался против немецких оккупантов. Уже после окончания мировой бойни он записался в десантные войска и пошел отстаивать интересы своей страны в Индокитае. Франсуа Миттеран, напротив, в ранней юности состоял во множестве фашистских организаций, в частности, был активистом «Французских волонтеров», поддерживал связи с ультрарадикальными «кагулярами». В годы оккупации он оказался в числе коллаборационистов, проще говоря, пособников немецких оккупантов. Он восхищался главой вишистского режима маршалом Петеном и даже заслужил от марионеточного правительства орден «Франциск Галлик», что было высшей наградой на территории оккупированной Франции. Впрочем, перед судом Франсуа

Миттеран не предстал. Уличающие его документы исчезли в неизвестном направлении, а сам он убедительно озвучивал версию о своей помощи Сопротивлению, подтвердить которую, правда, почему-то никто не смог. Во всей этой путанице характеристик и понятий, когда сложно определить, кто же на самом деле является «фашистом», а кто – «антифашистом», линия политического водораздела проходит по степени одобрения евроинтеграционных процессов.

Еще в 1991 году Жан Мари Ле Пен заявил в своем интервью российской газете «День»: «Я являюсь противником федеральной Европы, такой Европы, которая потребовала бы от европейских государств отказа от того, что является основой государственного суверенитета, – от национальной валюты, национальной армии, национальной дипломатии и т. д. Я против того, чтобы эти полномочия были бы переданы какой-то сверхнациональной инстанции, каким-то специальным органам власти. Тем более что уже сегодня совершенно очевидно, что такая сверхнациональная власть будет вне пределов досягаемости национального и государственного контроля отдельных европейских народов. Мы можем уже на примере НАТО убедиться, что будущее европейское правительство будет представлять собой лишь орган мондиалистской бюрократии и ничего больше».

Сейчас аналогичной позиции придерживается его дочь Марин Ле Пен, которая пошла по стопам своего отца и возглавила «Национальный фронт». Она не просто, а более чем противница евроинтеграции, так как полагает, что распад Евросоюза приведет к процветанию Европы. В одном из интервью она сказала: «Европейский союз, как и Советский Союз, не подлежит ремонту. Я хочу вернуть Европу к союзу суверенных государств». Надо отметить, что мнение Марин Ле Пен разделяют многие экономисты и политики. Председатель Европейского совета Херман ван Ромпей ранее выразил обеспокоенность в связи с усилением в странах Евросоюза позиций политиков-популистов, в том числе правого толка. Однако на самом деле реальную популярность набирают не конкретные политические или идеологические программы, а негативное отношение к Евросоюзу как централизованной системе. «Что такое Евросоюз? Это СССР в европейском масштабе! И так же, как СССР, проект ЕС потерпел политический и экономический крах!» – заявила Марин Ле Пен уже в другом интервью. В беседе с журналистом «Комсомольской правды» она пояснила: «В действительности ЕС задумывался как противовес США и новый политический игрок на геополитическом поле. Но американская модель интеграции – «плавильного котла» – не может быть применена в

Европе. Экономически Евросоюз также потерпел катастрофу. У нас самый слабый экономический рост за последние десять лет! Евро, задуманный в качестве инструмента, финансирующего европейскую политическую целостность, не состоялся в качестве единой валюты, пригодной для всех. Есть такое выражение: костюм слишком мал для одних и слишком велик для других. Единственная страна, которой «костюм» евро пришелся впору, тютелька в тютельку, – это Германия. Она играет на валютном поле и постоянно выигрывает. К чему привело создание Евросоюза? К тому, что у европейских наций забрали суверенитет и шаг за шагом, постепенно передали его в руки технократам, которых никто не избирал и которые ни перед кем не отвечают! У нас псевдодемократия, при которой вы можете говорить, даже кричать, только вас никто не слышит».

Хотя, как показывают последние политические события, в Европе говорить всё, что думаешь, оказывается, нельзя. Более того – в ЕС собираются принять закон, предписывающий гражданам, что и как они должны не только говорить, но и думать. Такое не снилось ни доктору Геббельсу, ни Дж. Оруэллу, написавшему легендарную антиутопию «1984». В ближайшее время в Европе могут возникнуть не только ведомства по надзору за толерантностью граждан, но и специальные исправительные лагеря для «нетолерантной» молодежи. Введение тотального контроля за общественными настроениями будет сопровождаться жесточайшим запретом на любую критику гомосексуализма и феминизма. Все это могло бы показаться «страшилкой», если бы не было правдой: именно такие положения содержатся в рабочих документах Европарламента. Принятие «Европейского национального закона о пропаганде идеалов толерантности» грозит установлением тотального идеологического и мировоззренческого контроля над всей Европой. И если Марин Ле Пен сравнивает Евросоюз с Советским Союзом, то другие евроскептики всё чаще и чаще говорят о сходстве нынешней Европы с Третьим рейхом.

Подобное сравнение может показаться преувеличением или своеобразной метафорой. Однако когда критически настроенные журналисты употребляет в отношении Евросоюза определение «Четвертый рейх», то они не так уж далеки от истины. В ноябре 1944 года в секретном докладе американской разведки сообщалось о тайной встрече, состоявшейся в страсбургском отеле «Мезон Руж». В ней принимали участие представители германской промышленной элиты. В повестке дня значилась разработка плана послевоенного восстановления Германии с целью возвращения нацистов к власти и создания могучей империи –

«Четвертого рейха». В документе, направленном руководству США и Великобритании, излагалось, каким образом промышленники собирались воссоздавать Германию на деньги, заблаговременно переправленные в банки Швейцарии и других стран. В числе участников совещания в Страсбурге были представители промышленных групп, концернов и чиновники министерства вооружений. Они сошлись на том, что «Четвертый рейх» должен стать не военной, а экономической империей и в него надо включить не только Германию, но и другие европейские страны. Впрочем, встреча промышленников была отнюдь не первой и планы о «перерождении» Германии возникли отнюдь не на пустом месте.

Когда 16 декабря 1943 года в некогда располагавшемся на Потсдамской площади Берлина гранд-отеле «Эспланада» состоялась встреча участников «европейского кружка», то начальник управления планирования Имперского министерства вооружений Ганс Керль в своем выступлении дал своего рода отчет об итогах деятельности негласной организации, к которой он принадлежал. Он напомнил, что «европейская идея родилась летом 1940 года», но вместе с тем выказал сожаление о том, что сотрудничество в рамках «европейского экономического сообщества» все еще оставляет желать лучшего. Подобного рода высказывания могут поставить в тупик многих наших читателей, которые привыкли к устоявшимся версиям и трактовкам современной истории. На самом деле использование «общеевропейской» риторики можно обнаружить во множестве германских документов эпохи национал-социалистической диктатуры. Европейские историки после 1945 года пугливо обходили стороной планы Третьего рейха по «преобразованию» Европы и «сплочению континента».

Впрочем, некоторые из исследователей все-таки обращали внимание на эту проблему. Почти сразу же после окончания Второй мировой войны свет увидела в высшей мере примечательная работа – книга Людвига Дехио «Равновесие или гегемония. Изучение основных проблем новейшей государственной истории». В этой работе автор трактовал национал-социалистическую политику как попытку установления гегемонии посредством «сплочения» Европы. И это была отнюдь не первая попытка в истории человечества. Отмечалось, что у «европейской политики» Гитлера уже были предшественники, в том числе в других странах, пытавшиеся «сплотить» Европу. Однако во всех этих случаях попытки насильственной интеграции заканчивались полным провалом, неисчислимыми человеческими жертвами и упадком отдельных стран. По мнению Людвига Дехио, гитлеровская политика была самой радикальной и самой

разрушительной попыткой установления континентальной гегемонии. Итогом стало фактически полное разрушение европейской системы (напомним, работа увидела свет в 1948 году) и вмешательство в политику неевропейских держав. В 1951 году в Нью-Йорке была издана книга Хаджо Холборна «Политический коллапс Европы». В ней американский автор описывал процесс крушения устоев «старой Европы», которая неизбежно становилась объектом манипуляций и самолюбивых устремлений. В любом случае и Холборн, и Дехио рассматривали события 1945 года как «конец Европы», подразумевая, что Европа должна была уйти с исторической сцены вместе с гитлеровской диктатурой.

Несколько иной точки зрения придерживался автор «Новой истории Европы» Отто Вестфаль. Его книга вышла в 1955 году в Штутгарте. Автор пытался выстроить узор мировой истории с точки зрения «экс-фашизма». Он полагал, что исконные европейские устои были сокрушены в результате геополитического возвышения двух держав: Америки (США) и России (СССР). При этом оба этих геополитических полюса являли собой полную противоположность. Америка была символом динамики и подвижности, а Россия – охранительных тенденций. В итоге оказавшись заложником столь противоречивых позиций, Европа якобы решилась на сплочение под началом Гитлера. Нельзя отрицать, что в этом подходе было много субъективного и неоднозначного. Однако приблизительно в то же самое время в «Ежеквартальнике новейшей истории» была опубликована статья Пауля Клюке, которая назвалась «Национал-социалистическая идеология Европы». Ее автор впервые высказал мнение, что Гитлер пусть не с самого начала, но все-таки пытался осуществить европейскую интеграцию, которая должна была быть использована сугубо в германских интересах. Поскольку именно в середине 50-ых годов начались активные подвижки в деле политической интеграции, которые позже стали рассматриваться как начальная стадия формирования нынешнего Европейского союза, то подобный подход решили оставить без внимания. Он казался излишне провокационным – никто не хотел вспоминать о политических реалиях недавнего прошлого. Европейское общество предпочло надеть розовые очки и притвориться, будто бы европейская интеграция была сугубо послевоенным «изобретением».

На некоторое время возобладала тенденция не столько анализировать процессы, связанные с попытками нацистов осуществить евроинтеграцию, сколько публиковать документы по данному вопросу. Первопроходцами в этой теме можно назвать Герхардта Хасса и Вольфганга Шумана, авторов выпущенного в 1972 году в Восточном Берлине сборника документов

«Анатомия агрессии. Новые документы относительно военных целей немецко-фашистского империализма во время Второй мировой войны». Составители сборника документов хотели доказать, что Третий рейх намеревался провести «преобразование» Европы исходя из интересов финансового капитала. Всего в книгу вошло 49 документов, которые большей частью хранились в Государственном архиве Потсдама, лишь некоторые из них были позаимствованы из Федерального архива в Кобленце (ныне Федеральный архив в Берлине – Лихтерфельд). Документы охватывали период с 1940 по 1944 годы. В традиционном для марксистской историографии стиле составители сборника сосредоточили свое внимание на экономических составляющих проблемы, выведя на первый план Имперское министерство экономики, Имперскую индустриальную группу и концерны вроде «ИГ Фарбен». Лишь в документах, относящихся к 1943–1944 годам, можно было обнаружить следы процессов, которые происходили в недрах Имперского министерства иностранных дел. В «Анатомии агрессии» читателям предлагалась картина двухступенчатого «обсуждения планов по преобразованию Европы». В целом это совпадало с условной периодизацией войны, в которой выделялось два крупных периода: 1940–1941 годы и события, произошедшие после 1943 года. Подобный подход кажется обоснованным. После военного поражения Франции Третий рейх осуществлял контроль над значительными территориями Западной и Центральной Европы, что неизбежно приводило к вопросу: как далее должны были использоваться эти пространства? По мнению составителей сборника, в этих дискуссиях возобладала хозяйственно-экономическая составляющая. В подтверждение этого приводились документы относительно возможного таможенного и валютного союза с Норвегией и странами «Бенилюкса». Одновременно с этим указывалось на готовность Имперской индустриальной группы осуществить капитальную интеграцию промышленных предприятий Голландии. Приводились свидетельства того, что намерение осуществить подобную хозяйственную интеграцию имелось у возглавляемого Германом Герингом Имперского министерства экономики. Последующие десять документов, относящиеся к 1941–1942 годам, демонстрировали, что Имперская индустриальная группа была заинтересована в непрерывной экономической экспансии, в частности в пространство Юго-Восточной Европы.

После поражений 1943 года планы Третьего рейха относительно военного превосходства на континенте пришлось корректировать. С этого момента на первый план выходят намерения мобилизовать европейские

страны для исполнения немецких военных планов. На примере многочисленных документов Имперского министерства иностранных дел Хасс и Шуманн показывают, что именно в этот период времени возникает т. н. «европейский комитет», который начинает разработку проекта по созданию «европейского союза государств». На флаг поднимается лозунг, гласящий, что Европа должна объединиться, если она не хочет полностью утратить свое геополитическое значение. Под немецким руководством предполагалось преодолеть мнимую коммунистическую угрозу, предотвратить внутриевропейские войны будущего, а также обеспечить не менее мифическое «повышение благосостояния» и «социальную справедливость». В одном из этих документов говорилось: «В отчаянной борьбе за будущее Европы мы являемся передовыми бойцами нового, лучшего порядка, в котором все европейские народы найдут достойное место».

С одной стороны, в «Анатомии агрессии» приводятся в высшей мере примечательные документы, которые свидетельствуют об интересе немецкой экономики к «преобразованию» европейского пространства, но, с другой стороны, нельзя не отметить, что в данном сборнике явно была недооценена идеологическая составляющая запланированных нацистами евроинтеграционных процессов. Политика Третьего рейха вовсе не определялась намерениями «финансового капитала», скорее наоборот, промышленники были вынуждены обслуживать политику НАСДАП. Тем не менее ряд идей из этого сборника можно назвать в высшей мере интересными. Впервые были проведены параллели между «преобразованием» Европы в годы Второй мировой войны и формулировками, и понятиями, которыми оперировали современные политики, занятые процессами евроинтеграции. В обоих случаях можно было обнаружить ярко выраженный антироссийский компонент. И второй момент: объединение Европы как под началом Третьего рейха, который руководствовался, по мнению составителей сборника, принципами экономической экспансии, так и в послевоенный период было непрерывным процессом. То есть нынешний Европейский союз, желая того или нет, являлся преемником «европейского союза государств», запланированного национал-социалистами.

Вторым принципиальным сборником документов можно назвать составленный Гансом Вернером Нойленом томик «Европа и Третий рейх», который был издан в Мюнхене в 1987 году. Появление этого сборника не в последнюю очередь было «спровоцировано» изданием «Анатомии агрессии». В противоположность историкам из ГДР Нойлен хотел

показать, что «в тени свастики просчитывалось множество европейских проектов» и что Гитлер был принципиальным противником «европейской политики». Кроме того, автор-составитель хотел сформировать четкую базу, позволившую бы оценить все проекты евроинтеграции, которые разрабатывались в недрах ведомств Третьего рейха. В данном случае он исходил из того, что «проигранная борьба за действительно европейскую концепцию означала политическое поражение в войне». В сборнике приведены документы из множества стран, но если говорить о собственно германских проектах, то они были отражены в 27 документах, которые были позаимствованы из Политического архива министерства иностранных дел, Федерального архива ФРГ, «Кабинета документов европейской истории, современности и будущего планирования», а также из частных коллекций. Нойлен предпочел не сосредоточиваться только на именах нацистских «величин» – Гитлера, Геббельса и Риббентропа, по этой причине встречаются документы, авторы которых на тот момент и вовсе не были известны публике.

Материалы из сборника «Европа и Третий рейх» дают представление о том, что планы по созданию «европейского союза» были разработаны едва ли не до уровня деталей, хотя и остались неопределенными сроки их реализации. Катализатором в разработке «европейской концепции» выступили события, которые позже назовут «коренным переломом в ходе войны». После 1943 года была четко озвучена точка зрения, что «немецкой крови пролито слишком много», а потому против СССР должна была воевать вся Европа («перспективная мобилизация сил Европы во имя нашей победы»). Разумеется, в различных ведомствах придерживались различных воззрений на то, в какой степени должна быть осуществлена политическая интеграция Европы, равно как оставалось неясным, насколько самостоятельными могли быть в рамках «Новой Европы» оккупированные Германией территории и ее союзники. Например, в Имперском министерстве иностранных дел разрабатывались проекты, предполагавшие, что «органическая реорганизация Европы» должна базироваться на «самостоятельности европейских наций». Также в сборнике впервые было заявлено о планах СС по созданию своеобразной «европейской конфедерации». Нельзя не отметить, что в книге Нойлена ощущается явное отсутствие документов, посвященных экономическим и хозяйственным вопросам задуманной нацистами евроинтеграции. По большому счету Нойлен вообще не уделял достойного внимания периоду 1940–1941 годов, который, по его мнению, прошел «в опьянении от победы над Францией». Однако нельзя не отметить, что автор фактически впервые

познакомил читателя с принципиальными разработками, которые были предприняты Вернером Дайцем и Карлом Клодиусом. Принимая во внимание, что в сборнике, изданном в ГДР, был явный перекос в сторону экономики, то «Анатомия агрессии» и «Европа и Третий рейх» в некоторой мере органично дополняют друг друга.

Собрание исторических источников, подготовленное Нойленом, должно было рассказать о проектах «реорганизации» Европы, которые нередко противоречили друг другу. Однако нельзя не отметить, что подбор документов был сделан так, чтобы по возможности максимально реабилитировать идею европейской интеграции, избавить ее от «нацистского прошлого». Другой же сборник документов уже самим своим названием проводил параллели между планами Третьего рейха и воплощенным в жизнь Европейским союзом. В данном случае мы ведем речь об изданном в 1985 году на английском языке первом томе «Документов к истории европейской интеграции». Если все серию редактировал Вальтер Липгенс, то составителем первого тома был Михаэль Залевский. Если учитывать название серии в целом, то заголовок первого тома («Континентальные планы Европейского союза. 1939–1945») не оставлял никаких сомнений: европейская интеграция была непрерывным процессом и начата она была во времена нацистской диктатуры. Всего же Залевский опубликовал в своем сборнике 43 переведенных на английский язык документа. Однако перевод дублировался иллюстрацией микрофильмированного документа в оригинале, а потому указный том можно формально считать двуязычным.

Подбор исторических источников, осуществленный Михаэлем Залевским, можно назвать наиболее репрезентативным, всеобъемлющим. В некоторых моментах составитель даже пошел против собственных убеждений. В частности, он приводит документы, которые относились к эсэсовским проектам. В них было слишком много пропагандистских клише, а потому было очень важно показать самое важное в этих документах, а именно намерение осуществить форменную колониальную экспансию. В первую очередь это относилось к так называемым «восточным территориям». В итоге «Новый европейский порядок» предполагал массовые переселения европейских этнических групп. В итоге нацистская политика геноцида увязывала в себе как расово-политические, так и сугубо экономические моменты. Михаэль Залевский пытается провести границу между «неевропейскими» идеями, в рамках которых тем не менее использовалась «европейская лексика», и проектами периода Второй мировой войны, которые в итоге все-таки вылились в создание

нынешнего Европейского союза. Следуя принципам западной политкорректности, Залевский лицемерно заявляет, что истинное «европейское сообщество» строится исключительно на принципах взаимоуважения и демократии, а национал-социализм извратил европейские традиции. Подобные заявления можно считать не более чем лицемерным реверансом в сторону господствующих в Западной Европе либерально-политических представлений.

С середины 90-х годов обнародованием документов, посвященных планам Третьего рейха относительно «преобразования» Европы, занимается немецкий профессор Герд Зимон. Большую часть своей научной жизни он провел в стенах Тюбингенского университета, где занимался междисциплинарными исследованиями. Формально сфера его научных интересов должна была ограничиваться межотраслевой семасиологией, однако, расширяя область своих интересов, профессор Зимон занялся изучением проблемы политического использования германистики, что в итоге вывело его на публикацию ранее неизвестных научному сообществу документов, которые рассказывали о разработке проекта «европейского союза» в годы национал-социалистической диктатуры.

Есть и полная противоположность в деле изучения этой проблемы. В качестве примера можно привести получившую широкую известность в Западной Европе книгу «Нацистские корни брюссельского Евросоюза». Данная книга далека от академических стандартов, и если бы не ее объем (почти 300 страниц), то её можно было бы принять за большой рекламный буклет. Подобное впечатление могло укрепиться, если бы вы прочитали подзаголовок этой книги: «Все, что вы всегда хотели знать о «брюссельском ЕС», но никто не осмеливался вам рассказать!» Однако за всеми гротескными фразами, во многом кичевой версткой и дизайном издания кроется очень серьезная проблема. Книга была написана целым коллективом авторов, который вдохновился к действию примером оставшегося в живых заключенным «лагеря смерти» Освенцим Августа Ковальчика. В незамысловатой форме, через кричащие надписи (что как бы намекает на массовое отупение европейцев, которые перестали воспринимать мысль, если она не заключена в броский, «рекламный» облик) рассказывается о возможной преемственности между Третьим рейхом и современным Европейским союзом. Во введении к изданию говорится: «В этой книге рассказывается о том, что многие читатели могут по очевидным причинам сначала отвергнуть. Они могут заявить, что, если бы задокументированная здесь столь серьезная историческая информация

была правдой, они, несомненно, услышали бы об этом раньше. Учитывая это, мы, авторы, сочли своей обязанностью побудить наших читателей не только прочесть эту книгу, но и обратиться к документальным источникам, указанным в сносках на ее страницах». Концептуальной основой книги является гибрид двух конспирологических теорий: «всемирного заговора банкиров» и «нового мирового порядка». В данном случае речь идет о политических манипуляциях, предпринимаемых химическими и фармакологическими концернами, которые, по сути, и определяли сначала политику Третьего рейха, а сейчас – политику Европейского союза. Поскольку цели этих концернов не поменялись, то можно говорить не просто о структурном сходстве политики нацистов и политики ЕС, но об их непосредственной преемственности. Нельзя не отметить, что данная модель во многом (хотя и отнюдь не во всем) была близка марксистской историографии. В частности, в аннотации к «Нацистским корням…» говорилось: «Из этой книги вы также узнаете о том, что Первая мировая война, еще одна крупнейшая трагедия двадцатого века, была, в сущности, первой попыткой завоевания мира ради интересов этой корпорации. Более того, претерпев неудачу в покорении Европы и мира военным путем, нефтефармацевтический картель вложил средства в третью попытку – экономическое и политическое завоевание Европы посредством «брюссельского ЕС». Поэтому неудивительно, что главные архитекторы брюссельского ЕС были наняты из числа технократов, которые уже разрабатывали планы для послевоенной Европы, завоеванной коалицией нацистов и картеля». В настоящее время любые конспирологические теории воспринимаются публикой как «веселая наука эпохи постмодерна». Однако в указанной книге приведены документы, которые представляют интерес для общего исследования проблемы. Опять же сам факт появления этой книги говорит о том, что взаимосвязь Третьего рейха и Европейского союза более не является «тайной за семью печатями».

Как выглядела бы Европа, если бы Третий рейх одержал победу во Второй мировой войне? На этот вопрос можно ответить весьма и весьма приблизительно. На самом деле нацистская Германия не была сплоченным государством. Разрываемая многочисленными внутренними конфликтами верхушка рейха не позволяет говорить о классическом тоталитаризме, скорее о «феодальной анархии» или поликратии. В условиях существования подобных режимов очень сложно прогнозировать события, тем более говорить о превалировании в будущем каких-либо концепций. А потому сложно сказать, какой именно из проектов европейской интеграции стал бы воплощаться в жизнь. Хотя некоторые из публицистов

утверждают, что возможно «Новая Европа» и нынешний Европейский союз не очень сильно отличались бы друг от друга. И подобная точка зрения находит все больше и больше сторонников. Об этом свидетельствует популярность романа-памфлета «Он снова здесь», который был написан Тимуром Вермешем. Согласно сюжету Гитлер оказался в современном Европейском союзе и весьма доволен тем, что многие из его идей оказались воплощенными в жизнь. В любом случае можно утверждать, что ни национал-социалистическая «Новая Европа», ни нынешний Европейский союз не являются собственно Европой. В обоих случаях мы видим принципиальный отказ от именно европейских традиций, подчинение национальных интересов отвлеченной, но доминирующей идее, превалирование во внешней политике антироссийских и откровенно русофобских тенденций. Западный либерализм и национал-социализм гитлеровского образца роднит не только это, но и приверженность рационализму, стремление к планированию не только процессов, но любого пространства и даже человеческой жизни. Хотя бы поэтому нам необходимо знать, как начиналась действительная европейская интеграция и с чьим порождением нам приходится сейчас иметь дело.

Глава 1. Евросоюз – детище СС?

На краю окутанного десятками легенд и сказаний Тевтобургского леса в XIV столетии возникло крошечное поселение Флото. Сейчас в этом немецком городке проживает 19 тысяч человек, а в начале 50-х годов XX века в нем было всего лишь 8 тысяч жителей. Если бы не каменные дома, то в те дни Флото можно было принять за большое село. Люди, жившие в городке, знали друг друга по имени. Появление нового человека никогда не оставалось без внимания, тем более, если новый горожанин был школьными учителем. Появившийся в 1953 году во Флото Александр Бомхофф с самого начала показался местным обитателям странноватым. Вместо того чтобы пойти работать в школу, он открыл собственное заведение, которое назвал «Общеевропейский учебный проект». На занятиях, проходивших в рамках проекта, он бесконечно рассуждал об объединенной Европе, об отмене границ, о едином европейском экономическом пространстве, об общей европейской валюте. Не меньше горожан смущало и то обстоятельство, что Александр Бомхофф выглядел как сорокалетний мужчина, хотя, согласно документам, он должен был быть пожилым человеком, появившимся на свет еще в XIX веке.

Если бы горожане могли узнать некоторые детали из недавней биографии Бомхоффа, то они были бы удивлены еще сильнее! 2 февраля 1951 года спецслужбы организовали бегство Бомхоффа из ГДР в Западный Берлин. Оставалось только дивиться тому, зачем шефу западногерманской разведки Гелену потребовался какой-то школьный учитель? В те времена Гелен, получавший активную поддержку от ЦРУ и фактически находившийся на финансовом содержании американских спецслужб, создавал разведывательную сеть в Восточной Германии. Он забрасывал своих агентов на территорию ГДР, но отнюдь не вызволял оттуда рядовых школьных учителей. Однако, как и стоило предположить, школьный учитель Александр Бомхофф оказался не так уж прост. В ГДР он вел двойную жизнь. С одной стороны, он был примерным гражданином, активистом союза «За новую школу», участником профсоюзного движения, даже избирался делегатом на Третий народный конгресс. С другой стороны, он не раз пересекал границу по поддельным документам, выписанным на имя некого Доррника. В Гамбурге Бомхофф-Доррник встречался с представителями подпольной организации, известной как «группа Дальке». Она состояла из бывших офицеров СС, которые

готовились к вооруженным действиям на территории ГДР. Однако конспиративная деятельность Бомхоффа не могла остаться незамеченной. В поле зрения американских спецслужб эти подпольщики попали еще в 1948 году – их было решено использовать в собственных целях. Однако 28 марта 1950 года Бомхофф был на время арестован советскими сотрудниками министерства государственной безопасности. На свободу он вышел в декабре. Именно после этого был решено организовать побег Бомхоффа в Западный Берлин.

Но даже подпольная деятельность Бомхоффа никак не могла объяснить, почему он выглядел лет на 20 моложе, нежели ему полагалось согласно документам. Пройдут годы, прежде чем станет известно, что под именем Александра Бомхоффа скрывался эсэсовский офицер Александр Долецалек (билет № 216 983). В биографии Долецалека есть два интересных факта: во-первых, он вступил в СС еще до того, как Гитлер пришел к власти, а это означает, что юноша был убежденным национал-социалистом. Во-вторых, в семье Долецалека всегда интересовались панъевропейскими теориями, которые высказывались в 20-е годы графом Куденхове-Калерги, рассматривавшим Пан-Европу как противовес Советской России. Эти факты позволяют понять, почему «школьный учитель» столь рьяно проповедовал идеи «Единой Европы». Именно Долецалек в свое время родил и развивал идею интеграции европейского пространства на базе СС. В 1943 году в качестве начальника группы D Главного управления СС он стал разрабатывать планы преобразования Европы. Впрочем, в эти разработки едва ли не каждый месяц приходилось вносить поправки, диктуемые положением на фронтах. В итоге Долецалек предложил детальную программу, включавшую в себя так называемые «Пять тезисов». Особый интерес представляет «Третий тезис», который непосредственно касался предстоящего переустройства Европы. В нем Долецалек говорил о преодолении европейского эгоизма, о складывании единого европейского пространства, о взаимодополнении европейских народов, об устранении границ между европейскими странами. После того как была высказана идея введения единого европейского паспорта, можно было смело утверждать, что Долецалек вынашивал планы создания «Европейской конфедерации». Он подчеркивал, что новое надгосударственное образование должно было строиться якобы на «свободном волеизъявлении народов». Подобного рода проекты должны были стать очевидным сигналом для западных держав, что руководство СС было готово отказаться от сугубо империалистических планов, в обмен на вовлечение в подготовку войны против СССР.

«Европейская конфедерация» должна была возникнуть после подписания разработанной все тем же Долецалеком «Европейской хартии». Некоторые из ее пунктов на первый взгляд могут показаться весьма демократичными. Например, Долецалек рассуждал о мнимых свободах, которые планировалось предоставить европейским народам и национальным культурам. Эта часть документа представляется в высшей мере важной, а потому позволим себе процитировать её полностью.

Шесть основных свобод:

1. Свобода народов от насилия со стороны мировых держав.

2. Свобода народов в выборе форм национальной самоорганизации.

3. Свобода народов от инородного угнетения и ассимиляции.

4. Свобода личности от принуждения к самоопределению.

5. Свобода национальных культур от любого принуждения и от глобализации.

6. Свобода веры от безбожия и политических злоупотреблений.

Семь основных прав:

1. Право человека на труд и возможность трудиться.

2. Право человека на свободное развитие его возможностей и на выбор любых профессий в соответствии с талантами и трудолюбием.

3. Право человека на уровень жизни, полагающийся его способностям и трудолюбию.

4. Право человека принимать решения в процессах формирования общества.

5. Право человека на собственность и на землю.

6. Право человека на досуг, на отдых и на участие во всех проявлениях культурной жизни.

7. Право человека на поддержку в случае непредвиденной нужды.

Впрочем, к началу 1945 года стало ясно, что в планы преобразования Европы было необходимо вносить новые и весьма существенные коррективы. Нисколько не сомневаясь в том, что Германия была обречена на поражение, Александр Долецалек в апреле 1945 года стал разрабатывать программу «Европейского освободительного движения», которое должно было действовать исключительно легальными средствами. Предполагалось, что движение будет способствовать складыванию так называемого «Европейского мирного порядка», то есть континентальной системы, воздвигнутой на базе «Европейской конфедерации». В этой

программе на себя обращают внимание несколько пунктов: *«5. Устранение многовековых противоречий между братскими европейскими народами через сотрудничество в рамках Европейской конфедерации. 6. Внутри Европейской конфедерации все европейские народы будут обладать свободным правом на существование, национальный уклад жизни и политическую самоорганизацию… 8. Наличие европейского суда, в котором будут улаживаться конфликты между европейскими народами, что позволит избежать насилия… 11. Устранение этнических границ в Восточной и Юго-Восточной Европе… 12. Плодотворное сотрудничество в рамках общей европейской экономики»*. По сути своей Долецалек весной 1945 года озвучил концепцию создания Евросоюза, предвосхитив многие из идей, которые были воплощены в жизнь десятилетия спустя.

Весьма интересным кажется предположение, что если вначале Долецалек вдохновлялся панъевропейскими идеями графа Куденхове-Калерги, то после окончания войны уже граф с интересом изучал разработки эсэсовского офицера. В любом случае во время визита в Цюрих в сентябре 1946 года Уинстон Черчилль произнес речь, в которой заявил о необходимости создания «Соединенных Штатов Европы». Текст этой речи, был подготовлен графом, который после знакомства с бумагами Долецалека внезапно пересмотрел некоторые из своих идей. Интерес западных спецслужб к проектам Александра Долецалека был легко объясним. Во-первых, СССР планировалось противопоставить некую «Единую Европу», а не разрозненный конгломерат европейских государств. Во-вторых, бесконечные делегации, прибывавшие из разных стран для участия в «Общеевропейском учебном проекте», являлись идеальным прикрытием для ведения вербовочной деятельности. По большому счету Долецалеку даже не пришлось вносить существенные коррективы в свои разработки. Он без проблем поменял одних покровителей на других. Сначала он выстраивал свои программы в недрах СС, затем – под патронажем Гелена, из-за спины которого постоянно выглядывали «ушки» ЦРУ.

Может быть, в начале 50-х годов XX века проект объединенной Европы, раскинувшейся от Англии до Польши, выглядел диковато. Но пропаганда, которую вел Долецалек, оказывала влияние на умы тех, кто позже будет подписывать Шенгенские соглашения и Маастрихтские договоры. Планы, разработанные позавчера в недрах СС, сегодня являются политическими реалиями объединенной Европы. В высшей мере показательно, что Долецалеку без проблем простили его эсэсовское прошлое. Он даже не прошел через стандартную процедуру

денацификации, обязательную даже для мелких партийных чиновников. А ведь Долецалек был не просто «европейским мечтателем» из планового отдела СС (как его пытаются изобразить некоторые исследователи). Он был причастен к разработке плана «Ост», к подготовке массовых депортаций и к задуманной этнической перекройке континента. Но в данном случае европейские политики еще раз продемонстрировали исключительную избирательность. Про эсэсовское прошлое Долецалека просто-напросто предпочли забыть. А потому едва ли стоит изумляться тому, что современный Евросоюз сквозь пальцы смотрит на марши ветеранов СС в Прибалтике и на Западной Украине. Чему удивляться? Ведь родом они из одной эсэсовской колыбели.

Глава 2. «Объединенная Европа» в отблесках Сталинграда

2 февраля 1943 года закончилась Сталинградская битва, которая по праву считается одним из кровопролитнейших сражений в истории человечества. Она не только положила начало перелому в ходе войны, но не оставила и следа от присущей Третьему рейху слепой веры в «непобедимость немецкого оружия». Не удивительно, что именно с февраля 1943 года некоторые из нацистских бонз стали допускать, что война может закончиться для них вовсе не «победоносным финалом». Хотя бы по этой причине они стали модифицировать стратегию и тактику пропаганды. Еще в сентябре 1942 года министр пропаганды Йозеф Геббельс требовал решительно пресечь слухи о предполагаемом возникновении «новой Европы» – межгосударственного образования на пространстве европейского континента. На одном из совещаний он заявил о том, что Германия воюет исключительно за материальные интересы (нефть, зерно и т. д.), а отнюдь не во имя фантома, а именно идеи «новой Европы». Прошло буквально несколько месяцев, и тон заявлений, сделанных главным нацистским пропагандистом, кардинально изменился. Уже 15 февраля 1943 года Геббельс издал циркуляр, в котором предписывал активно навязывать «новый, европейский облик немецкой внешней политики». В одной из директив сообщалось: «Нецелесообразным считается изображение европейского будущего, которое могло бы подтолкнуть представителей иных народов к мысли о том, что они длительное время будут находиться в немецком подчинении». Было решено изменить вектор нацистской пропаганды: на вооружение брался лозунг «Европейцы против русского большевизма», а сама Россия изображалась как главный антагонист Европы. Именно образ этого мнимого врага должен был сплотить континент под началом Третьего рейха. Данная мысль не раз повторялась не только Геббельсом, но и Гитлером, который назвал вермахт «защитным экраном европейского континента». Именно с этого времени в Третьем рейхе стали разрабатываться планы, предполагающие «объединение» Европы, направленное против России. 13 марта 1943 года Геббельс дал интервью одной из датских газет, в котором назвал ошибочным представление о том, что Германия хотела подчинить европейские страны своей воле. Более

того, он заговорил о «преобразовании Европы», в рамках которого Третий рейх якобы был готов отстоять права всех европейских наций. Как видим, идея «объединенной Европы» была всего лишь тактическим шагом, который должен был ускорить мобилизацию сил для борьбы с Россией. Впрочем, в более приватной обстановке ни Геббельс, ни Гитлер и слышать не хотели о самостоятельности европейских государств: для них «объединенная Европа» была всего лишь уловкой.

Однако одно дело – пропаганда, а другое дело – реальная внешняя политика, которая должна была, с одной стороны, учитывать «веяния времени», а с другой – не забывать про то, что «объединенная Европа» являлась всего лишь пропагандистским мифом, призванным в первую очередь сплотить «континентальные силы» для борьбы с Россией. В 1942 году глава внешнеполитического ведомства рейха Иоахим фон Риббентроп, подобно прочим нацистским министрам, открыто выказывал свое негативное отношение к идее «новой Европы». Он публично демонстрировал свое недовольство по поводу запланированной серии радиопередач, называвшейся «Европейский час». Впрочем, уже тогда он не исключал возможности создания при своем министерстве некоего «Европейского комитета». Осенью 1942 года Риббентроп продолжает настаивать на том, что надо всячески избегать любой конкретики, касающейся послевоенного устройства Европы. Процесс создания «Европейского комитета» в структуре МИДа и вовсе затянулся. Поначалу Риббентроп предполагал его основать после окончания «французского похода», то есть после военного разгрома Франции. На практике же первый проект этого учреждения был разработан только 26 сентября 1942 года. Именно тогда один из служащих германского МИДа официально озвучил идею создания специального («европейского») комитета, который должен был возглавлять лично Риббентроп. Оценку этого проекта было поручено провести эсэсовскому офицеру Вернеру Бесту, занимавшему в структуре МИДа пост министериаль-директора. По большому счету про «Европейский комитет» забыли на несколько месяцев. Ситуация изменилась только после Сталинграда. На этот раз Риббентроп решил не дожидаться инициативы своих подчиненных, а потому сам разработал основные документы, которые должны были способствовать «объединению» Европы. 21 марта 1943 года он подготовил докладную записку, которая должна была лечь на стол Гитлеру. В этом документе министр иностранных дел рейха решился заявить о необходимости создания «Европейской федерации». В частности, в ней отмечалось, что Риббентроп и ранее предполагал подобную возможность. Впрочем, он

никак не связывал идею федерации с разгромом немецких войск под Сталинградом; напротив, он указывал, что ее создание должно было быть отмечено «крупными военными успехами Германии». Первоначально в «Европейскую федерацию» предполагалось включить: Германию, Италию, Францию, Данию, Норвегию, Финляндию, Словакию, Венгрию, Румынию, Болгарию, Хорватию, Сербию, Грецию и Испанию. Основание федерации должно было произойти на территории «Остмарка» (так в рейхе называли бывшую Австрию) либо в Зальцбурге, либо в Вене. По мнению Риббентропа, создание «Европейской федерации» могло решить несколько проблем, в том числе втянуть во Вторую мировую войну на стороне Германии страны, придерживавшиеся нейтралитета. МИД волновали не столько Швейцария, сколько Швеция, Португалия, а также позиция Турции. Но все-таки главной целью «Европейской федерации» было ее противопоставление России. Риббентроп в своем документе отмечал: «Русские почувствовали бы, что Россия противостоит всей Европе, а потому русская боевая мощь была бы ослаблена».

Немаловажным кажется то обстоятельство, что Риббентроп в своей записке упоминает планы рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Почему-то принято считать, что глава МИДа и шеф СС не очень ладили друг с другом. Мол, Гиммлер был фанатичным нацистом, а Риббентроп – консервативным дипломатом. Но это не более чем заблуждение. Гиммлер был знаком с фон Риббентропом еще с конца 1932 года, когда в доме последнего шли переговоры о формировании правительства во главе с Гитлером. Более того, в мае 1933 года Гиммлер произвел Риббентропа в штандартенфюреры СС, а 20 апреля 1940 года ему был присвоен чин обергруппенфюрера СС. Риббентроп не только сотрудничал с СД, но и считался личным другом Гиммлера (насколько Гиммлер мог вообще дружить с представителями политической элиты рейха). Накануне своего назначения имперским министром иностранных дел Риббентроп со своей супругой прибыл в гости с ночевкой в дом Гиммлеров. В феврале 1939 года Маргарета Гиммлер, которая вместе с Риббентропом отдыхала в санатории, охарактеризовала его в своем дневнике как «друга семьи». Поэтому нет ничего удивительного в том, что Гиммлер решил объединить планы «СС-центричной Европы» с планами «Европейской федерации», которые были разработаны Риббентропом. Об этом имперский министр иностранных дел отдельно сообщил Гитлеру: «Я уже обсудил с Гиммлером, что при определенных обстоятельствах мы могли бы сформировать несколько первоклассных эсэсовских подразделений из европейцев, которые впечатлились бы нашими европейскими лозунгами.

Они могли бы стать ценным дополнением для нашей борьбы. Детали этого проекта уже продуманы до мелочей и отдельно будут обсуждаться с Гиммлером в самое ближайшее время. Однако без упомянутых лозунгов все эти начинания не будут иметь успеха». Как видим, «объединенная Европа», разрабатываемая в недрах Главного управления СС Александром Долецалеком, и «Европейская федерация», предложенная имперским МИДом, были не конкурирующими, а взаимодополняемыми проектами. В этих проектах имелись незначительные отличия, но это не меняло ситуацию в целом.

Несмотря на множество доводов, приведенных в пользу создания «Европейской федерации», Гитлер решительно отказался от реализации данного проекта. Сам же Риббентроп видел в «Европейской федерации» нечто больше, нежели просто пропагандистский инструмент. В те дни он писал: «Любые заявления о новой Европе, газетные статьи и прочие акции, по моему мнению, не только бессмысленны, но и вредны, так как уменьшают силу пропагандистского эффекта, которого мы могли бы добиться самим фактом учреждения [“Европейской федерации”]». Риббентроп намеревался соединить два несовместимых на первый взгляд проекта: национал-социалистический Великогерманский рейх и федеративную Европу. Однако у этих проектов была одна общая составляющая – антироссийская направленность. И далеко не случайно идеи создания подобного рода гибрида стали возникать тогда, когда в кровавых боях под Сталинградом наметился коренной перелом в войне. Нельзя сказать, что проекты Риббентропа оказались совсем невостребованными. Например, современная объединенная Европа (лишь слегка изменив «авторство») воплотила их в жизнь. Были реализованы на практике идеи «европейской экономики, строящейся в бестаможенном пространстве посредством общего и унифицированного планирования». А еще Евросоюз позаимствовал от «Европейской федерации» Риббентропа редкостное лицемерие. Согласно официальным документам «Европейская федерация» планировалась для того, чтобы «защитить европейский континент от внешних врагов». На практике же ее создание должно было стать очередным шагом для продолжения агрессивной войны, которая была развязана в отношении России. В Третьем рейхе любые декларативные заверения о «суверенитете», о «свободе», о «судьбоносной взаимосвязи европейских народов» (а именно такая лексика использовалась в «европейском проекте» Риббентропа) были всего лишь ширмой, за которой скрывалось намерение продолжать войну на Восточном фронте.

Сталинградская битва и коренной перелом в ходе войны заставили нацистское руководство искать новые формы стратегического и тактического планирования, что в полной мере относилось и к внешней политике. Несмотря на то что Гитлер отверг план создания «Европейской федерации», предложивший его министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп решил не останавливаться в разработке «европейского проекта». Он предпочел сосредоточить свое внимание на «Европейском комитете», создание которого было запланировано еще в 1941–1942 годах. Но официально этот комитет появился на свет лишь 5 апреля 1943 года. В его состав входило, включая самого Риббентропа, четырнадцать дипломатов. Работа комитета была почти секретной. Известно, что он был разделен на три рабочие группы. Заседания «Европейского комитета» проходили в конфиденциальной обстановке. Из немногих сохранившихся документов явствовало, что «на настоящей фазе ведения войны главной задачей комитета является подготовка документов и предложений, касающихся послевоенного преобразования Европы». И далее: «Разработка конкретных планов оформления будущей Европы не является первоочередной задачей». В самом Имперском министерстве иностранных дел лишь единицы знали о существовании комитета. Можно предположить, что, вопреки запрету Гитлера, Риббентроп совместно с Гиммлером продолжал разрабатывать программу «объединения Европы». Об этом свидетельствует подготовленный 9 сентября 1943 года документ, в котором содержалось 17 тезисов «преобразования Европы». Отмечая, что «объединение Европы было исторически неизбежным процессом», авторы документа указывали, что соединенные европейские народы должны были сформировать «единый фронт против большевизма» (тезис XI). По сути, это было развитием мысли о том, что Россия была врагом «объединенной Европы», а потому так называемое «европейское равновесие» должно было уступить место «европейской солидарности» (тезис X). Если оценивать документ в целом, то можно уверенно говорить, что речь шла о незначительном развитии некогда предложенной Риббентропом идеи «Европейской федерации». Новыми были интонации и нотки, отчетливо указывавшие на сохранение за Германией положения «континентального гегемона» («объединение Европы было начато Германией», «Германия стремится к объединению Европы» и т. д.), что лишь отчасти было завуалировано фразами о «добровольности» объединения и сохранении за европейскими странами их государственного «суверенитета». Но при всем том подчеркивалось, что любое государство должно было «быть лояльным Европе» и обязано «активно сотрудничать в деле решения

общеевропейских задач». Поскольку повестка дня должна была определяться Третьим рейхом, то на практике эти пункты должны были означать беспрекословное подчинение Германии и активное участие во всех ее начинаниях. Только так можно понять, что означал тезис VIII: «Задачей нового европейского порядка является устранение причин, которые в прошлом были поводом для внутриевропейских войн, окончание эпохи внутриевропейских войн и преодоление европейского партикуляризма». Не надо быть провидцем, чтобы прочитать между строк: «Ведение войн за пределами объединенной Европы и узаконивание германской гегемонии». Опять же в тезисе IX говорилось о том, что «страны оси» (читай: Германия) должны были гарантировать Европе защиту от внешней агрессии.

Необходимость маскировки господствующего положения Германии на континенте отмечалась многими немецкими дипломатами. Например, в подготовленных в конце февраля 1943 года «Предложениях по унификации европейской и восточноазиатской политики больших пространств» советник Кольб отмечал: «В Европе господствует опасение, что национал-социалистическая Германия хочет навязать европейским народам свою волю». Сложно сказать, понимал или нет дипломат, что эти опасения были отнюдь не беспочвенными. В любом случае Кольб предлагал объединить в рамках «новой Европы» все государства безотносительно их формы правления: тоталитарной, монархической или парламентской. Подобного рода замечания отчетливо указывают на то, что идея «объединенной Европы» носила не столько политический, сколько геополитический характер. «Упорядочивание» политики больших пространств с одной стороны в Европе, с другой стороны на Дальнем Востоке имело в своей основе только лишь один посыл – складывание мощного блока, ориентированного против России. Подобно тому, как не играл никакой роли политический характер «объединенной Европы», так не имело никакого значения, каков был политический строй в самой России. Традиционные оговорки относительно большевизма носили в большей степени пропагандистский, нежели стратегический характер. Спроектированная в Третьем рейхе «объединенная Европа» при любом стечении обстоятельств должна была противостоять России.

Постепенно идея создания «Европейской федерации» стала обретать пусть и не повальную, но все-таки заметную популярность среди нацистских дипломатов. Летом 1943 года свои разработки на суд Риббентропа представил посол Ганс Фровайн, в свое время принимавший участие в деятельности специальной парижской делегации, которая должна

была заключить мир между Францией и рейхом. 7 июня 1943 года он направил в Берлин «Основные соображения относительно плана новой Европы». В нем он предлагал сформировать «Европейское сообщество», члены которого должны были заключить специальный «Европейский пакт». Особо интересной выглядела его идея касательно учреждения «Европейского суда», которая, вне всякого сомнения, была воспроизведена в современном Евросоюзе. Однако более инициативным был немецкий дипломат Сесиль фон Ренте-Финк. 6 сентября 1943 года он подал на имя Риббентропа докладную записку, в которой предлагал меры, как адаптировать идею «Европейской федерации» к требованиям национал-социалистического режима. Уже в преамбуле этот политик отмечал, что необходимость интеграционных процессов в Европе возрастала прямо пропорционально тому, как затягивалась война. Сесиль фон Ренте-Финк предполагал: «Очень важно пробудить и постоянно поддерживать у народов Европы надежду, что победа немецкого оружия дарует континенту порядок, долгожданный мир, национальную самостоятельность, материальное благосостояние и социальную справедливость. Германия вела эту борьбу как передовой боец нового, лучшего порядка, в котором всем европейским народам будет отведено достойное место». Долго рассуждая о национальных интересах отдельных народов, немецкий дипломат в конце концов все-таки раскрывает истинные задачи этого проекта: «Если мы одержим победу в войне, то влияние Германии в Европе будет настолько велико, что мы в любое время сможем осуществить наши намерения в политической, экономической и военной сферах, не прибегая к особым соглашениям». Как говорится, победителей не судят. Во имя победы в мировой войне национал-социалисты были готовы поддержать идею «европейской интеграции» и условного национального суверенитета, чтобы после предполагаемого поражения России вновь установить единоличный контроль над континентом. Принимая во внимание, что Сесиль фон Ренте-Финк был кадровым дипломатом и не принадлежал к числу фанатичных нацистов, можно еще раз подтвердить мысль о том, что «объединенная Европа» как главный противник России могла иметь любой политический окрас. Только в нацистском варианте антирусская составляющая проекта была более ярко выражена. Один из немецких дипломатов того времени вспоминал: «Нам приходилось писать для психопатов, конкурируя с всё теми же психопатами». Когда летом 1943 года Виперт фон Блюхер, немецкий посол в Финляндии, прибыл из Хельсинки в Берлин, то «старые коллеги» едва ли не хором заверяли его, что в будущем войну против России будет вести «сформированная на

федеративной основе Европа». Хотя бы по этой причине нет никакого смысла рассуждать о том, каково было соотношение нацистов и консерваторов в МИДе Германии: «поход на Восток» продолжили бы и «Европейская федерация», и «Великогерманский рейх».

При изучении современных учебников по европейскому праву и учебных пособий по европеистике буквально бросается в глаза, что их авторы (как российские, так и европейские) настойчиво обходят стороной сюжеты, связанные с подготовкой нацистами европейской интеграции. В этих книгах история образования «объединенной Европы» прерывается на инициативе Аристида Бриана (1927 год) и возобновляется с Гертенштейновской конференции (1946 год). У любого читателя может сложиться впечатление, что за два десятилетия, которые разделяют эти события, не предпринималось ни одной попытки создания чего-то, хотя бы издали напоминающего современный Евросоюз. Тем удивительнее тот факт, что все основные евроинтеграционные разработки были сделаны в годы нацистской диктатуры. Вдвойне удивительно, что столь гордящиеся своим прошлым европейцы старательно пытаются забыть реальную историю. Не потому ли, что конструкции, подобные «объединенной Европе», могут иметь любой политический окрас, но сохраняют неизменный антироссийский стержень?

Глава 3. А был ли антифашист? (К истории одного документа)

В ноябре 1941 года в Третьем рейхе статс-секретарю имперского министерства иностранных дел Вайцзекеру был представлен меморандум, который касался возможного устройства «послевоенной Европы». Автором этого документа был профессор Альбрехт Хаусхофер, сын знаменитого основоположника геополитики как науки Карла Хаусхофера. Предполагалось, что на основании этого меморандума должен был быть подготовлен доклад для Гитлера. Начав свои рассуждения с того, что «события последних лет продемонстрировали, что нерегулируемая болезненным международным правом анархия множества суверенных государств была прекращена», Альбрехт Хаусхофер предлагал фюреру свое видение будущей Европы. Документ по своему объему напоминал скорее небольшую книгу, а потому для нас особый интерес представляют мысли и идеи, которые касались «обустройства» России. Исходя из того, что «в современной мировой войне ни одна из мировых держав не могла претендовать на абсолютную победу, т. е. на надконтинентальный диктат», Альбрехт Хаусхофер предлагал учитывать, что «азиатское властное ядро великороссов – в сталинском или же другом виде – сохранится от Волги или от Урала вплоть до озера Байкал». Вывод о том, что сугубо военно-насильственное подчинение «русской Евразии» было столь же маловероятно, как и подчинение Китая, заканчивался рядом практических предложений. Во-первых, Хаусхофер говорил о «проблеме геополитической изоляции Сталина (и великороссов) в Сибири». В этой связи заявлялось: «Сталин или его последователи, которые могут придерживаться как идей мировой революции, так и великорусского национализма, будут тактически заинтересованы во включении в процесс переговоров», от которых, собственно, и надо было их изолировать. Чтобы облегчить «сибирскую изоляцию», Хаусхофер великодушно предлагал не завоевать Россию восточнее линии: Белое море – Онежское озеро – Волхов – Среднерусская возвышенность – Дон – устье Волги. Причина столь разительного «благородства» крылась в том, что автор документа полагал русских (так же, как и сербов) народом, который на протяжении долгого времени не сможет смириться с немецким диктатом. Весьма показательно, что в соответствии с расовыми законами Третьего рейха считавшийся на

четверть евреем Альбрехт Хаусхофер причислял к числу «антинемецких народов» европейских евреев («в первую очередь восточноевропейских евреев»).

Программа «преодоления великорусской проблемы», предложенная Альбрехтом Хаусхофером, предусматривала целый ряд мер по расчленению России (читай: СССР). Предлагалось предоставить условную самостоятельность прибалтийским государствам. Карелия должна была отойти к Финляндии, что якобы должно было обеспечить безопасность всей северной Скандинавии от некой «великорусской угрозы». Рассуждая о лишении России выхода к морям, Хаусхофер многозначительно намекал на «судьбу Петербурга». По большому счету вся северная Россия должна была перейти под контроль рейха и его сателлитов. Аналогичная судьба ожидала Украину, Белоруссию и Кавказ. Хаусхофер говорил о создании неподконтрольного Москве «пояса государств», который должен был протянуться от Белоруссии через Украину к Кавказу и закончиться на Гиндукуше. Внешне этот процесс должен был быть замаскирован как взлет национального самосознания ряда народов, этносов и племен. На самом же деле предполагалось всячески развивать и культивировать в упомянутых областях русофобские настроения. Критика большевизма должна была носить условный характер, так как в первую очередь надо было вызывать ненависть к «великороссам». Поощрение русофобии должно было происходить по предложению Альбрехта Хаусхофера через формирование новой политической и культурной «элиты» тех этносов, которым разрешено было бы получить собственную государственность под немецким патронажем.

Практический план по геополитической изоляции русского народа в Сибири примечателен хотя бы в силу нескольких обстоятельств. Во-первых, немецкого геополитика вовсе не интересовала идеологическая составляющая этого проекта: с большевиками или без, со Сталиным или без – но русские должны были оказаться в геополитической обособленности. Во-вторых, этот план был подготовлен человеком, которого в отечественной историографии было принято называть «консервативным антифашистом». Поводом для подобного рода умозаключений послужили два ареста и «Моабитские сонеты», которые были написаны Альбрехтом Хаусхофером зимой 1944–1945 годов, то есть накануне того, как он был расстрелян без суда и следствия в Берлине. Но на практике оказалось, что процитированный выше документ был написан сразу же после того, как Хаусхофер-младший был освобожден после первого ареста из тюрьмы гестапо. В 1941 году с ним обращались в

высшей мере корректно, и двухмесячное пребывание в казематах никак не повредило его физическому и психическому самочувствию. Да и предлогом для ареста стала отнюдь не мнимая антифашистская деятельность Альбрехта Хаусхофера. Его небезосновательно подозревали в организации перелета Рудольфа Гесса в Англию, который заместитель фюрера по партии совершил в мае 1941 года. Альбрехт Хаусхофер, хотя и не был национал-социалистом, но, благодаря своему близкому знакомству с Рудольфом Гессом и Иоахимом фон Риббентропом, сделал стремительную и блестящую карьеру в дипломатической сфере. Он считался специалистом по тайным дипломатическим миссиям, за что в коридорах МИДа Альбрехта прозвали «Его серейшее Высокопреосвященство» («серый кардинал»). К великому разочарованию Карла Хаусхофера, его сын не разделял антианглийских воззрений, равно как без восторга относился к идее «евразийской оси: Берлин – Москва – Токио», которую создатель геополитики вынашивал еще с 20-х годов. Напротив, Альбрехт Хаусхофер благоволил англичанам, будучи в Великобритании со специальными миссиями множество раз.

В начале августа 1940 года Рудольф Гесс неожиданно для Альбрехта Хаусхофера завел с ним разговор о судьбе. При этом заместитель фюрера ни словом не намекнул, что подвигло его на ведение подобных бесед. Несколько позже он все-таки сообщил Хаусхоферу-младшему, что Гитлер не намерен продолжать военные действия против Великобритании. Подобное решение было продиктовано расово-политическими соображениями. Гитлер считал, что Германия не должна быть заинтересована в военном поражении Англии, так как это могло привести к падению власти белых в Индии и Индокитае. По прошествии некоторого времени Рудольф Гесс поинтересовался у Альбрехта Хаусхофера, сохранил ли тот свои связи с англичанами. Особый интерес представляли «дальновидные политики». В ответ Хаусхофер-младший недвусмысленно намекнул, что национал-социалистическая Германия уже давно истратила свой лимит доверия. А потому любая попытка связаться с англичанами была бессмысленной. Судя по всему, Рудольф Гесс остался недоволен этой реакцией, так как несколько дней спустя с аналогичным вопросом он обратился уже в Карлу Хаусхоферу. Беседа получилась весьма откровенной. Хотя Гесс так и не пояснил, чем было вызвано его беспокойство. Он решил сохранить в тайне намерение Гитлера напасть на СССР. В итоге в сентябре 1940 года терзаемый сомнениями Хаусхофер-старший попросил своего сына написать письмо Гамильтону Дугласу. В этом письме предлагалось организовать на территории одной из

нейтральных стран встречу с Рудольфом Гессом. Письмо было направлено в Англию окольными путями, а потому достигло адресата только в апреле 1941 года.

Поскольку из Лондона не последовало никакого ответа, Рудольф Гесс стал искать другие возможности для начала «мирных» переговоров. Не исключено, что Гитлер знал об этой инициативе и, в принципе, поддерживал ее. Весной 1941 года Хаусхоферы вновь оказались втянутыми в эту «миролюбивую» операцию. После долгих бесед и споров отец не смог удержать сына от поездки в Женеву, где предполагалось встретиться с Карлом Якобом Буркхардтом. Это был общественный деятель, известный своими широкими связями в Лондоне. Кроме этого он всегда выражал недовольство тем, что Германия воевала с Великобританией. За день до отбытия в Женеву Альбрехт Хаусхофер рассказал о своей миссии матери. Та отметила в дневнике: «Только если бы мое одобрение могло помочь этому предприятию, то оно непременно бы удалось. Но я и Альбрехт не верим в успех. Но все-таки надо попытаться». 3 мая 1941 года Альбрехт позвонил домой из Швейцарии и сообщил, что его миссия не полностью провалилась и еще имелись шансы на успех. Он планировал вернуться домой и рассказать все детали. Однако вскоре события стали сменять друг друга как в калейдоскопе. 10 мая 1941 года Рудольф Гесс, не дожидаясь возвращения Альбрехта Хаусхофера, на своем самолете направился в Великобританию. Он решил действовать на свой страх и риск, желая вынудить англичан начать «мирные» переговоры.

По большому счету большинство геополитических проектов, предложенных немцами в 1940–1941 годах, предусматривали создание подобия «объединенной Европы», что в свою очередь было продиктовано необходимостью вынудить Великобританию заключить сепаратный мир с Третьим рейхом. Гитлер как «легитимный» представитель «объединенной Европы», в том числе марионеточных государств, созданных на территории СССР, должен был изменить позицию британского правительства. По большому счету план, подготовленный Альбрехтом Хаусхофером в ноябре 1941 года, был не чем иным, как попыткой выведения Великобритании из войны. Именно это предположение позволяет понять суть пассажей о том, что в «сибирской изоляции» Сталин должен был быть лишен возможности контакта с «морскими державами». Альбрехт Хаусхофер еще 8 сентября 1940 года докладывал Рудольфу Гессу о возможности достижения мира между рейхом и Великобританией на базе антирусской политики. Он сообщал: «По моему убеждению, нынешняя война научила нас тому, что Европа стала слишком крошечной для того,

чтобы вести прошлый беспорядочный образ жизни. Новый порядок, направленный против русской Евразии во имя поддержания мира во всем мире, возможен лишь при условии теснейшего англо-немецкого сотрудничества». Нельзя сказать, что проект Альбрехта Хаусхофера так и остался проектом: во-первых, многие из его идей были взяты на вооружение оккупационными властями, а во-вторых, сразу же после написания этого меморандума, было заявлено о продлении Антикоминтерновского пакта, к которому к ноябрю 1941 года присоединились уже многие европейские страны.

Итак, «Моабитские сонеты» и последовавший весной 1945 года расстрел Альбрехта Хаусхофера были единственными моментами, которые позволяли на протяжении многих лет говорить об антифашизме этого специалиста по тайным дипломатическим операциям. Надо признаться, что даже автор этого материала не сразу обратил внимание на то, что второй арест Альбрехта Хаусхофера произошел в конце 1944 года, а потому никак не мог быть связан с делом о «заговоре 1944 года». К этому моменту следствие было закончено, а все участники заговора были казнены. Нельзя не обратить внимания на то, что Хаусхоферу-младшему не было предъявлено никаких обвинений, а в апреле 1945 года он был расстрелян без суда и следствия. Рейх так стремительно избавлялся не столько от антифашистов, сколько от ненужных свидетелей. Аналогичным образом был казнен эсэсовский врач-садист Зигмунд Рашер, которого сами же национал-социалистические власти обвинили в систематическом похищении детей. В этой связи надо задаться вопросом: а был ли антифашист? Ничто, кроме «Моабитских сонетов», не говорит об антифашизме Альбрехта Хаусхофера. Он составлял планы по расчленению России и преданно выполнял тайные миссии, поручаемые руководством Третьего рейха, что вызывало явное недовольство его отца – Карла Хаусхофера. Того самого отца, который ратовал за континентальный мир и геополитическое сближение России и Германии. Того самого отца, которого сын в своих сонетах лицемерно обвинил в помощи Гитлеру и национал-социалистам.

Глава 4. Европейское экономическое сообщество – наследие гитлеровского режима

Принято считать, что образование общеевропейского экономического пространства началось в 1958 году, после того как были подписаны Римские договоры, на основе которых было создано Европейское экономическое сообщество (ЕЭС). Однако более детальное изучение исторических фактов позволяет предположить, что основная разработка принципов ЕЭС происходила значительно раньше. По большому счету старт этому процессу был дан в 1940 году, когда в ходе скоротечных боевых действий немецкие войска захватили Данию, Норвегию, Голландию, Бельгию и Францию. Фактически сразу же в различных министерствах и инстанциях Третьего рейха стали возникать планы по управлению оккупированными территориями. 30 мая 1940 года немецкий дипломат Карл Август Клодиус предложил руководству Имперского министерства иностранных дел интегрировать Голландию, Бельгию, Люксембург и Норвегию в состав так называемого «великогерманского экономического пространства». Буквально два дня спустя другой дипломат – Риттер – предложил сформировать «глобальное экономическое пространство», которое должно было охватывать территории с общим населением более 200 миллионов человек (включая Голландию, Бельгию, Люксембург, Данию, Норвегию). В перспективе в него должны были быть влиты страны дунайского региона, Финляндия, Швеция и Прибалтика. Одновременно с этим собственную инициативу проявил Вернер Дайц, который еще в сентябре 1939 года стал инициатором создания «Общества европейского хозяйственного планирования и экономики больших пространств». 31 мая 1940 года Вернер Дайц подготовил меморандум, в котором предлагал создать Имперский комиссариат экономики больших пространств.

В этом документе Вернер Дайц отмечал, что построенная на морской торговле «либеральная империя фунта стерлингов» (Британская империя) должна была распасться, дав жив жизнь нескольким валютно-экономическим блокам: блоку доллара, блоку йены, блоку рупии и континентальному блоку марки. Блокада Англии в ходе начавшейся Второй мировой войны должна была неизбежно ускорить этот процесс.

Дайц подчеркивал, что блокада как военно-политическое средство должна была дополняться мерами по формированию общеевропейской континентальной экономики, которая непременно находилась бы под германским контролем. В перспективе планировалось образование единого экономического сообщества, которое бы простиралось «от Гибралтара до Урала, от Нордкапа до острова Кипр». Лозунгом предполагаемого объединения должны были стать слова: «Европа для европейцев». Показательным является тот факт, что будущее европейское экономическое сообщество должно было рассматривать Сибирь, Средиземноморье и Африку как зоны для последующей колонизации. Созданное с началом Второй мировой войны «Общество европейского хозяйственного планирования и экономики больших пространств» рассматривалось Вернером Дайцем в качестве первого шага на пути к формированию глобальной континентальной экономики. Как ни странно, общество формально подчинялось Имперскому министерству воспитания, хотя на практике занималось организацией сотрудничества множества экономических структур. Но все-таки «Общество европейского хозяйственного планирования» было в первую очередь научной структурой, которая разрабатывала варианты преобразования европейской экономики. Хотя бы по этой причине требовалось появление сугубо политического института, занимающегося практическим воплощением уже имевшихся наработок. По предложению Дайца таковым должен был стать Имперский комиссариат экономики больших пространств. Интересной кажется мысль о конкуренции плановой экономики Советского Союза и запланированного европейского экономического сообщества. Впрочем, фраза Дайца о «грядущих военных целях» позволяет предположить, что формирование европейского экономического сообщества имело целью ускорить подготовку к началу войны против СССР.

Можно отметить, что планы, предложенные Клодиусом, Риттером и Дайцем, во многом носили «эйфорический» характер». Перефразируя знаменитое название статьи Сталина, можно сказать, что в те дни у многих «было головокружение от успехов на Западном фронте». Некую порцию отрезвления внесли решения, принятые 9 августа 1940 года Комитетом по торговой политике, в который входили представители самых различных министерств. В них ясно говорилось: «По возможности пресечь обсуждение немецких планов по экономической перестройке Европы». В итоге принятый в недрах Имперского министерства экономики первый проект по переводу немецкого хозяйства на «военные рельсы» более напоминал документ, рожденный во время кайзеровской Германии, нежели

в годы национал-социалистической диктатуры, ориентированной на «экономику больших пространств». Но даже в этом варианте в нем имелось несколько в высшей мере показательных пассажей. Во-первых, ясно говорилось о том, что грядущее экономическое преобразование Европы было вызвано победами Вермахта, а в последующие годы экономика будет носить военный характер – отчетливое указание на экспансию на Восток. Во-вторых, военно-хозяйственная политика рейха была ориентирована на прекращение «балканизации Европы», что в свою очередь якобы должно было способствовать повышению уровню благополучия европейцев. При этом между европейскими странами должны были быть устранены таможенные барьеры, а также должна была появиться общеевропейская валюта – естественно, это должна была быть рейхсмарка. В самой Европе должно было произойти «разделение труда», то есть устранение конкуренции и сворачивание в ряде стран дублирующих друг друга производств.

Как видим, позиция структур и инстанций Третьего рейха была весьма противоречивой. С одной стороны, говорилось о грядущем европейском экономическом сообществе, с другой стороны, официальные лица весьма сдержанно рассуждали на эту тему. Это отмечали даже зарубежные наблюдатели. Особое внимание привлекала позиция Имперского министра экономики и Президента имперского банка Вальтера Функа. 25 июля 1940 года тот выступил с отдельным заявлением. В своей речи Функ лишь вскользь коснулся темы общеевропейской экономики, отметив необходимость «укрепления чувства солидарности европейских народов и способствования сотрудничества во всех областях экономики». При этом он отметил, что главной целью будущей европейской экономики должно было стать обеспечение «Великогерманского пространства» и благополучие немецкого народа. Нечто аналогичное Функ заявлял несколькими днями ранее: «Германия обладает всей полнотой политической власти в Европе, а потому преобразование экономики будет отвечать ее потребностям. У нас есть политическая воля, чтобы использовать эту власть. Все страны должны равняться именно на нас. Экономика отдельных европейских стран должна быть приспособлена к нашим надобностям».

Как видим, заявления были предельно откровенные. При этом заместитель Функа, статс-секретарь Имперского министерства экономики Густав Шлоттерер занимал более гибкую позицию. Конечно же, он ни в коей мере не оспаривал мысль об экономическом диктате Третьего рейха. Но в то же самое время он прекрасно понимал, что нельзя было добиться

нужного результата только мерами принуждения. Шлоттерер пытался организовать «добровольное» сотрудничество немецких промышленников и их европейских коллег. Именно Шлоттерер был инициатором формирования единой европейской транспортной системы и рационализированной европейской промышленности. В свою бытность служащего Имперского министерства экономики Шлоттерер подчеркивал: «Экономическая Пан-Европа предполагает не объединение государств, а объединение национальных экономик на базе договоров, заключенных между нациями». Первыми этот девиз поддержали промышленники угля и стали из Рура; те самые, которые некоторое время спустя, после войны, стали одними из первых инициаторов европейской интеграции, тогда еще на стадии создания «Европейского объединения угля и стали».

Надо отметить, что вопрос о формировании европейского экономического сообщества оказался разделен между множеством различных министерств и инстанций Третьего рейха. Кроме Имперского министерства экономики им также занималась специалисты Имперского министерства иностранных дел. Также со временем к борьбе за «европейскую экономику» подключились структуры СС и Имперского министерства оккупированных восточных территорий (А. Розенберг). Нельзя не отметить, что разработкой той же самой проблемы формально независимо друг от друга занималось огромное количество более мелких ведомств:

– упоминавшееся ранее «Общество европейского хозяйственного планирования и экономики больших пространств»,

– Центральный научно-исследовательский институт национального хозяйства и глобальной экономики,

– Имперское ведомство изучения пространств и регионального планирования,

– Немецкое общество мировой экономики,

– Научный институт «Немецкого трудового фронта»,

– Институт мировой экономики при университете Киля,

– Институт глобальной экономики при Гейдельбергском университете и т. д.

Излюбленной темой национал-социалистических экономистов была идея глобальной экономики, которая с 1942 года была воплощена в идею так называемого европейского экономического сообщества. Впервые этот термин был употреблен Вернером Дайцем в 1916 году. Предполагалось, что эта идея должна была стать экономическим дополнением теории о

«жизненном пространстве». Поначалу мыслилось создать некое ганзейское объединение общеконтинентального масштаба. Но постепенно идея была превращена в мысль о необходимости создания имперского планового хозяйства, где централизованная власть должна была регулировать экономические и хозяйственные отношения отдельных европейских регионов и территорий. Уже в августе 1939 года при Верховном командовании Вермахта была создана специальная группа «Военная экономика», которая занялась изучением проблем экономики больших пространств в условиях войны. Глобальная экономика должна была стать инструментом, позволяющим «создать экономическую базу для политического господства в Европе» (естественно, речь шла о господстве Третьего рейха). Идея европейского экономического сообщества продолжала разрабатываться в Третьем рейхе до самого окончания Второй мировой войны. Но национал-социалистические теоретики никак не могли решить проблему координации национальных экономик. В 1944 году профессор Эрих фон Зиверс писал о «вопиющей неопределенности» при обращении к проблемам глобальной наднациональной экономики. Впрочем, это не мешало большинству идеологизированных экономистов сходиться во мнении относительно того, что единая европейская экономика должна была обеспечить самодостаточность континента.

В Третьем рейхе было две школы, два различных подхода к проблеме европейского экономического сообщества. Вернер Дайц придерживался биологической точки зрения, которая предполагала, что общее хозяйство можно было создать только у этнически родственных народов. Прочие авторы придерживались прагматического подхода, то есть ориентировались на общие хозяйственно-экономические цели. Гораздо больше подходов обнаруживалось при обсуждении вопроса суверенитета отдельных стран «Новой Европы», которые должны были войти в европейское экономическое сообщество. Вернер Дайц настаивал на «обнулении» государственного суверенитета в пользу так называемого «суверенитета наций» – его фразеология была ближе всего к построениям национал-социалистических теоретиков, которые планировали сформировать новую систему международного права. Однако некоторые из немецких экономистов выступали в пользу самостоятельности европейских государств, которые должны были составить европейское экономическое сообщество. Именно их построения были использованы в 50-е годы при подготовке «Римских договоров» – было решено даже не менять терминологию, взяв на вооружение столь популярный в Третьем рейхе лозунг о создании европейского экономического сообщества.

Наверное, прозорливее всех оказался Арно Зельтер, который даже в годы диктатуры настаивал на соблюдении принципа добровольности при вхождении в европейское экономическое сообщество. В одной из своих статей он заявил: «Мир и достаток в Европе не могут долгое время поддерживаться при помощи штыков и солдатских сапог». Также можно выделить построения представителя концерна «ИГ Фарбен» доктора Антона Рейтингера, который предполагал, что европейская экономическая кооперация должна строиться на принципах добрососедства и взаимоподдержки. Экономика больших пространств в его понимании должна была быть социальным благом для всех народов. Он писал: «Мы должны мыслить не в великогерманском духе, но по-европейски, в лучшем смысле этого слова. Мне кажется, что мы как европейцы должны стремиться к тому, чтобы Европа, опираясь на открытия и достижения нашего времени, стала политическим, экономическим и культурным общежитием». Впрочем, эти «благие намерения» никак не изменяли национал-социалистический вектор большинства экономических построений.

Было бы в корне неверным полагать, что экономические планы для послевоенной Европы строились только в Третьем рейхе. Аналогичные попытки предпринимались в Англии и в США. Только принимая во внимание эти сведения, можно понять суть подготовленного в 1943 году Карлом Августом Клодиусом специального доклада «Об экономическом преобразовании Европы». В нем речь шла не столько о реальной перестройке европейской экономики, сколько о попытке дать пропагандистский ответ «западным проектам». Немецкий дипломат подчеркивал в своем докладе, что самым эффективным средством психологического воздействия на европейские народы мог бы стать предложенный Германией план «позитивного» преобразования послевоенной Европы. Клодиус писал: «Обсуждение этой темы европейской общественностью смогло укрепить народы в чувстве, что Германия считает вполне естественным наличие у европейских наций после достигнутой победы права определять свою собственную судьбу под немецким патронажем». Упомянутой европейской общественности предлагалось явить несколько тезисов. Войну предлагалось представить всего лишь как попытку Германии обеспечить Европе экономическую независимость. В данном случае речь шла о своеобразной континентальной автаркии. Но она не должна была превратиться в континентальную изоляцию. Сотрудничество больших пространств должно было дать импульс для развития всего мира. Обеспечить хозяйственную кооперацию

и некую европейскую экономическую солидарность планировалось при помощи следующих средств: запрет на приобретение товаров за пределами континента, если таковые имелись в Европе; запрет на продажу товаров за пределами Европы до того момента, пока на них существовал спрос в самой Европе; цены на европейскую сельхозпродукцию должны были устанавливаться независимо от «мирового рынка» («Если бы после окончания войны европейское сельское хозяйство оказалось в состоянии свободной конкуренции с заморскими производителями, то это бы означало крах для некоторых стран Европы»); устранение таможенных границ внутри Европы; введение общей европейской валюты.

По мере того как Вторая мировая война вступала в новые стадии, к проекту по созданию европейского экономического сообщества подключались все новые и новые министерства. После того как главой Имперского министерства вооружений и боеприпасов стал Альберт Шпеер, эта структура тоже решила поучаствовать в преобразовании европейского хозяйства. Новый министр заново сформировал управление планирования, во главе которого поставил старшего правительственного советника Арнольда Кёстера. Проработав некоторое время в новой должности, осенью 1943 года Кёстер подготовил меморандум, который назвал «Европейское хозяйственное планирование». В этом документе отмечалось, что Германия использовала оккупированные территории исключительно в принудительном порядке, что было не совсем целесообразно. Автор документа верно отмечал, что эксплуатация местного населения приводила к росту враждебности, пассивному сопротивлению и саботажу. Чтобы добиться действительно тотальной мобилизации европейской экономики, Кёстер предлагал создать специальное Управление европейского хозяйственного планирования. Конечно, Германия должна была оставаться континентальным гегемоном, но откровенная эксплуатация, насилие и меры принуждения должны были быть замаскированными, не столь явными.

Подводя некоторые итоги, можно уверенно говорить о том, что интеграционные процессы, начатые в сфере европейской экономики в конце 40-х годов, в частности создание Организации европейского экономического сотрудничества (а далее «Европейского объединения угля и стали» и Европейского экономического сообщества), были отнюдь не случайными. Принятая в весьма показательную дату – 9 мая 1950 года – «Декларация Шумана» только не посвященному в детали истории человеку могла показаться качественно новым моментом в истории развитии Европы. Рассуждения о «конкретных действиях, призванных вначале

обеспечить европейскую солидарность на деле» на практике оказались калькой с экономических проектов Третьего рейха. «Европейское экономическое сообщество» как понятие возникло в кайзеровской Германии, но как идея было оформлено именно в годы национал-социалистической диктатуры. В этой связи едва ли можно удивляться тому, что в настоящее время немецкая экономика стала неким диктатором в хозяйственной жизни Европы. Остается открытым лишь один вопрос: если Третий рейх планировал применить европейское экономическое сообщество как хозяйственную основу для начала войны против СССР, то для какой войны сейчас планируется использовать эту глобальную экономику?

Глава 5. «Четвертая евроинтеграция»: путь агрессии и порабощения

Было бы ошибкой полагать, что разрабатываемые в годы национал-социалистической диктатуры проекты объединения европейского пространства были поголовно пангерманскими, агрессивными и расово-биологическими. В те годы в Германии были и свои исключения. Например, в свое время отколовшийся от социал-демократов младоконсервативный публицист Август Винниг в 1938 году опубликовал работу, которая называлась «Европа – мысли немца». На страницах этой книги он умудрился не упомянуть ни Гитлера, ни национал-социализм. Винниг полагал, что объединяющим Европу компонентом должно было стать христианство. Не придерживался национал-социалистических постулатов и берлинский профессор А.Бринкман, также издавший в 1938 году книгу, посвященную проблеме объединения Европы. «Дух наций» (именно так называлась эта работа) был попыткой заложить основу для взаимопонимания европейских наций, что в свою очередь, по мнению Бринкмана, должно было привести к образованию «Европейского Сообщества». Профессор даже позволил себе несколько смелых идей, например, заявив, что имеется более высокий долг, нежели служение своему Отечеству. За подобного рода пассажи книга сразу же попала под огонь критики со стороны национал-социалистических обозревателей. Один из них писал: «“Дух наций” не нуждается в осуждении, так как книга уже вынесла сама себе приговор. Еще никто не предпринимал попытку показать немецкий взгляд на вещи в столь извращенном виде… Автор является несомненным сторонником интернациональной дружбы и международного сотрудничества».

Однако все-таки самым показательным был пример Гизелера Вирзинга. Его вряд ли можно было назвать антифашистом, но тем не менее в своих «европейских разработках» он пытался дистанцироваться от идей национал-социалистического экспансионизма. Вирзинг по сути своей был типичным интеллигентом-оппортунистом, который согласился служить преступному режиму. Будучи выходцем из среды консервативно-революционных кружков, Гизелер Вирзинг достаточно долгое время изучал попытки объединения европейского пространства. В своей книге «Эпоха Икара» он попытался изложить свои выводы, не прибегая к

национал-социалистической фразеологии. В основном он размышлял о национальном распределении «больших пространств». По сути, автор этой книги приходил к выводу о необходимости федерализма, что подчеркивал еще в своей ранней работе «Промежуточная Европа и немецкая судьба», которая увидела свет в 1932 году, то есть за год до прихода Гитлера к власти. Некоторые из идей Вирзинга кажутся в высшей мере интересными. Например, он считал Вторую мировую войну четвертой попыткой осуществить объединение Европы. Предыдущими тремя были: Наполеоновская империя, «Священный союз» и система, созданная Аристидом Брианом (эту работу было бы недурственно изучить современными специалистам по европейской истории и европейскому праву, которые отсчитывают начало процесса евроинтеграции с 50-х годов XX века). По мнению Вирзинга, все попытки объединить Европу были обречены на провал – по этой причине он сравнивал Европу с Икаром, который, взлетая к Солнцу, неизбежно лишается крыльев и камнем падает вниз. Вирзинг даже сделал по-своему пророческое предположение. Нисколько не сомневаясь в том, что «четвертая попытка объединения Европы» закончится полным провалом, он говорил: «Германия и Япония оказались втянутыми в войну, так как Англия не имела права претендовать на мировое господство. Однако оно достанется гигантам-молохам, вселенским монстрам – американизму и советизму, которые превратят Европу и Азию в арену бесконечного противостояния друг с другом». Каких бы взглядов в душе ни придерживался Гизелер Вирзинг, его книга была опубликована в 1944 году, когда он был главным редактором известного пропагандистского журнала «Сигнал».

Наверное, есть необходимость повторить прописную истину: исключения всего лишь подтверждают правило. Работы Виннига, Бринкмана и Вирзинга были всего лишь производными от гигантской работы, которая проделывалась в Третьем рейхе, начавшем «четвертую евроинтеграцию». Когда была напечатана книга «Эпоха Икара», то планы по созданию «Европейской конфедерации» вынашивались не только в Имперском министерстве иностранных дел. К 1944 году стала стихать даже так называемая «война меморандумов», вызванная началом агрессии в отношении СССР. В 1941–1942 годах многочисленные структуры и функционеры рейха буквально соревновались между собой, предлагая многочисленные проекты по эксплуатации и использованию «восточных оккупированных территорий». Из всех этих документов надо обратить внимание на доклад генерального комиссара Крыма Альфреда Фрауэнфельда, который в прошлом был гауляйтером Вены. Фрауэнфельд

относился к числу так называемых «национал-социалистических утилитаристов», а потому он предложил использовать возможные евроинтеграционные процессы для усиления эксплуатации советских оккупированных территорий. Он не верил в силу террора, но нисколько не сомневался в конечных целях грядущей колониальной политики. Этот документ автоматически выводит нас на новый меморандум, который был подготовлен в июне 1944 года старшим советником Имперского министерства восточных территорий Вальтером Лабсом. Им предлагалась новая система управления «восточными территориями». Лабс исходил из того, что итогом войны должно было стать складывание «Европейской конфедерации», в которой «определяющее руководство на основании своей природной, военной и экономической мощи должен был осуществлять рейх». Подобно Фрауэнфельду, Лабс не верил в то, что «восточные территории» можно было контролировать только при помощи силы. Предлагалось влить «восточные территории» в состав «объединенной Европы». Лабс был предельно откровенен: «Это должно делаться не из чувства миролюбия, а исходя из позиций трезвой и реалистичной политики». Собственно, предложенный рецепт был очень прост: для усиления эксплуатации надо было дать мнимое ощущение включения в «европейское пространство» на правах «равных участников». Лабс приводил многочисленные примеры того, что открытое порабощение и откровенное превращение «восточных территорий» в колонии привели бы к обратному результату, а именно к усилению борьбы местного населения против немецкой оккупации. И далее: «Принимая во внимание характер восточных народов, рейх не может сейчас рассчитывать на их преданность и благодарность. Поэтому на восточных территориях неизбежно должны присутствовать крупные части Вермахта и немецкой полиции. Однако меры по управлению этими территориями надо осуществлять незаметно, исподволь. Поскольку в ходе боевых действий эти районы были очень сильно разорены, то без проблем можно будет претворить в жизнь перспективную немецкую политику». Как видим, предлагалась система тихого закабаления, которая должна была претворяться в жизнь через навязывание мнимых европейских стандартов и отвлеченных «европейских идей». Аналогичные идеи высказывались в 1944 году и бывшим руководителем хозяйственного управления генерального комиссариата «Мелитополь» Хайнцем фон Гомайером. В его представлениях «Европейская хартия» должна была стать своего рода политической уловкой – на практике никто не должен был представлять европейским народам никаких прав. «Надеюсь, я не позволю себе слишком

много, когда заявлю, что войну можно проиграть с политической точки зрения даже после того, как одержана ратная победа».

Несмотря на то что перспективы создания «Европейской конфедерации» представлялись весьма туманными, хотя бы в силу того, что военные шансы Германии сокращались с каждым днем, весной 1944 года была предпринята попытка сформировать социальную доктрину для будущего «объединенного европейского пространства». С 14 по 19 марта в силезском городке Бад-Зальцбрунн проходила конференция. Ее официальным организатором выступал «Немецкий трудовой фронт». Это было отнюдь не кулуарное мероприятие: на него прибыли делегаты из семнадцати европейских стран (в основном деятели, ответственные за социальную политику). Если бы не знать, где, когда и кем проводилось указанное мероприятие, то принятые на нем документы могли показаться не просто безобидными, но в высшей мере прогрессивными. В итоговом документе говорилось о праве на труд, признавались различия в социальных традициях разных народов. Некоторые из участников должны были вновь собраться в октябре 1944 года, чтобы принять за основу обобщающие тезисы новой социальной концепции общества. Можно даже утверждать, что в 1944 году была предпринята попытка сконструировать социальный уклад, который некоторое время спустя будет называться евросоциализмом. В одном из ключевых докладов на конференции говорилось: «Нынешняя война позволит сформировать принципы, на основе которых европейские народы создадут свой социальный порядок. Ни либерализм, ни марксистский большевизм не в состоянии указать путь для их спасения от социального кризиса. Издавна здоровые инстинкты европейских народов направляли их против любых материалистических реформ и революционных планов. Европейские народы надеются, что ответственные руководители смогут наконец-то создать истинно социалистический порядок, который будет отвечать не только требованиям разума, но и нравственной справедливости и естественным народным чувствам». Пройдет тринадцать лет и слова, прямо-таки позаимствованные у выступавших на конференции в Бад-Зальцбрунне, будут звучать во время подписания Римских договоров: «Социальная политика сообщества многообразна… Необходимо улучшать условия труда и жизни с тем, чтобы создать возможность гармонизации в ходе таких улучшений… Договор рассматривается как путь социального прогресса, непрерывного улучшения жизни народов, объединившихся в Сообщество».

На практике же новый социальный порядок гарантировал благоденствие отнюдь не для всех. Процветание должно было быть

«уравновешено» беспощадной эксплуатацией иностранных рабочих, военнопленных, угнанных в рабство жителей оккупированных стран. На них даже не планировалось распространять принципы «нового социального порядка», который должен был лежать в основе «новой Европы». Если в 1941 году в рейхе на принудительных работах находилось около 3,5 миллионов человек, то к 1944 году эта цифра составила почти 6 миллионов. Ни о какой «европейской солидарности», которую превозносили национал-социалистические пропагандисты, не было и речи. В зависимости от «расовой ценности» иностранные рабочие разделялись на «гастарбайтеров» (это слово в официальный обиход было введено именно во времена диктатуры) или самых настоящих рабов. Иностранец даже теоретически не мог быть начальником немецкого рабочего. «Гастарбайтерам» было запрещено создавать собственные профессиональные объединения. Руководство «Немецкого трудового фронта», конечно же, постоянно заявляло о недопустимости эксплуатации иностранных рабочих, но это было не более чем лицемерное суесловие.

К 1944 году «объединенная Европа» перестала быть простым пропагандистским лозунгом, она стала идеей, потворствующей эксплуатации оккупированных Германией территорий. Отнюдь не случайно, что, в то время как большинству ведомств Третьего рейха было запрещено упоминать о «едином европейском пространстве» даже не как о политической разработке, но и как об отвлеченной идее, в Имперском министерстве вооружений вокруг бригаденфюрера СС Ганса Креля, руководившего управлением планирования, складывается так называемый «европейский кружок». В нем обсуждались не столько вопросы послевоенного обустройства Европы, сколько проблемы использования европейской рабочей силы для производства вооружений. В то же самое время близкий к Имперскому министерству экономики предприниматель Рихард Ридль вынашивал собственные планы преобразования континента, что должно было обеспечить его дешевыми рабочими руками. Он входил в наблюдательный совет «Донау Хеми АГ». А осенью 1944 года подготовил объемный документ – «Путь к Европе. Мысли об экономическом союзе европейских государств». Ридль был прагматиком, а потому видел послевоенную Европу в качестве федерации, которая базировалась на «блоке свободных наций». «Германия должна была выступать своего рода «знаменосцем», но отнюдь не поработителем Европы». Покровительствовавший Ридлю имперский министр финансов граф Шверин Крозиг до самых последних дней существования Третьего рейха был одержим идеей «объединенной Европы». Весной 1945 года(!) в одном

из писем, адресованных Геббельсу, он сообщал: «Сейчас, когда не является достаточным просто уйти в глухую политическую оборону, разоблачая хаос, в который может быть повергнута Европа (это, конечно, тоже необходимо, но явно недостаточно), мы как никогда нуждаемся в том, чтобы явить миру облик будущей Европы».

Как и предвещал Гизелер Вирзинг, «четвертая европейская интеграция», прикрытая событиями Второй мировой войны, закончилась полным провалом. Но современные европейские политики, судя по всему, услышали советы, которые давали самые различные функционеры Третьего рейха. «Пятая интеграция» началась не с насилия, не с агрессии, не с завоеваний. Но меняет ли это её природу? Разве для построения модели евросоциализма не требуется массы тех, кого будут откровенно эксплуатировать во имя умозрительных идей? Разве слова о справедливости и суверенитете не служат всего лишь прикрытием для новой колониальной политики? Впрочем, на этот раз европейский колониализм приобрел более изощренные формы – современным европейским политикам никак нельзя отказать в том, что они учатся на ошибках национал-социалистических теоретиков.

Глава 6. «Добропорядочные европейцы», или Кто на самом деле придумал НАТО?

9 мая 1945 года в своем личном особняке, расположенном в Осло, был арестован глава оккупационного правительства Норвегии, коллаборационистский политик Видкун Квислинг. Его поспешно судили, после чего расстреляли. Во время судебного процесса Квислинг пытался говорить о каких-то странных вещах, но его не слушали. А между тем это были в высшей мере поучительные показания. Чтобы понять их смысл, вернемся из 1945 года на несколько лет назад. В сентябре 1942 года на 8-м съезде норвежской пронацистской партии «Национальное собрание» («Национальное единение») Видкун Квислинг произнес: «Мы должны быть хорошими норвежцами, славными германцами и добропорядочными европейцами. Эти понятия не исключают одно другое, но напротив, не мыслимы друг без друга». Это программное заявление Квислинга, чьё имя уже было нарицательным, а сам он воспринимался как главный пособник немецких оккупационных властей, было своеобразным итогом развития программы «объединения» Европы. Квислинг был одним из активнейших приверженцев идеи «европейской гармонии», что предполагало складывание «единой Европы», в составе которой Норвегия должна была сохранить формальную автономию.

Еще в 1930 году Квислинг написал книгу «Россия и мы», которую весьма активно переиздавали в 1942 году в европейских странах, находившихся под пятой немецкой оккупации. На страницах этой работы Квислинг изложил идею созданию «Северного Альянса», в который должны были войти немцы, скандинавы, голландцы, британцы, британские доминионы и США. По задумке Квислинга «Северный Альянс» должен был стать эффективным орудием в борьбе против большевистской России. В мае 1933 года, незадолго до того, как Квислинг учредил фашистскую партию «Национальное собрание», этот норвежец предложил создать таможенный союз, на базе которого должен был возникнуть «Союз северных народов». В 1937 году в английском ежеквартальном журнале «Британский союз» была опубликована статья Квислинга, в которой излагалось видение «Мировой Северной Федерации». Третий рейх, скандинавские государства, британцы, фламандцы и голландцы должны были урегулировать торговую и финансовую политику, что должно было

стать первым шагом на пути к формированию глобального антироссийского альянса. Квислинг писал в указанной статье: «Блок этих наций – «Союз северных народов» – будет непобедим. Такой союз будет много эффективнее в борьбе против большевизма, нежели обанкротившаяся либерально-марксистская женевская Лига [наций] … Путь к организованной гуманности лежит через создание Северного Альянса, в который войдут нордические народы, обладающие общей валютой, претворяющие в жизнь общую торговую и таможенную политику. Нашей целью будет втягивание всех прочих стран в этот союз, приобщение их властных верхушек к нашей системе».

Казалось бы, начавшаяся Вторая мировая война должна была поставить крест на этих планах. В любом случае Квислинг приложил немало усилий (хотя и совершенно тщетных) к тому, чтобы Великобритания вышла из состава антигитлеровской коалиции. 11 октября 1939 года он опубликовал открытое письмо, в котором предлагал европейским странам прекратить «братоубийственную» войну. Однако на этот призыв предпочли не обращать внимания ни в Англии, ни в Третьем рейхе. А вскоре последовала оккупация Норвегии. Квислингу пришлось адаптировать свои планы к новым политическим условиям. В феврале 1943 года он составил специальный меморандум. В нем он писал: «Мы ведем войну не для того, чтобы победить Англию или Америку, но во имя новой объединенной Европы». Квислинг полагал, что для достижения целей войны надо было непременно решить ее главный вопрос – «русскую проблему»: «Русская проблема – это главнейший вопрос современной мировой политики». Квислинг прекрасно понимал, что сугубо военное завоевание России едва ли было возможно. По этой причине норвежский фашист предлагал, что в отношении России «новая объединенная Европа» должна была проводить политику в стиле «разделяй и властвуй». Квислинг писал: «Предложенный план предполагает отделение от России следующих территорий: Восточная Карелия, Эстония, Латвия, Литва, Бело-Рутения [часть Белоруссии и Восточной Украины – *Прим. автора*], Западная Украина, Бессарабия, Крым, Грузия, Армения, Азербайджан, – в целом населенных 50 миллионами человек. У России останется приблизительно 20 миллионов квадратных километров территорий со 140 миллионами жителей, которым будут противопоставлены 360 миллионов жителей Европы (без учета Британских островов). Но даже в этих условиях Россия все еще сохранит предпосылки, чтобы остаться державой мирового уровня. Мы должны сделать ее сторонницей континентальной системы». При этом Россия в качестве «континентального сателлита» должна была

быть разделена на множество «самоуправляемых» территорий, весьма напоминающих «крестьянские республики». Власть нового «российского» правительства, которое Квислинг мыслил исключительно как марионетку рейха, должна была быть условной. Квислинг даже не скрывал того, что главным советником нового «российского» правительства должен был стать германский посол. А новой «русской» армией должны были командовать исключительно немецкие офицеры.

На этот документ обратил внимание рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. В указанное время в недрах Главного управления СС уже велись разработки планов «объединения Европы». Некоторые детали общения главы СС и главного норвежского коллаборациониста до сих пор неизвестны. Но факт остается фактом: в 1944 году Квислинг предложил Гиммлеру проект так называемого «Европейского пакта». Этот документ нам интересен прежде всего тем, что в нем Квислинг предложил создать «Европейский конгресс», в котором без проблем можно узнать прототип современного Европарламента. Проект показался слишком «революционным» как Гиммлеру, так и Гитлеру, с которым Квислинг встречался в январе 1945 года. Впрочем, даже если бы верхушка Третьего рейха решилась на формирование «Европарламента», который должен был располагаться в Вене, это вряд ли бы смогло изменить геополитическую обстановку в Европе.

Только принимая во внимание все эти сведения, можно понять, о чем Квислинг говорил во время суда и перед расстрелом. Он пытался утверждать, что представлял британские интересы. Отчасти это было правдой. В период с мая 1927 года по декабрь 1929 года Квислинг был советником норвежского посольства в Москве. Однако он преуспел не столько в отстаивании интересов своей страны, сколько в работе на англичан. За это он даже получил почтенный титул Командора Британской Империи. На первый взгляд, может показаться странным, что «английский агент влияния» создал пронацистскую партию и перешел на сторону Германии. Однако во всех своих планах, относившихся к «объединению Европы» и к образованию «Северного Альянса», Квислинг почти всегда защищал позиции Великобритании. Попытка огласить эти геополитические планы как раз и привела к тому, что Квислинга судили излишне торопливо, а затем не менее поспешно казнили. Британцы, фактически контролировавшие послевоенную Норвегию, вовсе не хотели, чтобы некоторые из их проектов были «омрачены» тенью фашизма. Наверное, не слишком хорошо выглядело, если бы общественности стало известно, что возникший в 1949 году Североатлантический Альянс (НАТО)

фактически был создан по лекалам, предложенным еще в 1930 году Квислингом. «Европейские» политики даже не стали особо мудрствовать с названием – «Северный Альянс» Квислинга без проблем трансформировали в Североатлантический Альянс (НАТО). Когда в 1957 году возник Европарламент, то про Квислинга и вовсе забыли. Опять же тот предлагал разместить «Европейский конгресс» в Вене, а не в Страсбурге, хотя на этот принципиальные различия между проектами заканчиваются.

Сейчас на эти факты пытаются не обращать внимания, так как поборникам «европейской политики» придется объяснить, почему «Объединенная Европа» и НАТО в точном следовании планам Квислинга приложили руку к распаду Советского Союза, отторгнув от России традиционно дружественные нам народы. Пример Квислинга показывает, что структуры вроде НАТО и наднациональные образования наподобие «Объединенной Европы» могли ранее, могут и по сей день носить какой угодно идеологический характер: либеральный, консервативный, нацистский. При смене идеологических масок оставался неизменным их стержень, так сказать, их суть – а именно антироссийская и антирусская направленность. В этой связи любые рассуждения о «миротворчестве» НАТО кажутся столь же нелепыми, как и разговоры об исключительном «миролюбии» частей Вермахта и ваффен-СС.

Глава 7. «Европейское сообщество» – предлог для реванша

«Все предельно просто: они хотят, чтобы европейские народы стали «белыми неграми» Третьего рейха» – такие слова в начале 1939 года записал в своем дневнике маршал Маннергейм. В то время один из самых авторитетных общественных и политических деятелей Финляндии выражал немалую обеспокоенность внешней политикой национал-социалистов, которые даже не намеревались скрывать свои экспансионистские устремления. Пройдет буквально два года – и Финляндия будет воевать против Советского Союза на стороне Третьего рейха. Надо отметить, что эта скандинавская страна не была связана с национал-социалистической Германией ни идеологическим, ни военно-политическим союзом. На первый взгляд могло показаться, что у Берлина и Хельсинки были совершенно разные внешнеполитические цели и задачи. По большому счету финские политики намеревались силой возвратить территории, которые отошли к СССР после Зимней войны 1939–1940 годов. Финляндия даже присоединилась к антикоминтерновскому пакту лишь в ноябре 1941 года, когда немецкие стратеги планировали взятие Москвы. Подобный шаг был выражением специфической формой скандинавского антикоммунизма. Приобретшая в 1918 году независимость Финляндия формально не планировала быть подначальной ни СССР, ни Германии. Тем не менее во всех заявлениях финских политиков была изрядная доля лукавства и лицемерия. Заявляя общественности о возвращении сугубо финских территорий, большая часть политиков уже вынашивала планы создания «Великой Финляндии», чья территория должна была простираться по всей Карелии вплоть до реки Свирь. У некоторых из них были еще более внушительные аппетиты.

В октябре 1941 года состоялась приватная беседа немецкого посола Шнурре и финского президента Рюти. Последний откровенно заявил, что по итогам войны Финляндия должна была прирасти Кольским полуостровом. В августе 1942 года Рюти подтвердил сказанное ранее, хотя и попросил германских дипломатов не распространяться о подобных военных установках. Рюти очень боялся реакции США и Социалистической партии Финляндии. Притязания на Кольский полуостров не были пустыми словами. Уже весной 1942 года финские

политики в разговорах с немецкими дипломатами выражали обеспокоенность тем, что свои претензии на эту территорию заявляла Норвегия, возглавляемая Квислингом. Действительно, лидер норвежских нацистов в те дни создал программный документ – «Меморандум по русскому вопросу», в котором рассматривал судьбу Кольского полуострова. По его мысли, эти земли должны были либо достаться Норвегии, либо перейти в «общее нордическо-германское пользование». В то же самое время правительство Рюти не решилось официально объявить, что целью войны Финляндия считала обладание всей Карелией и Кольским полуостровом. Подобная осторожность объяснялась тем, что Финляндия хотя и была антикоммунистическим государством, но формально оставалась парламентской республикой, в которой значительная часть избирателей отдавала свои голоса социалистической партии.

Финские политики опасались официально подключаться к германской программе «преобразования Европы», пока не была окончательно и ясно обрисована послевоенная судьба европейских народов. Несмотря на то что в одной из многочисленных застольных бесед Гитлер заявил, что хотел бы доверить «героическому финскому народу» защиту северного фланга Великогерманского рейха, подобного рода пассажи могли и не иметь конкретного воплощения. Однако в данном случае всё обстояло иначе. 16 июля 1941 года Гитлер поручил разработать план, в котором предусматривалось присоединение Финляндии к рейху. Произойти это должно было на федеративной основе. Любые попытки переговоров заканчивались неудачей: финские дипломаты предполагали, что за красочным фасадом «Новой Европы» скрывались хозяйственная гегемония и германский централизм имперского образца. Как в декабре 1941 года, так и в феврале 1942 года немецко-финские переговоры не смогли сдвинуться с места, поскольку германские дипломаты не смогли опровергнуть опасения финских коллег. Те же в свою очередь подозревали, что в «новой объединенной Европе» Финляндии была уготована отнюдь не роль полноправного партнера, а участь поставщика сельскохозяйственной продукции и сырья, необходимого для промышленности рейха.

Немецкий посол тут же сообщил в Берлин, что финские политики проявляют повышенный интерес к проекту «преобразования Европы». Однако в той же самой телеграмме он поведал об их подозрениях. Риббентроп незамедлительно направил в Хельсинки ответ с пометкой «Совершенно секретно». Он просил передать, что опасения были совершенно беспочвенными, но с воплощением в жизнь «объединенной Европы» надо было подождать: «Сейчас – неподходящее время, чтобы

заниматься углубленным обсуждением перестройки Европы».

Сами же финны нисколько не сомневались в том, какой они хотели бы видеть «новую Европу». Чтобы гарантировать себе независимость от «американской» и «азиатской» политики «больших пространств», они выступали за безусловное объединение Европы. По словам президента Рюти, процесс интеграции должен был быть добровольным: «Надо уважительно относиться к тому, что исторически связано с нашим континентом». Германские планы «объединения Европы» настолько впечатлили финских дипломатов, что уже осенью 1942 года в министерстве иностранных дел Финляндии был самостоятельно подготовлен проект будущего Европейского союза. У объединенной Европы должна была быть унифицированная внешняя и военная политика. Однако в Берлине этот документ оставили без внимания. Единственной уступкой было разрешение создать в Берлине Немецко-финское общество. На его учредительном собрании немецкому дипломату Виперу фон Блюхеру не раз задавались вопросы, касающиеся того, как «с немецкой точки зрения выглядит будущее Европы». Вопросы в очередной раз остались без ответа.

Интерес к этой теме вновь был пробужден в марте 1943 года, когда Имперский министр пропаганды Й. Геббельс в интервью одной из датских газет заявил, что преобразование Европы должно идти на добровольной основе, а новый союз ни в коей мере не должен лишать европейские народы их идентичности. В Финляндии эти слова приняли за чистую монету, хотя на самом деле они были всего лишь пропагандистской уловкой. Фон Блюхер срочно запрашивал Берлин относительно того, мог ли он трактовать слова Геббельса как официальную позицию рейха. При этом высказывалось мнение, что, принимая тезисы Геббельса в целом, финны никак не были намерены после окончания войны оставаться под патронажем Германии. Судя по всему, Риббентроп был весьма рассержен тем, что министр пропаганды решил вмешаться в вопросы внешней политики. В своем ответе он рекомендовал толковать интервью всего лишь как «частное мнение Геббельса». Однако провокационное интервью министра пропаганды вызывало «волнение умов» не только в Хельсинки. 23 марта 1943 года за официальными комментариями в Имперское министерство иностранных дел обратился финский посол Кивимяки. Он открытым текстом заявлял о необходимости скорейшей разработки «европейской программы». Статс-секретарь Имперского министерства иностранных дел в те дни сообщал: «Во время личной беседы финский посол показал мне статью из шведской газеты, из которой явствовало, что в

Германии шла разработка «европейской программы». Мне кажется, что подобного рода сведения прямо связаны с недавним интервью имперского министра Геббельса. Я ответил, что мне ничего неизвестно по этому поводу. Едва ли в основу статьи из шведской газеты могла быть положена официальная позиция рейха. Тем не менее посол не был удовлетворен подобным объяснением. Он указал на настроения среди наших союзников, которые намерены получить от нас ясный план того, как Европа будет выглядеть после войны. Финляндия настаивает на этом едва ли не больше всех. Во время своей поездки в Словакию Кивимяки в полной мере ощутил недостаток идей, которые могли бы служить паролями для наших союзников и нейтральных европейских стран». В итоге немецкие дипломаты дали уклончивый отказ, отчасти соглашаясь с финским коллегой. Как показывает история, эта программа так и не была окончательно завершена. Финляндия, как, собственно, и другие страны, примкнувшие к Антикоминтерновскому пакту, зря ожидали от Третьего рейха представления проекта «объединенной Европы». Слова так и оставались словами.

Последняя попытка хоть как-то повлиять на национал-социалистов была предпринята во второй половине 1943 года. Именно тогда увидел свет очередной номер журнала «Молодая Европа». На его страницах была опубликована статья финского профессора Орнульфа Тигерштедта «Национальное государство и европейская идея». В ней говорилось о глобальной европейской империи, которая должна была возникнуть на принципах соблюдения суверенитета и уважения к особенностям отдельных европейских народов: «Хотя еще идет война, и мы не можем даже предвидеть, когда она закончится, тем не менее мы все чаще спрашиваем себя: что произойдет, когда будет одержана победа и вопрос преобразования Европы будет поставлен на повестку дня? Даст ли Германский рейх, который сегодня взял ответственность за будущее Европы на себя, действительную возможность формирования европейской империи, как это было провозглашено фюрером? Принесет ли создание Европейской империи долговечный мир, который так ожидает поколение, выросшее среди потрясений войны? Сможет ли фюрер Германии сделать то, что не удавалось многим ранее, – утвердить европейское единство и солидарность на четкой материальной и идеологической базе?» Впрочем, автора статьи на самом деле беспокоили не столько судьба своей страны, сколько Восточные просторы, которые должны были достаться «объединенной Европе». «Большие пространства, на которые сейчас разделен мир, подразумевают, что континент может продолжить свое

существование только лишь как объединенный организм, – пишет Тигерштедт. – Если останутся тридцать расколотых и настроенных друг против друга суверенных государств, то история Европы будет закончена. Когда-то Эллада была объединена Филиппом Македонским и в Коринфе было начато строительство эллинской империи. Европу же ожидают еще более могучие вызовы и более перспективные задачи. Как когда-то объединенная Эллада выплеснула через Персию свою мощь, вызвав тем самым расцвет эллинизма, так сейчас объединенная Европа обретает исключительные возможности на Востоке. Новый эллинизм ищет объект приложения сил далеко за просторами Белоруссии и за степями Украины. Но с этим заданием не способна в одиночку справиться ни одна из европейских наций. Его выполнение предполагает, что все мы предпримем общие усилия. Где на свет рождаются общие задачи, там должно осуществляться (хотим мы этого или нет) общее руководство и общее планирование. Сейчас нет ни частных фронтов, ни частных войн. Имеется только общая борьба и единый огонь на алтаре будущего. Гармоничное объединение национальных государств в рамках конституционно оформленной и узаконенной надгосударственной империи, синтез народного национализма и имперского духа, огромные задачи на востоке – все это является целями поколения, которое определит будущее Европы».

Когда в 1945 году состоялся суд над бывшим уже на тот момент президентом Финляндии Ристо Хейкки Рюти, то он всячески настаивал на собственной невиновности. Впрочем, приведенные выше сведения отчетливо указывают, что Финляндия вовсе не намеревалась ограничиваться возвращением утраченных в ходе Зимней войны 1939–1940 годов областей. Речь шла о захватах огромных северных территорий. Собственно, для финского политического руководства идея «объединенной Европы», «Европейского союза» была лишь поводом, чтобы негласно заручиться поддержкой Германии, что должно было гарантировать участие скандинавской страны в дележе российских просторов. Рассуждения о «европейской солидарности» дополнялись планами по «приложению сил далеко за просторами Белоруссии и за степями Украины». Не только Германия, но и её (даже условные) союзники по Второй мировой войне рассматривали предполагаемые евроинтеграционные процессы как пролог для передела мира и расчленения России.

Глава 8. Странная победительница

Мы и французам войну проиграли?

Вопрос, заданный Кейтелем во время подписания акта капитуляции

В 1975 году в культурной жизни Франции случилось небывалое событие: страну покидал режиссер Луи Маль. Однако по этому поводу ни одно из средств массовой информации не выразило ни капли сожаления – напротив, в спину режиссера, которого еще недавно назвали «великим» и «живым классиком», летели гневные обвинения и оскорбления. Кампания, развернутая во французской прессе, более напоминала форменную травлю. В итоге Луи Маль так никогда и не вернулся во Францию, предпочитая работать в США и Канаде. Но в чем же заключалась его вина? Чем он так прогневал французское общество? Поводом для травли стал его фильм «Лакомб Люсьен» (1974). Точнее говоря, даже не сам фильм, а вопросы, поставленные в нем: было ли французское Сопротивление действительно великим, как это было принято считать, и были ли все коллаборационисты прирожденными негодяями? К слову сказать, десятилетия спустя эти же вопросы (но уже применительно к Голландии) будут поставлены в фильме «Черная книга» другим великим режиссером – Полом Верховеном.

Если говорить о Франции, то там даже сам факт попытки задать эти вопросы был воспринят как «пощечина нации». Справедливости ради отметим, что в СССР тоже не сильно задавались именно этими вопросами. Конечно, в Советском Союзе прекрасно понимали, что «великое» французское Сопротивление нельзя было ни в коей мере сравнивать с партизанским движением в Белоруссии или Югославии, так как оно по некоторым оценкам уступало в своем размахе даже Италии и Греции. Но тем не менее Франция виделась советским политикам как самое слабое звено в капиталистической системе, опять же Шарль Де Голль не стеснялся демонстрировать свое откровенно скептическое отношение к США и НАТО, а потому на некоторые мифы французской истории смотрели сквозь пальцы. Сейчас от былой французской политики не осталось и следа. Франция вне зависимости от того, какое партийное правительство находится у власти, ведет себя как сателлит США, что дает повод еще раз беспристрастно взглянуть на события 60-летней давности.

Когда началась Вторая мировая война, французское общество встретило ее в высшей мере странно: появилось изобилие новых шляпок. Новым хитом продаж стали так называемые «астраханские фески». Кроме этого, из Англии стала усиленно завозиться клетчатая ткань, которая шла на покрой женских береток. Этот фасон головных уборов сразу же вызвал к жизни множество новых причесок. Многое заимствовалось из военного багажа. Так, например, шляпка, фасон которой разработала Роза Деска, весьма напоминала английскую фуражку.

Кроме того, почти сразу же вошел в моду новый аксессуар: многие носили на боку обязательный противогаз. Страх перед газовыми атаками был настолько велик, что в течение нескольких месяцев парижане не решались без него даже выходить на улицу. Противогаз можно было заметить везде: на рынке, в школе, в кино, в театре, в ресторане, в метро. Некоторые из француженок проявили весьма немалую изобретательность в том, чтобы замаскировать противогазы. Высокая мода почти сразу же почувствовала эту тенденцию. Так на свет стали появляться причудливые сумки для противогазов, сделанные из атласа, замши или кожи. Тут же к этому процессу подключилась реклама и торговля. Появился новый стиль: в виде миниатюрных противогазов стали выпускать флаконы для духов и даже тюбики губной помады. Но особым шиком считались цилиндрические шляпные коробки, которые делались Lanvin. Парижская мода шагнула даже за Атлантику. С цилиндрическими сумочками, весьма напоминающими футляры для противогазов, стали ходить аргентинские и бразильские модницы, которым отнюдь не угрожали ужасы войны.

Война и ее первые последствия (воздушные тревоги и прекращение подачи электричества) диктовали изменения в поведении французов, прежде всего горожанок. Некоторые из эксцентричных парижанок стали носить рубашки цвета хаки с позолоченными пуговицами. На жакетах стали появляться эполеты. Традиционные шляпки заменили стилизованные кивера, треуголки и фески. В моду вошли атрибуты опереточных военных. Многие молодые женщины, с лиц которых еще не сошел летний загар, отказывались укладывать свои волосы. Они ниспадали на их плечи, напоминая некий капюшон, который традиционно защищал от холодов. Из моды почти сразу же вышли завитки и локоны.

На фоне официальной военной пропаганды в прессе громче всего звучали опять же странные на первый взгляд вопросы: как лучше было бы продать все коллекции модной одежды французам и зарубежным клиентам? Могли ли они преуспеть в том, чтобы удержать пальму первенства в создании высокой моды? В одной из французских газет

мелькнуло следующее: «Где те славные старые деньки, когда люди со всех концов земного шара стекались в Париж? Когда продажа одного роскошного платья позволяла правительству купить десять тонн угля? Когда продажа литра духов позволяла купить две тонны бензина? Что будет с 25 тысячами женщин, которые работали в Домах моды?»

Как видим, поначалу война для французов была всего лишь неудобством, мешавшим модной жизни. Только так можно понять суть предложения, с которым к властям обратился известный французский модельер Люсьен Лелонг. Он хотел получить гарантии государственной поддержки французских кутюрье! Он пытался объяснить, что в условиях войны такая поддержка была жизненно необходимой! Что продолжение пошива нарядов высокого класса во Франции позволило бы сохранить свой сектор присутствия на иностранных рынках. Он говорил: «Роскошь и комфорт – это отрасли национальной промышленности. Они приносят миллионы валютных резервов, в которых мы сейчас так остро нуждаемся. То, что Германия зарабатывает при помощи машиностроения и химической промышленности, мы зарабатываем прозрачными тканями, духами, цветами и лентами».

Однако когда прошел период «странной войны» и начались реальные боевые действия, то сложившееся положение многим показалось и вовсе катастрофическим: оказались закрытыми… фешенебельные магазины, варьете и рестораны. Теперь война воспринималась не просто как неудобство, а как разорительный момент. В итоге поражение Франции в войне было встречено настороженно, но без общенациональной истерики. Летом 1940 года авторы многочисленных газетных и журнальных публикаций пытались выявить причины военного поражения Франции. Вновь и вновь они выходили на проблемы моральных устоев нации.

Однако прерванная некогда повседневная жизнь возобновилась фактически сразу же после оккупации немцами Северной Франции. Уже 18 июня 1940 года почти все магазины открыли на своих витринах железные ставни. Крупные универмаги Парижа: «Лувр», «Галери Лафайет» и т. д. – вновь начали свою работу. Годы спустя во Франции появится новый литературный жанр – «Как я не любил бошей» (в Германии его аналогом станет «Как я сочувствовал антифашистам»). Однако действительные дневниковые записи, сделанные французами во второй половине 1940 года, демонстрировали совершенно иную картину. Многие едва ли не ликовали, что вновь могли открыть свои заведения. Владельцев магазинов, лавочек и ресторанов радовало небывалое количество «новых посетителей». И еще больше их восхищало, что готовые покупать все подряд немцы платили

наличностью. Еще несколько недель назад домохозяйки в панике сметали с прилавков соль, сахар и спички, а сейчас вполне спокойно покупали шерстяную ткань и зимнюю обувь. Начали работать первые кафе на Елисейских полях. Единственным изменением в пейзаже стало появление вместо солдат Союзников офицеров Вермахта. Буквально несколько дней спустя Париж вновь стал местом пребывания многочисленных «иностранцев». Большие группы «туристов» в униформе цвета «фельдграу» и в нарукавных повязках со свастиками активно фотографировали все парижские достопримечательности: Лувр, Собор Парижской Богоматери, Эйфелеву башню. Большинство населения в настороженности наблюдало за происходившим. Впрочем, были и те, кто открыто приветствовал оккупационные войска. Постепенно страх ушел. Молодые девчонки-школьницы с заплетенными косичками иногда набирались храбрости, чтобы улыбнуться завоевателям. По Парижу постепенно разлеталось: «Какие они вежливые!», «Какие они симпатичные!» Немцы стали «очаровательными оккупантами». В метро, не задумываясь, они уступали места пожилым людям и женщинам с детьми. Оживилась не только торговля, но и общественная жизнь, хотя это происходило весьма специфическим образом.

«Европейская идея глубоко укоренилась во Франции. С тех пор как Европа стала ассоциироваться в первую очередь с Германией, эта идея работает исключительно на нас. В настоящее время выставка «Франция-европейка», открытие которой было организовано нашими дипломатическими службами, привлекает внимание множества посетителей. Мы подключили радио, прессу и литературных обозревателей, чтобы непрерывно пропагандировать европейскую идеологию». Именно такие слова содержались в сообщении немецкого посла Отто Абеца, которое 23 июня 1941 года было направлено имперскому министру иностранных дел Риббентропу. Можно было бы посчитать, что немецкий дипломат преувеличил степень влияния так называемой «европейской идеи» во Франции, но это было бы ошибкой. После того как в конце 20-х годов французский министр иностранных дел Аристид Бриан выдвинул идею объединения Европы, ее активно обсуждали как в левых, так и в правых кругах. Во Франции появилось множество новых журналов: «Новый порядок», «Новая Европа», «Планы», «Борьба молодых». Уже из названий следует, что молодые французские интеллектуалы, придерживающиеся разных политических воззрений, искали новые пути, чтобы преобразовать «старую Европу» с ее спорными территориями, взаимными упреками, экономическими кризисами и

политическими скандалами. Активно обсуждались вопросы того, насколько было возможно возникновение общеевропейского патриотизма, надклассового социализма и могли ли эти явления стать базой для объединения всех западноевропейских народов.

Надо отметить, что эти дискуссии не прекратились даже в годы Второй мировой войны. Ни в одной европейской стране, находившейся под контролем Германии, не писалось столько о «европейской идее», как во Франции! Казалось, что «европейская идея» использовалась для того, чтобы преодолеть давнишние германо-французские противоречия, что в свою очередь должно было вернуть Франции ее былое величие. Не успело сформироваться так называемое «вишистское правительство», как его самые молодые представители обратились к немецкому послу Абецу. Они представили немецкому дипломату план реорганизации Франции, которая должна была не просто соответствовать «стандартам» стран «оси», но и должна была интегрировать свою экономику в общее (читай: германское) экономическое пространство. Программное заявление отнюдь не походило на просьбу оккупированной страны – представители «вишистского правительства» намеревались «через поражение Франции обрести победу Европы». В меморандуме говорилось: «Мы вынуждены занять активную позицию, так как наша страна находится в бедственном положении. Военное поражение, растущая безработица, призраки голода дезориентировали общественность. Пребывая под пагубным влиянием старых предубеждений, лживой пропаганды, которая кормится фактами, чуждыми жизни простого народа, вместо того чтобы взирать в будущее, наша страна оборачивается в ушедшее прошлое, довольствуясь голосами, раздающимися из-за границы. Мы же предлагаем нашим землякам крайне полезную и захватывающую сферу деятельности, которая способна удовлетворить насущные интересы страны, революционные инстинкты и взыскательное национальное самосознание».

Предлагаемое преобразование Франции включало в себя семь важных компонентов: 1) принятие новой политической конституции; 2) преобразование французской экономики; 3) интеграция ее в европейское хозяйство; 4) принятие программы общественных работ в области строительства; 5) создание социалистического движения; 6) переориентирование французских колоний в соответствии с «европейской программой»; 7) новые ориентиры во внешней политике Франции. Из всего это перечня нас в первую очередь должен интересовать вопрос о «новой» внешней политике. По этому вопросу в документе сообщалось следующее: «Французское правительство не хочет злоупотреблять

оказанным ему доверием, а потому не позволит воссоздать прошлую систему союзов, ориентированную на сохранение так называемого равновесия в Европе.

Кроме того, Франция не должна быть слабым местом, а именно зоной, через которую бы просачивались неевропейские политически идеи. Франция навсегда связана с судьбой континента, делает акцент на солидарность, которая в будущем должна объединить нашу страну со всеми народами Европы. Исходя из этого, мы полагаем, что Франция должна стать оборонительным рубежом Европы, что предопределено нашими морским побережьем, а потому может стать европейским бастионом в Атлантике. Франция сможет справиться с этим заданием, если в этой сфере будет применяться столь же гармоничное распределение обязанностей, что и области экономики. Франция должна защитить Европы в первую очередь благодаря силе своего флота и колониальных войск».

По большому счету «европейская идея» во Франции периода 40-х годов претерпела несколько изменений. Поначалу она носила явно англофобский характер. В этом не было ничего удивительного, если принять во внимание подробности встречи маршала Петена и Гитлера, которая состоялась в 24 октября 1940 года в городке Монтуар-сюр-ле-Луар. В ходе этих переговоров Гитлер заявил маршалу, ставшему главой Франции: «Кто-то должен платить за проигранную войну. Это будет либо Франция, либо Англия. Если Англия покроет расходы, Франция займет подобающее ей место в Европе и может полностью сохранить свое положение колониальной державы». На рубеже 1940–1941 годов именно Англия виделась главным врагом французов и Европы в целом. Активисты, сплотившиеся вокруг журнала «Новая Европа», активно развивали эту тему. В ход шла история с погибшей на костре Жанной Д'Арк, предательское бегство английских войск из Дюнкерка, атаки на французский флот близ Мерс-эль-Кебира и многое другое.

Одним из последовательных сторонников франко-германского сближения и складывания на основе этого союза «Новой Европы» был историк и госсекретарь правительства Жак Бенуа-Мешен. Он мечтал не просто о «Новой Европе», но о некой имперской иерархии, основанной на «великом братстве революционных партий». Он настаивал на том, чтобы Рим и Берлин признали Францию равноправным партнером по «оси», третьей по значимости фашистской державой Европы. Отечественным читателям может показаться странным, что Франция преподносилась именно в качестве «фашистской державы», но это не было преувеличением. Свободолюбивая, демократическая и лево-

ориентированная Франция (именно к такому историческому облику привыкли многие из нас) была не более чем мифом. Историк Зеев Штернхель в своих работах (к сожалению, до сих пор не переведенных на русский язык) не раз поднимал вопрос о «французских корнях фашизма». Действительно, формирование фашистской идеологии (или, как пишет Штернхель, профашистской) во Франции началось много десятилетий раньше, нежели в Италии и Германии. Отправной точной можно считать Мориса Барреса, который впервые стал скрещивать между собой радикальный национализм и синдикалистские идеи. Опять же не стоит забывать, что в 1934 году власть во Франции чуть было не перешла к радикальным националистам, когда те вывели на улицы Парижа более 40 тысяч человек («Народный фронт» не мог похвастаться столь массовыми акциями). А год спустя «Огненные кресты» Де ля Рока насчитывали несколько сотен тысяч человек, являясь по сути крупнейший политической организацией во Франции (не считая прочих ультраправых и фашистских организаций).

Если же говорить о Бенуа-Мешене, то он не раз призывал Третий рейх «создать единую Европу, которая станет… лучшим боевым оружием». Отталкиваясь от этого тезиса, он вместе с Жаком Жераром (еще один член «вишистского правительства») разработал проект «Переходного договора», который должен был, по мнению его создателей, заменить договор о перемирии, заключенный между Германией и Францией в 1940 году. К «Переходному договору» должен был прилагаться особый тайный протокол, текст которого представляет особый интерес. Три страны (Германия, Италия и Франция) должны были сойтись в следующем: во Франции должна была продолжиться «национальная революция», по итогам которой должно было возникнуть «основанное на народной, авторитарной и социалистической воле» политическое движение; во внешней политике Франция подключалась ко всем акциям, осуществляемым правительствами Германии и Италии, в военной области Франция теоретически была готова начать боевые действия против Великобритании («как только будет восстановлен военный потенциал страны»). По сути, этот документ предполагал создание тройственного пакта, причем Франция должна была действовать как самостоятельная держава, а отнюдь не как оккупированная Германией страна.

Проект этого документа был передан Имперскому правительству Германии 14 июля 1941 года. Реакция Берлина во многом обескуражила французов. В июле Эрнст Ахенбах уведомил французское правительство, что Берлин был раздосадован предложениями, сделанными в проекте

«тройственного пакта». 23 июля 1941 года Риббентроп поручил послу Абецу передать Жаку Бенуа-Мешену, что «прозвучавшие предложения являлись недопустимой попыткой отмены состояния перемирия, что могло привести к напряженности в отношениях между Германией и Францией». Подобный ответ весьма разочаровал многих членов «вишистского правительства». Сам же Жак Бенуа-Мешен не отказался от надежд сформировать «объединенную Европу без побежденных», предполагая, что новый толчок к евроинтеграции должно было дать нападение Германии на СССР. В ноябре 1942 года он писал в одном из своих писем: «Я полагал, что Гитлер объединит все континентальные страны, чтобы начать штурм сталинской империи. В качестве образца мне виделся Александр Македонский, который объединил все эллинские города, чтобы начать захват персидского царства. Разве борьба с большевизмом не была тем общим принципом, который мог даровать нам чувство единого континента? Это было посылом, который позволил бы избавиться от местечкового патриотизма, освободившись от застарелых противоречий и традиционного соперничества между странами в Европе. Более того, это был тот рычаг, который должен был позволить национализму, терзаемому внутренними конфликтами, расшириться и превратиться в европейский супернационализм».

Агрессия против СССР и преодоление узкоэтнического национализма были главными стимулами, которые заставляли десятки тысяч французов воевать на стороне Германии. Первые вербовочные пункты появились во Франции в июле 1941 года, всех желающих приглашали принять участие в «войне против Советов». Повальные симпатии к СССР и русским оказались не более чем мифом. В первые же две недели работы пунктов добровольцами на «восточный поход» записалось около десяти тысяч французов! А когда в 1943 году началась запись в части СС, то в считанные дни появилось полторы тысячи желающих примерить на себя форму элитных частей. В Берлине ловко использовали идею о «Новой Европе» и антибольшевистские настроения, царившие во Франции. Но сами французские политики видели, что многие из идей так и остались лишь идеями. После того как в рейхе была решительно отвергнута сама возможность подписания «промежуточного договора», а затем «тройственного пакта», дряхлеющий маршал Петен пытался воззвать к немецкому чувству ответственности, желая, чтобы «Новая Европа» хотя бы постепенно, но становилась реальностью. Он ожидал, что решение этой проблемы произойдет во время встречи с рейхсмаршалом Герингом, но этого так и не случилось. Как-то в разговоре Петен заметил: «Франция не

видит ничего лучшего, чем интеграция в Новую Европу. Но что надо сделать, чтобы это произошло? Пока мы идем во тьме со связанными руками. Для начала нам хотелось бы понять, какое именно место нам уготовано в Новой Европе?» Идеи вливания Франции в состав «Новой Европы» не менее активно продвигали и представители коллаборационистских партий: Национально-народного объединения, Партии французского народа, «Францистов», Движения социальных революционеров. Жак Дорио, лидер Партии французского народа, подобно Бенуа-Мешену, рассматривал агрессию в отношении СССР как трамплин для формирования «супернационального европейского сознания».

Проблема французских сторонников союза с Германией неизменно выводит на проблему активных противников этой идеи. Миф о «великом Французском Сопротивлении» является мифом в квадрате. Во-первых, в активной партизанской борьбе на ее пике участвовало приблизительно 20 тысяч человек (при поддержке англичан, снабжавших их оружием). В то же самое время в противодействовавшем деятельности партизан-маки «Легионе французских истребителей и волонтеров национальной революции» числилось более миллиона человек. Кроме того, сформированная в 1943 году для карательных операций «Французская милиция» насчитывала более 8 тысяч человек. Во-вторых, национальный состав отрядов маки позволяет говорить о «Французском Сопротивлении» лишь с точки зрения территории, на которой предпринимались боевые акции. Собственно французы стали активно попадать в партизанские отряды только после того, как состоялась высадка в Нормандии, то есть когда вопрос о судьбе Франции был фактически решен. До этого момента костяки отрядов составляли бойцы интербригад, в свое время воевавшие в Испании, а затем ушедшие на территорию Франции, сбежавшие военнопленные, евреи, скрывавшиеся от преследования, представители армянской диаспоры. Представляется, что до 1943 года включительно если не поголовно все французы, то значительная их часть выступала за союз с Германией, полагая партизан-маки «бандитами», лишь провоцирующими насилие.

Ситуация стала меняться на глазах в 1944 году. Еще недавно довольные своей жизнью и условиями оккупации французские обыватели тут же превращались в ультра-патриотов, едва ли не с 1940 года вынашивавших планы по уничтожению германской гегемонии. Обычно подобное «прозрение» сопровождалось самими отвратительными сценами. По приблизительным оценкам в период с 1944 по 1945 год без суда и следствия было убито около ста тысяч человек, заподозренных в

коллаборационизме. Размах расправы и самосуда был вполне сравним с волной германского террора, который начался во Франции с 1942 года. Надо отметить, чтобы стать жертвой самосуда в 1944–1945 годах, вовсе не обязательно было быть реальным пособником немецких оккупантов. Нередко под шумок сводились счеты с неудобными свидетелями, надоевшими любовницами и любовниками, кредиторами и т. д. Если же принять во внимание, что после окончания войны на разные тюремные сроки было осуждено 50 тысяч коллаборационистов и еще 10 тысяч было казнено, то возникает вопрос: кого же было казнено в итоге больше – французских партизан или французских коллаборационистов? Конечно, число последних было значительно больше.

В научной литературе достаточно подробно описан один из механизмов психологической защиты – «эффект замещения». Применительно к истории, можно сказать, что к началу 1945 года почти все французы решили пересмотреть свое прошлое. Они видели себя вовсе не побежденным народом, который пытался совместно с победителем создать «Новую Европу», но победителями, которые только и искали повода, чтобы отомстить немцам. Именно французская зона оккупации выделялась на общем фоне (советском, американском и английском) неимоверным количеством актов насилия над мирным населением. Как-то один из американских офицеров заметил по этому поводу: «Они были никудышными вояками, что делало их еще более нервными и мстительными». Во французской армии специально культивировались антинемецкие настроения. Когда французы вступили в юго-западную Германию, их появление вылилось в бесчисленные грабежи и насилие. Чтобы восстановить дисциплину в армии, которая в какой-то момент стала больше напоминать банду мародеров, французскому командованию пришлось прибегнуть к самым жестким мерам. Но репутация французских войск испортилась хуже некуда. Даже американцы считали их «плохими вояками, способными проявить себя лишь в пьянках и охоте за немками». Именно во французской зоне оккупации официально была введена система заложничества (расстрел мирных жителей в случае нападения на французских военных). Этот приказ был отдан генералом Леклерком, что повергло в шок всех союзников.

Жестокость и репрессии французов за короткое время создали дистанцию между обыкновенными немцами и освободителями. В итоге немецкое население замкнулось в себе в тот самый момент, когда оно было открыто для новых влияний. Разочарование постигло даже немецких антифашистов. Первая после окончания войны антифашистская

демонстрация, организованная 20 мая 1945 года в Кёльне бывшими заключенными концентрационных лагерей, была разогнана военной полицией. Некоторые из французских офицеров вообще предлагали пустить в ход огнестрельное оружие. Уровень насилия над немецким мирным населением во французской зоне оккупации был настолько велик, что один из американских сенаторов даже планировал провести специальные слушания по этому поводу. Впрочем, его вовремя удалось «отговорить» от данной затеи. В любом случае швейцарская газета «Бернер тагесблатт» 30 мая 1945 года писала: «Притеснения, творимые французами, кажутся страшнее, чем злодеяния гитлеровцев».

Если говорить о величине французской оккупационной администрации, то процесс ее роста буквально напоминал потоп. К осени 1945 года «работу» в Германии нашло, как минимум, 300 тысяч французов. Если провести некоторое сравнение, то обнаружим, что к 1946 году на 10 тысяч немцев приходилось 118 французов, работавших на оккупационные власти. В то же время эта цифра у британцев составляла – 66 человек. Франция не считала нужным кормить своих соотечественников, предпочитая, чтобы это делала Германия. Подобная установка стала причиной многочисленных грабежей, творившихся на юго-западе Германии. Французы пришли сюда не спасти мир от нацизма, а «столоваться». В итоге все эти бесчинства привели к тому, что во французской оккупационной зоне смерть от недоедания среди мирного населения рисковала превратиться в «эпидемию». Голод среди гражданских жителей, вопреки досужим домыслам современных публицистов, был уделом не советской, а французской оккупационной политики.

Казалось бы, на все эти факты можно было смотреть сквозь пальцы, что, собственно, и делалось в свое время советскими политиками. Однако первый тревожный звонок раздался в 1994 году, когда делегацию России не пригласили на торжества, посвященные открытию Второго фронта. Тогда западное сообщество отрыто намекнуло, что, дескать, Франция была страной-победительницей, а Россия «как бы не очень». Хотя бы по этой причине имеет смысл (пока не поздно) задаться целым рядом вопросов:

– почему на одного француза, уходившего в партизаны, приходилось несколько его соотечественников, которые добровольно записывались в части Вермахта и Ваффен-СС?

– почему на сто летчиков из эскадрильи «Нормандия-Неман» приходились многие тысячи французов, которые оказались в советском плену, когда воевали на стороне Гитлера?

– почему радикальный французский фашист Жорж Валуа закончил свои дни в концентрационном лагере Заксенхазуен, а французский коммунист Жак Дорио направился добровольцем на Восточный фронт, чтобы воевать против СССР?

– почему последние бои в Берлине у рейхсканцелярии красноармейцам приходилось вести не против фанатичных немцев, а против французских эсэсовцев?

– почему не отличающиеся длинной исторической памятью европейцы стали приписывать произвол, творимый французскими оккупационными властями на территории Германии, частям Красной армии?

– почему деятель вишистской администрации Франсуа Миттеран после окончания войны стал уважаемым политиком, а великий французский литератор Луи-Фердинанд Селин был подвергнут «общественному бесчестию»?

– почему сотрудничавший с оккупантами модельер Люсьен Лелонг был провозглашен деятелем «культурного Сопротивления» («Он спасал французскую моду»), а французский новеллист и журналист Робер Бразильяк был расстрелян как пособник оккупантов?

И два самых главных вопроса:

– может ли Франция считаться победительницей фашизма, если именно она породила фашистскую идеологию как таковую (еще раз рекомендую к прочтению работы Зеева Штернхеля)?

– может ли Франция считаться победительницей фашизма, если именно ее хищническая политика, проводимая под прикрытием Версальского мирного договора, с одной стороны, спровоцировала возникновение итальянского фашизма и германского национал-социализма, а с другой стороны, заложила основу для глобального геополитического конфликта, который в итоге вылился во Вторую мировую войну?

Глава 9. «Евросоюз» как лозунг коллаборационистов

Бельгия была одной из первых западноевропейских стран, которая в 1940 году стала жертвой немецкой агрессии. Ее не спасли ни «вовремя» провозглашенный нейтралитет, ни западные союзники. Впрочем, большая часть политических деятелей Бельгии рассматривали военное поражение и оккупацию вовсе не как трагедию, но как возможность для преобразования Европы и начало формирования «Европейского союза». В лагере коллаборационистов оказались не только представители фашистских и националистических организаций, но и многочисленные парламентские политики, публицисты и профсоюзные деятели. С поразительным упорством они предлагали оккупационным властям и Третьему рейху программы, ориентированные на преобразование и объединение Европы. Эти проекты не вызывали у немцев особого восторга, хотя бы потому, что значительная их часть носила федералистский характер. Но тем не менее факт остается фактом: идеей «Европейского союза» были одержимы буквально все бельгийские коллаборационисты.

Начало этому процессу было положено Генри (Хенриком) де Маном[1], известным бельгийским политиком, который накануне Второй мировой войны входил в состав нескольких правительственных кабинетов. Генри де Ман был не просто одним из теоретиков европейского социализма, а лидером Социалистической партии Бельгии. В 30-е годы он развивал идею, что бельгийские рабочие, средний класс и крестьяне должны были сформировать единый фронт борьбы против плутократического капитала. Как ни покажется странным, но Генри де Ман симпатизировал Третьему рейху, наивно полагая, что германский национал-социализм смог разрушить классовые барьеры общества. Он никогда не отрицал необходимость сочетания социальной идеи с национальным компонентом, хотя и не принадлежал ни к одной из национальных группировок Бельгии (фламандской – ориентированной на Германию, валлонской – ориентированной на Францию).

Не успели немецкие войска оккупировать Бельгию, как Генри де Ман подготовил специальный манифест. Этот документ стал достоянием общественности 28 июня 1940 года. В манифесте отчетливо прослеживалась тенденция к формированию «Европейского союза» и

примирению с оккупантами. Де Ман писал: «Несмотря на поражение в войне, несмотря на наши страдания и разочарование, был проложен путь для двух вещей: для европейского согласия и социальной справедливости. Едва ли можно было рассчитывать на мирную обстановку в условиях соперничества имперских устремлений и союза свободных суверенных наций. Подлинный мир мог наступить только в объединенной военным образом Европе, в которой сразу были устранены все экономические границы… Сейчас пришло время готовиться к тому, чтобы стать пионерами национального возрождения, которое соберет в себе все подлинно живые силы нации; объединит в едином союзе молодежь и старых бойцов».

Сразу же после публикации своего манифеста Генри де Ман предпринял попытку основать Национальный союз Фландрии, видевшийся ему в качестве объединительной для всех немецкоговорящих бельгийцев партии. Однако эта затея показалась германским оккупационным властям в высшей мере сомнительной, а потому создание новой организации было запрещено. Да и сам бельгийский социалист казался немцам личностью в высшей мере «подозрительной». Вопреки тому, что де Ман едва ли не на каждом углу провозглашал «немецкую победу как предпосылку для объединительного преобразования Европы», летом 1941 году ему было запрещено делать какие-либо публичные заявления. Не стоит забывать, что в то время евроинтеграционные проекты рассматривались Третьим рейхом как отвлеченная возможность, но не как насущная политическая задача.

Весьма показательно, что идеи «Европейского союза» и «европейской интеграции» развивалась именно коллаборационистами. Они были настолько одержимы ими, что нередко предпочитали не обращать внимания на имевшиеся запреты. Только так можно объяснить тот факт, что в 1942 году Генри де Ман опубликовал в Брюсселе брошюру «Осознание мира», в которой предложил читателю собственное видение «Европейского сообщества», осуществляющего общую внешнюю политику, обладающего общими войсками, не имеющего внутренних таможенных и торговых барьеров. Де Ман писал в своей брошюре: «Не важно, будет ли новое образование называться федерацией, союзом, лигой, объединением, империей, Соединенными Штатами Европы, царством или как-то иначе. Для простоты обозначения я буду называть его Европейским сообществом. Куда более важно, что это объединение должно обладать определенной компетенцией, схожей, с той, что получают федеративные государства и федерации государств. Иными словами, будущий союз не будет обладать никаким правами, которые бы не были предусмотрены

государствами-учредителями, но будет обладать собственным суверенитетом, превышающим суверенные права отдельных государств».

Вместе с тем бельгийский коллаборационист настаивал на развитии идей «европейского социализма», который не должен был иметь ничего общего с марксизмом. Ему виделось «Европейской сообщество» без угнетения и эксплуатации: «Любое проявление государственного империализма, когда в Европе будут предпринято что-то вроде колониального подчинения слабого сильным, несет в себе зародыш будущего глобального конфликта». Предполагая, что «объединенная Европа» должна быть наднациональным образованием, Генри де Ман позволял себе давать советы немецким оккупационным властям: «Победители должны забыть про их победу – это единственный способ, чтобы мы забыли про наше поражение». Подобная перспектива никак не устраивала ни немецкие оккупационные власти, ни дипломатов Третьего рейха. А потому, не успев выйти из печати летом 1942 года, брошюра, написанная де Маном, оказалась под запретом. Ее тираж был изъят из продажи. В этих условиях де Ман предпочел перебраться во Францию, где развивал идеи «Европейского союза» уже в содружестве с французскими коллаборационистами.

Однако время шло, и тактика Третьего рейха менялась. Если поначалу территории оккупированной Бельгии планировалось просто включить в состав «Великогерманского рейха», то со временем по инициативе руководства СС, остро нуждавшегося в европейских добровольцах для пополнения частей ваффен-СС, стала применяться более изощренная тактика. Фламинганты, то есть сторонники независимой Фландрии, не хотели быть ни частью Бельгии, ни частью унифицированного рейха. Генрих Гиммлер предпочел давать уклончивые ответы на прямые вопросы. В феврале 1944 года он беседовал с лидером Фламандского национального союза Хендриком Элиасом, которому пообещал, что Фландрия могла рассчитывать на автономию в составе «великогерманского союза», который после окончания войны якобы должен был прийти на смену «Великогерманскому рейху». Нечто аналогичное Гиммлер обещал и лидеру фашистского движения рекситов – Леону Дегрелю.

Лидер бельгийского рексизма, до сих пор остающийся одним из самых печально знаменитых коллаборационистов, предпринял, подобно де Ману, попытку родить собственный проект «Европейского союза». 20 октября 1940 года Дегрель опубликовал «Европейский меморандум». Этот документ интересен хотя бы тем, что в нем отчетливо указано, что евроинтеграция должна была являться сугубо национал-социалистической

программой. Например, в меморандуме говорилось: «Национал-социалистическая Германия, желает она того или нет, ответственна за всю Европу. Либо она даст основу для стабильного мира, причем не только материальную, но и моральную, либо Европа будет охвачена анархией… Национал-социалистическая Германия должна в перспективе обеспечить порядок для объединения Европы. Этот порядок не может быть обеспечен, если немецкая армия не будут поддерживать его на территории всей Европы. Военные части Третьего рейха могут быть менее крупными и располагаться только на нескольких базах. Они должны непременно присутствовать во всей Европе, во всяком случае, в первые годы мирного существования. Если Германия удалится из старых парламентских стран, зараженных демократической пропагандой, то неизбежно наступят революция и анархия… Несмотря на то что национал-социализм не является предметом идеологического экспорта, неизбежно, что именно он будет координировать и обеспечивать гармоничное сосуществование стран Новой Европы». Подобного рода идеи опирались на личные представления Дегреля, который преклонялся перед Гитлером. Как отмечали очевидцы, он был убежден, что вскоре Гитлер «откажется от духа немецкого национализма и воспримет идею Великой Европы, что ознаменовало бы переход к Европе объединенных Отечеств, но не к Европе, в который одно государство доминировало бы над другими».

Во имя осуществления своих идей Дегрель был готов пойти на значительные уступки. Например, в 1941 году в разговорах с немецкими политиками он изображал валлонских добровольцев, пошедших служить в Вермахт, как «франкоговорящих германцев». Даже после окончания Второй Мировой войны предводитель попавших под запрет рексистов продолжал настаивать на своем: «С самого начала войны Европа была для нас объектом многочисленных переживаний. Было ясно, что время мелких, эгоистичных государств уходило в прошлое. Надо было найти новую формулу Европы… Подлинная проблема состояла в том, чтобы убедить Германию не использовать ее военную победу для подчинения остатков Европы. Мы восхищались немцами, но не хотели становиться ими: мы были детьми нашего собственного народа, а Европа – объединением народов, общиной наций. Мы делали все возможное, чтобы из гармоничного сочетания этих народов возникла объединенная Европа». Однако на практике «объединенная Европа» стала царством террора и ужаса.

Сохранились многочисленные свидетельства, в которых Леон Дегрель характеризовался как «хвастун» и «крайне тщеславный человек».

Непомерное честолюбие и глобальные планы смущали многих из руководства движения рексистов. Когда в январе 1943 года Дегрель вернулся с Восточного фронта в Бельгию, то он произнес две речи, в которых открыто заявил о необходимости врастания Бельгии в «новую Европу». Во время выступления в брюссельском Дворце спорта, которое состоялось 18 января 1943 года, он сказал: «Мы готовы завтра занять свое место в великогерманском сообществе». И далее: «Время бессмысленного партикуляризма окончательно ушло в прошлое». Конечно же, подобного рода заявления весьма одобрительно воспринимались в Третьем рейхе (больше всего они радовали Генриха Гиммлера). Однако некоторые из бельгийских коллаборационистов увидели в этих словах признаки отказа от первоначальной идеи «Национал-социалистического Евросоюза». 25 января 1943 года один из видных рексистов – Пьер де Линь – направил Дегрелю письмо, в котором изложил собственное видение «европейской революции будущего»: «Я страстно желаю, чтобы во время этой революции наша страна заняла достойное место в Европе, но в качестве автономного государства». Нечто аналогичное заявлял и Раймон де Бекер, главный редактор одного из коллаборационистских журналов, выходивших на территории Бельгии. Он был готов поддержать идею «Европейского союза», только если интеграция французов «как нации будет осуществляться на базе уже существующего государства».

В то же время самые оригинальные планы «европейской интеграции» в среде бельгийских коллаборационистов развивал все-таки не Дегрель, а его «правая рука», предводитель парламентской фракции рексистов – Пьер Де. Он обстоятельно занялся изучением проблемы практического осуществления плана «Европейской интеграции». Подобно Дегрелю, Пьер Де полагал, что «Европейский союз» должен быть исключительно порождением национал-социализма. В 1942 году он опубликовал в Брюсселе книгу с весьма характерным названием – «Европа для европейцев». Невзирая на то, что в этой работе содержалось множество идей, которые могли восприниматься в Третьем рейхе как откровенно «еретические», «Европа для европейцев» так и не попала под запрет. Пьер Де считал, что «Лига наций» была хорошей идей, воплощенной в жизнь дурными средствами. Более того, он осмеливался давать положительные оценки проекту Бриана, когда тот в начале 30-х годов предложил начать формирование «общего европейского пространства». Пьер Де как интеллектуальный лидер валлонских фашистов предлагал создать «Европейскую Федерацию», при формировании которой учитывались бы все особенности европейских народов. Планы, обрисованные этим

коллаборационистом, были воплощены в жизнь, но в другое время и, казалось бы, совершенно другими людьми.

Так что же в 1942 году писал Пьер Де? «Инициатива, которая вызвала к жизни «Лигу наций», была приемлемой для нас. Это была первая попытка, первое усилие органически объединить государства. Если бы эта идея все-таки была осуществлена, то мы были бы спасены. Принцип, положенный в основу, был весьма недурен. Надо было создать акционерное общество «Европа». И ей, подобно каждому акционерному обществу, требовался генеральный директор. Этот пост могли бы занять француз или англичанин. Но они настолько извратили первоначальную идею, что окончательно дискредитировали себя. В итоге единственным претендентом на кресло директора оказался немец. Он смог продемонстрировать, что только он обладает силой и решимостью провести реорганизацию континента. И этот факт не может подвергаться сомнению».

Пройдут годы, и уже новый Евросоюз, с центром в Бельгии (сбылась все-таки мечта рексистов о Брюсселе как одном из центров объединенной Европы) и на немецкие средства, будет диктовать свою волю «объединенной Европе». Представители нового Евросоюза старательно старались забыть, кто именно вывел идею «объединенной Европы» в плоскость практических решений. Более того, о прародителях из среды коллаборационистов, германских нацистов и итальянских фашистов сейчас как-то не принято вспоминать. Часть из них была казнена как пособники немецких оккупантов, часть попыталась как можно быстрее сменить идейный окрас, решительно отказавшись от своего политического прошлого. Но едва ли можно сомневаться в том, что, влив «новое вино в старые мехи», создатели нового Евросоюза не смогли принципиально изменить его сущность: за мишурой красивых фраз о «суверенитете», «правах человека», «социальной справедливости» все чаще и чаще вспыхивают зловещие отблески «старого Евросоюза». И подобно тому, как заблуждались коллаборационисты прошлого, полагая, что Третий рейх якобы даст Европе мир и гармонию, так и нынешние сторонники евроинтеграционных идей не хотят видеть, что они рискуют лишиться не только суверенитета, но и своего национального духа.

Агрессия Третьего рейха в отношении занимавшей нейтралитет Голландии до сих пор остается одним из самых странных сюжетов в истории Второй мировой войны. Начав вторжение 10 мая 1940 года, немецкие войска фактически в маршевом порядке прошли всю страну. Уже 14 мая нидерландское командование, видя бессмысленность военного

сопротивления, приказало прекратить огонь, после чего была подписана капитуляция. Многие из историков отмечали, что захват Голландии в большей степени напоминал аншлюс Австрии, нежели боевые действия против какой-либо из стран Западной Европы. Сами же голландцы рассматривали немцев не просто как европейских соседей, а как неких этнических братьев. Подобное отношение стало предпосылкой для формирования на территории Нидерландов широкого коллаборационистского движения. Более 50 тысяч голландцев оказались в составе немецких воинских формирований, 10 тысяч из них погибло на Восточном фронте. В то же самое время потери среди голландцев, сражавшихся против Германии, были куда более скромными.

Основой для голландского коллаборационизма стало созданное в 1931 году Национал-социалистическое движение Нидерландов, во главе которого стоял Антон Муссерт. Когда состоялся захват страны, движение Муссерта насчитывало около 100 тысяч человек. Как и большинство европейских коллаборационистов, голландские национал-социалисты являлись активными поборниками идеи формирования «Европейского союза». Справедливости ради отметим, что в Германии к подобным планам всегда относились с изрядным скепсисом. «Европейский союз» был для Третьего рейха пропагандистской уловкой, но отнюдь не геополитическим проектом, который надлежало реализовать сразу после прекращения боевых действий. Хотя немецкие дипломаты и представители оккупационных властей об этом предпочитали умалчивать. Несбыточные надежды голландских коллаборационистов весьма облегчали управление захваченными территориями.

Фактически сразу же после захвата немецкими войсками Голландии Антон Муссерт стал разрабатывать свой собственный проект, предполагавший осуществление европейской интеграции. В итоге 27 августа 1940 года предводитель голландских национал-социалистов представил Гитлеру меморандум, в котором предлагал сформировать «Союз германских народов». Основу этой федерации должны были составить немцы, голландцы, шведы, норвежцы, датчане и швейцарцы. Предложенный союз должен был охватывать территорию всей Западной и Северной Европы. Предполагалось, что «Союз германских народов» будет дополняться федерацией юго-восточных народов, которая в свою очередь контролировалась бы фашистской Италией. В своем проекте Муссерт воздерживался от предложений государственно-правового и дипломатического характера, но подчеркивал, что будущий «Европейский союз» должен был обладать общими вооруженными силами и общей

экономикой.

Если внимательно изучить данный документ, то можно обнаружить, что за формальными словами об «уважении прав европейских народов» скрывалось желание прирастить территорию Голландии за счет соседних стран. Например, Муссерт заявлял о намерении «присоединить» к Нидерландам Фландрию, Брабант и Лимбург. Кроме того, голландские национал-социалисты хотели увеличить колониальные владения своей страны. Кроме уже имевшейся Голландской Ост-Индии планировалось «освоить» Южную Африку и Конго. Что характерно, свои аппетиты коллаборационисты маскировали «благими намерениями». Сам Муссерт в своем меморандуме весьма патетично заявлял о том, что «является сыном своего народа, который желает своему народу только лучшего и видит в реализации изложенных идей гарантию счастливого будущего».

Идея создания «Союза германских народов» как базы для осуществления предполагаемой евроинтеграции казалась Антону Муссерту настолько удачной, что он некоторое время был буквально одержим ею. Свое восприятие «объединенного континента» в 1940 году он изложил в брошюре «Задачи Нидерландов в Новой Европе». На страницах этой книжицы Муссерт мечтал об «объединении 120 миллионов человек, союз которых будет безупречен с военной точки зрения, что станет основой исключительного экономического процветания». Несмотря на то что Голландия оказалась включена в состав Третьего рейха в качестве «рейхскомиссариата Нидерланды», Муссерт нисколько не сомневался, что предоставление автономии было лишь вопросом времени. Аналогичное суждение в 1942 году он вынес на страницах журнала «Юная Европа»: «В Европейском союзе голландский народ сохранит свою культуру, свои обычаи и традиции, свой язык и право вести собственную жизнь».

Сложно сказать, насколько Муссерт верил в то, что говорил. В любом случае, обращаясь в 1942 году к тысячам сторонников Национал-социалистического движения Нидерландов, он призывал поддержать Третий рейх, так как тот якобы создавал базу «сотрудничества, взаимного уважения и взаимопонимания европейских народов». Сложно сказать, чего в этих словах было больше – циничной глупости или близорукой наивности. В Третьем рейхе деятельность Муссерта воспринимали с раздражением, полагая его партию вовсе не национал-социалистической, а «буржуазно-фашистской». Никто из нацистских политиков не намеревался рассматривать план по предоставлению Голландии некой автономии. Муссерт или не хотел верить в это, или делал вид, что не верит. В любом случае на каждом углу он заявлял, что «континент должен объединиться,

став общим домом, в котором каждый из народов займет свое безопасное место». Хотелось бы обратить внимание на то, что фразеология, которая используется современными сторонниками Евросоюза, фактически не поменялась за прошедшие десятилетия.

Что же происходило в Третьем рейхе, пока Муссерт активно пропагандировал среди своих соотечественников идею «Европейского союза», в котором Голландия якобы должна была получить автономию? Рейхсфюрер СС рассматривал голландцев всего лишь как человеческий материал, с одной стороны пополняющий ряды частей ваффен-СС, а с другой стороны содействующий выполнению демографических задач. Одновременно с этим имперский комиссар Зейсс-Инкварт, управлявший оккупированной Голландией, получил от Гитлера «добро» на то, чтобы голландские территории постепенно «интегрировались» в состав рейха. Выглядело так, что Муссерт просто-напросто не хотел замечать очевидного. Более того, 10 декабря 1942 года он представил на рассмотрение Гитлеру свой очередной геополитический проект! На этот раз речь шла о «Европейской Федерации». В ответ Гитлер открыто заявил о том, что Голландия и Бельгия никогда не получат автономии, но станут частями унифицированного рейха, «который будет много сильнее, нежели какая-то федерация».

Впрочем, Муссерт слышал только то, что хотел слышать, а именно слова о «политике дружбы». От него отворачивались как сторонники автономии, так и радикалы из его же собственной партии. Но даже это не смущало Муссерта. 22 июня 1943 года он громогласно заявил: «Все – для германского сотрудничества, ничего – для пангерманизма!» Сторонники «Европейского союза» из числа голландских коллаборационистов, присутствовавшие в зале, буквально зашлись в радостных криках и овациях. Несмотря ни на что, Муссерт продолжал надеяться на автономию и «равные права». Ответ из Берлина не заставил себя ждать. 8 июля 1943 года Муссерта вызвали «на ковер» к рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру. В кабинете у шефа «черного ордена» голландцу весьма недвусмысленного дали понять, что «партикуляристские идеи будут выжигаться огнем». Казалось бы, в сюжете о голландских коллаборационистах и их надеждах на автономию в рамках «Европейского союза» можно было поставить точку… Но нет.

Никак не желавший расставаться с геополитическими иллюзиями Антон Муссерт осенью 1943 года направил Гитлеру очередной меморандум. Этот документ больше напоминал какое-то заклинание человека, старательно не желавшего воспринять реалии действительной

жизни: «Полагаю, что идущая от победы к победе Германия употребит свою власть для того, чтобы объединить Европу, а не для того, чтобы порабощать народы, ущемляя их суверенные права». После подобных заявлений в Третьем рейхе решили перейти от слов к делу. Непонятливый коллаборационист был взят под домашний арест. Под конец войны ему было предложено пойти добровольцем в состав вермахта, чем он и воспользовался. 7 мая он был взят в плен в Гааге, а год спустя расстрелян.

Последнюю попытку отстоять свои наивные идеи Антон Муссерт предпринял 1 декабря 1944 года, когда всем было ясно, что Третий рейх проиграл войну. Именно тогда в характерной для него манере Муссерт направил Гитлеру очередной (на этот раз последний в его жизни) меморандум. Документ имел характерное название «Ядро Европы. Военно-экономический союз европейских наций». В частности, в нем говорилось: «Целью формирования ядра Европы является сотрудничество европейских наций в военной и хозяйственной сферах. Указанное сотрудничество может быть налажено только тогда, когда каждая из наций осознает, что объединение является жизненной необходимостью для каждого из европейских народов». И далее: «Союз не может быть навязан народам со стороны Берлина, но, напротив, сами народы должны выйти с этой инициативой к Берлину. Фюреру должно быть предложено сформировать ядро Европы, союз, в котором немецкий народ займет самое достойное место. Так как Нидерланды, вне всякого сомнения, принесут самую большую жертву на алтарь сооружаемого союза, ибо придется отказаться от заокеанских интересов, то было бы вполне логично, чтобы инициатива создания союза исходила именно от голландцев. Церемония создания союза может быть проведена в одном из дворцов Гааги».

Идеи коллаборационистов были услышаны, хотя и после того, как большую часть из них либо повесили, либо расстреляли. Не забыли и про дворцы Гааги. Расположенный в этом голландском городе международный трибунал настойчиво создает видимость правосудия. Хотя большинство из европейских политиков, столь ратующих за «список Магницкого», никак не хотят увидеть, что в Гааге в свое время при странных обстоятельствах погиб глава суверенного государства – Слободан Милошевич. Однако европейским политикам не впервой прибегать к практике двойных стандартов. Этому они научились еще у первых носителей идеи «Европейского союза» – европейских коллаборационистов, а проще говоря, пособников оккупационных властей. Именно они заклинали Третий рейх как «гарант взаимного уважения и взаимопонимания европейских народов»; именно они вынашивали идеи объединенной

Европы. Стоит ли удивляться тому, что созданный по макетам национал-социалистов и фашистов «Европейский союз», несмотря на заявляемую либеральность, все чаще и чаще демонстрирует публике склонность к тоталитарным методам решения проблем. Как показывает жизнь, история не учит многих из тех, кто намеревается делать политику. Сторонники евроинтеграции не хотят видеть реалий жизни; они поднимают на флаг некий умозрительный евро-образ, который не имеет ничего общего с действительностью. Пример голландского (собственно, как и всего европейского) коллаборационизма демонстрирует нам редкостную смесь глупости и наивности, за которые потом приходится расплачиваться не только позволившим себе эти негативные качества людям, но и целым народам.

Французский коллаборационизм, ставший фактически именем нарицательным, отнюдь не ограничивался только представителями вишистского правительства. Это понятие распространялось также на известное количество политических партий и группировок, настаивавших на активном сотрудничестве с оккупационными властями. Несмотря на определенные различия в своих идеологических установках, все эти организации были едины в стремлении включить Францию в организм «Новой объединенной Европы». Это была идея-фикс. Ею были одержимы и французские националисты, и французские фашисты, и французские национал-синдикалисты. Их вовсе не смущало, что они призывали к сотрудничеству со страной, которую еще некоторое время назад считали самым страшным и самым заклятым врагом Франции. Собственно, в этом и состояла суть французского коллаборационизма. В особенности была показательна позиция французских фашистов, полагавших себя последними носителями наднациональной идеологии – настолько наднациональной, что они были готовы к союзу с некоторыми из коммунистов. Дистанцируясь от буржуазных националистов и восхищенных французской государственностью правых политиков, они полагали военное поражение своей страны не слишком большой ценой, если бы в итоге оно привело к торжеству универсального европейского фашизма. Опять же многие из французских фашистов, невзирая на многочисленные противоречия, выражали редкостное единство относительно того, что вишистское правительство слишком медленно «налаживало сотрудничество с Берлином». Идеи объединенной Европы проповедовались в «Национально-народном единстве», «Партии французского народа», «Партии франсистов», «Социально-революционном движении за национальную революцию». Эти организации пытались

играть роль не только во внутренней жизни Франции, но и во внешней политике.

Сразу же оговоримся, что большая часть идеологических представлений французских коллаборационистов оказалась иллюзией. Они заблуждались насчет того, что в Берлине жаждали увидеть французское правительство, представлявшее интересы большинства политических группировок. Немецкие дипломаты получали из Германии тайные приказы любыми силами препятствовать складыванию на французской территории объединенного политического фронта. Гитлер и Риббентроп предпочитали, чтобы Франция раздиралась внутренними политическими конфликтами, а все группировки коллаборационистов находились бы в неизменной борьбе друг с другом. Немецкий посол Отто Абец 19 ноября 1942 года поспешно телеграфировал в Берлин, спеша сообщить о том, что ему удалось уговорить отказаться от политического сотрудничества с другими французскими фашистами лидера «Партии французского народа» Жака Дорио (к слову сказать, некогда бывшего активным коммунистом). В телеграмме, в частности, сообщалось: «Если нам и пришлось согласиться на создание единого политического блока, тем не менее мы должны избегать признания, что политическая инициатива находится в руках у влиятельной группировки Дорио, так как его формальная победа могла бы привести к восстановлению Франции, ее объединению и преобразованию в национал-социалистическом духе».

Приведенная выше цитата с предельной ясностью демонстрирует, что германские политики допускали возникновение на оккупированных территориях идеологически родственных национал-социализму групп только в том случае, если подобное развитие событий не угрожало геополитическому диктату Берлина. Однако французские коллаборационисты наивно полагали, что в рамках «Новой объединенной Европы» их стране удалось бы сохранить свой суверенитет, что никак не входило в планы Третьего рейха. Но тем не менее до поры до времени французов предпочитали держать в неведении. Только этим можно объяснить тот факт, что Жак Дорио 25 мая 1941 года в своем выступлении заявлял о целостности Франции и рамках руководимой Гитлером Европы: «После 1919 года у Европы не могло быть 20 лет спокойствия, так как с Германией обошлись жестоко и несправедливо. В 1941 году Европу могла бы постичь та же самая судьба, если бы Францию оскорбили и поработили».

Когда Германия напала на СССР, то французские фашисты, собственно, как все остальные коллаборационисты, увидели в этой

агрессии возможность создания объединенной Европы. Жак Дорио приветствовал идею использования на Восточном фронте добровольцев из числа французов, голландцев, валлийцев, фламандцев, скандинавов и многих других. Именно этих вояк из состава частей вермахта и ваффен-СС он полагал представителями «новой объединенной Европы, которые могли бы стереть старые континентальные границы». Однако ни Дорио с его «пролетарским фашизмом» и идеей «братской Европы, объединенной окопной аристократией», ни политиками из Виши не было позволено начать на практике объединение Европы. Пропагандистская патетика вовсе не должна была перейти в плоскость практических решений.

Секретарь «Партии французского народа» Виктор Бартелеми, в отличие от Дорио, со скепсисом относился к идее объединения Европы под патронажем Германии. Осенью 1944 года Бартелеми выпустил специальное обращение, в котором перечислил все причины того, почему европейцы окончательно отвернулись от германских национал-социалистов. В частности, был упомянут отказ от лозунга «ни побежденных, ни победителей», а также сознательное следование репрессивно-реакционным курсом вместо того, чтобы заняться претворением в жизнь «революционной политики». Однако в том же самом 1944 году значительная часть активистов «Партии французского народа» предпочла скрыться на территории Германии. Это были те, кто продолжал верить в миф об «объединенной Европе», а потому наивно полагал, что еще можно победоносно вернуться во Францию. Более того, между французскими коллаборационистами и немецкими дипломатами шла своего рода шахматная игра, в которой разыгрывались посты и сферы влияния в послевоенной Франции. И это в то время как войска западных союзников уже были в Париже!

29 августа 1944 года Дорио вел переговоры с Риббентропом, в ходе которых министр иностранных дел Третьего рейха обещал, что «за исключением Эльзас-Лотарингии Франция после окончания войны сохранит свою территориальную целостность». Одновременно Луи Франсуа Селин, известный литератор, придерживавшийся анархо-фашистских взглядов, констатировал: «Вся Европа в заднице! Именно в заднице!» В то же самое время газеты французских коллаборационистов, на этот раз издававшиеся уже на территории рейха, продолжали заклинать «Новую Европу». Тревожным эхом стали доходить до Германии сведения, что во Франции казнили ориентированных на Германию интеллектуалов Жоржа Сори и Поля Ша – они как раз были ярыми поборниками «объединенной Европы».

Даже когда не осталось никаких сомнений в том, что Германия проиграла войну, французские коллаборационисты, скрывавшиеся на стремительно сокращавшейся территории рейха, предпочитали лелеять свои несбыточные мечты. Например, в январе 1945 года из беглых французов был сформирован так называемый «Французский освободительный комитет». В учредительном манифесте этой марионеточной организации можно было прочитать: «Мы намереваемся вновь завоевать независимость нашей страны. Мы сражаемся за европейское пространство, которое является жизнеспособным и которое обеспечит существование нашего народа. Мы выступаем за объединенную Европу, которая способна нанести поражение большевизму». Как видим, «объединенная Европа» стала лозунгом «последнего часа» – пропагандистской уловкой, призванной хоть как-то продлить агонию Третьего рейха. Но Дорио словно не желал видеть этого. В феврале 1945 года он даже умудрялся подводить первые итоги деятельности возглавляемого им комитета. В частности, он подчеркивал, что Берлин гарантировал территориальную целостность «союзной рейху Франции» (!!!). Затем он вновь высказывался за «объединение континента через почтение к историческим традициям западных народов». Статья с этими словами вышла в коллаборационистских газетах 22 февраля 1945 года. Ирония судьбы заключалась в том, что именно в этот день Дорио погиб во время авиационного налета.

Иллюзии относительно «объединенной Европы» испытывал не только Дорио, но и его давнишний конкурент, руководитель коллаборационистской партии «Национально-народное единство» Марсель Деа. Некогда он был радикальным социалистом, но затем перешел в лагерь приверженцев еврофашизма. Марсель Деа считал необходимым сформировать объединенную авторитарную Европу, в которой Германии отводилась особая миссия. В августе 1940 года Деа написал в одной из статей: «Германия должна перейти от войны к миру, от захватов – к сотрудничеству, от гегемонии – к договорным отношениям. Поскольку военная победа является самой неоспоримой из побед, то она сделала Германию повелительницей континента, что возлагает на нее особую миссию. Она должна повести Европу за собой. Сила победы дает не только права, но и налагает обязанности».

Подобно большинству французских коллаборационистов Марсель Деа выступал за объединение Европы, которое должно было произойти при условии «сохранения национальной особенности народов, без противопоставления одной нации другой». Будущую континентальную

организации Марсель Деа называл «Европейским сообществом». В предполагаемом им сообществе Франция должна была обрести новый суверенитет. Как ни покажется странным, но среди коллаборационистов были весьма популярны панъевропейские идеи довоенного периода. Именно этим можно объяснить конструкции Деа, которые мало напоминали идеи Гитлера о «новом пространстве». В частности, глава коллаборационистского «Национально-народного единства» писал в одной из статей: «Наступит момент, когда отдельные нации сольются в одно сообщество, когда они плотно прилягут друг к другу как обтесанные камни. Конструкцию этой объединенной Новой Европы можно сравнить с прекраснейшим средневековым собором».

Секретарь все того же «Национально-народного единства» Жорж Альбертини также придерживался идей «Европейского сообщества», в котором якобы все народы должны были сохранить свои особенности. Столь наивное понимание «новой Европы» он изложил в конце 1943 года в одной из газетных статей. В ней он сообщал: «Принимая во внимание, что на конференции в Москве три державы заявили о своем империализме, Новая Европа будет просто призвана уважать интересы наций. Их противостояние спровоцировало в Европе XIX–XX веков несколько крупных конфликтов. Но тем не менее Европа – это слишком древняя территория, на которой сложилось слишком много национальных особенностей. Первое условие – Европа не мыслима без Германии, без Сербии или без Бельгии».

Намерение поддержать Третий рейх во имя строительства «справедливой Европы» – это была либо самая великая глупость, либо самая великая подлость, на которую только мог быть способен молодой политик. Однако многие из французских интеллектуалов заняли именно такую позицию. Они хотя и не принадлежали к какой-то конкретной коллаборационистской партии, но тем не менее рассматривали военное поражение своей страны как предпосылку для строительства «общей Европы», в которой «за борт оказались бы выкинуты все устаревшие структуры и понятия». Немецкая оккупация как бы втягивала Францию в «континентальный блок», в котором она получала особую миссию. Такую мысль высказал Эдуард Винтермайер в своей книге «Европа на марше», которая была издана во Франции в 1943 году. На ее страницах он писал: «Чтобы действительно участвовать в европейском развитии, Франция должна снизойти до уровня истинных и первичных качеств ее народа. Повторное и повсеместное пробуждение сил народа позволит создать Новую Францию в Новой Европе. Если мы будем действовать подобным

образом и только так, то сможем связать свое будущее со всем тем, что является истинными ценностями нашего прошлого… Мы не сможем отказаться от этого ни во имя себя, ни во имя Европы. После выбора нового пути французскому народу предстоит объединиться с Новой Германией, что в итоге и породит Новую Европу».

Как видим, рецепт создания «Европейского союза» через объединение и примирение Германии и Франции был выдуман вовсе не гражданскими политиками послевоенного периода, а коллаборационистами периода оккупации. Собственно, и многие из ныне популярных лозунгов были порождены в той же среде в то же самое время. Например, это относится к фразе немецкого профессора Вильгельма Гримма, ставшей весьма популярной у французских коллаборационистов: «Германия – наше Отчество, Франция – ваше Отечество, Европа – наше общее Отечество». Подобные идеи не просто вдохновляли, а буквально зажигали сотрудничавшего с немецкими оккупационными властями Франсиса Делязи. Входивший до войны в синдикалистские и панъевропейские кружки, он рассматривал Вторую мировую войну как своего рода повторение революционной войны 1792 года, которая раз и навсегда изменила европейский континент (а в итоге европейская интеграция – что при Наполеоне, что при Гитлере – оказалась лишь основой для агрессии в отношении России – наверняка, это удел всех евроинтеграций, собственно, как и их бесславная кончина). Подобные идеи он изложил в книге «Европейская революция», которая увидела свет в Париже в 1942 году. Год спустя он была переведена на немецкий язык и переиздана в Берлине. Что же так заинтересовало немецких политиков в творчестве французского писателя? Он предлагал создать что-то вроде Соединенных Штатов Европы, опирающихся на экономическую базу, а именно общую валюту, унифицированные зарплаты и общий уровень жизни. Впрочем, в самой Германии эти идеи были нужны не для реализации, а для манипулирования оккупированными территориями. Зачем применять силу, если есть ослик, который сам охотно бежит за недоступной морковкой?

Глава 10.Еврофашизм для Евросоюза

Как ни покажется странным, но в научных кругах до сих пор нет устоявшегося и общеприменимого определения фашизма. Пожалуй, причина этого кроется в том, что многие историки, равно как и политологи, склонны видеть в фашизме сугубо шовинистическую (то есть предельно националистическую), но никак не транснациональную модель идеологии. Однако в свое время многие из теоретиков европейского фашизма, например, англичанин Освальд Мосли и француз Пьер Дрие ла Рошель полагали, что эпоха традиционного национального государства ушла в прошлое. Во время гражданской войны в Испании (с 1936 по 1938 год) – а у Дриё ла Рошеля и Муссолини уже в их восприятии Первой мировой войны – и связанной с ней интернационализацией вооруженных сил (на франкистской стороне в том числе) правые европейские интеллектуалы задумались над тем, чтобы трактовать фашизм как двигатель общеевропейской трансформации, в которой нации путем специфических для каждой страны «фашистских революций» смогли бы создать «третий бастион», способный противостоять США и Советскому Союзу, провозглашенным «материалистическими сверхдержавами»

Еще в январе 1921 года Муссолини заявил: «Либо политике и жизни в Европе удастся достичь единства, либо ось мировой истории окончательно сместится по ту сторону Атлантики, и с той поры Европа будет играть лишь второразрядную роль в истории человечества». Различные представители праворадикальной интеллигенции при этом понимали фашизм в первую очередь как всеохватывающее восстание против материализма и рационализма, как борьбу против буржуазного декаданса, беспомощности парламентской демократии, которая была не в состоянии решить социальные и национальные проблемы европейских государств.

Общим для теоретиков еврофашизма было то, что защита коренных народов Европы была для них абсолютным приоритетом и что Европа – в духе трактовок Карла Шмитта – представлялась им «большим пространством», в дела которого не должны были вмешиваться все прочие державы мира. При этом корпоративная экономическая система должна обеспечивать экономическое удовлетворение спроса и воспрепятствовать тому, чтобы «Старый свет» деградировал до американского рынка сбыта, тогда как форсируемое классовое примирение по всей Европе путем долевого участия рабочих в доходах предприятий должно было лишить

почвы коммунистическую риторику классовой борьбы. Еврофашистские тенденции в межвоенное время существовали во многих праворадикальных движениях Европы, однако в этом-то как раз и состоит основная проблема: не существовало международной организации, которая, подобно Коминтерну, определяла бы единое направление деятельности и утверждала общую программу. Идеологические различия между отдельными странами поразительно велики, и в особенности расовый вопрос становится важным конфликтным моментом. Если испанские фалангисты Хосе Антонио Примо де Риверы считали расовый вопрос не существующим, так как испанская нация для них была историческим образованием, а не расовым или лингвистическим, то другие фашистские движения Европы, например скандинавские, с 1933 года все больше ориентировались на германский национал-социализм. По этим причинам еврофашизм на протяжении многие лет оставался лишь интеллектуальной разновидностью фашизма.

Тем не менее стремления придать еврофашизму организационную и программную оболочку имели место с различных сторон. Первый конгресс еврофашистов прошел 16–17 декабря 1934 года под девизом: «Универсальный фашизм». Мероприятие состоялось в швейцарском городке Монтрё на Женевском озере с участием представителей четырнадцати стран. Среди приглашенных гостей были, например: движение «Национальный фронт» во главе с отставным военным Артюром Фонжалла (1875–1944), представители австрийского «австрофашистского» Хаймвера («отечественной самообороны»), ирландские «синие рубашки», бельгийцы, греки, норвежцы, голландцы, румынские гвардисты, посланцы Муссолини и различные французские группы, в том числе «франсисты» Марселя Бюкара. Надо сразу же оговориться, что еще в ноябре 1932 года состоялся Европейский конгресс в Италии, но он не носил четкого фашистского характера, потому что большинство участников представляли националистические и либерально-консервативные круги своих стран. Например, тогда среди участников можно было встретить Пьера Гаксота, Стефана Цвейга и Ялмара Шахта.

Если говорить о мероприятии 1934 года, то представители испанской «Фаланги» вначале отказались от приглашения. Они полагали себя национал-синдикалистами, а потому дистанцировались от фашизма. Но затем они все-таки послали своих представителей в Швейцарию. Полная перемена взглядов среди фалангистов произошла только в годы гражданской войны. Первоначально фалангисты не были последовательными сторонниками мятежного генерала Франко. Большое

значение придавалось акцентированию того, что фалангизм якобы был сугубо испанским явлением. Это было защитной позицией, продиктованной желанием считаться чем-то исконно своим, самостоятельным, органически выросшим из испанской истории, а вовсе не простой копией фашистской Италии, как звучало в обвинениях в адрес фалангистов со стороны республиканцев и левых.

На швейцарский съезд еврофашистов представители национал-социалистической Германии и вовсе не прибыли. Принимая во внимание весьма напряженные отношения между нацистской Германией и австрофашистской Австрией, которую поддерживала фашистская Италия, в Третьем рейхе в те дни слово «фашист» обладало явно негативным контекстом. В итоге всем делегатам становится понятно, что «черного интернационала» как некой альтернативы Коминтерну создано не будет. Основанные в Италии «Комитеты универсализации опыта Рима» явно не могли претендовать на эту роль. В итоге на пленарных заседаниях было выработано три «еврофашистских принципа»:

– «борьба европейской молодежи против коммунизма и капиталистического эгоизма»;

– «распространение корпоративизма»;

– «уважение к национальным особенностям народов».

После этого разочарованный Муссолини отказался от проекта по созданию «Соединенных Штатов Европы», хотя в 1935 году прошло еще два еврофашистских конгресса: в Париже и Амстердаме. Однако после 1938 года многие фашистские движения все больше и больше оказываются под растущим влиянием германского национал-социализма. Итальянский фашизм утрачивает свое былое влияние. Лишь в 1942 году в Италии возникнет план по созданию «Панъевропейской федерации фашистских наций». В 1943 году в одном из пунктов «Веронской программы» эта федерация будет обозначена как долгосрочная цель. В этой программе констатируется, что нужно создать европейское сообщество в форме конфедерации всех стран, которая преодолеет капитализм и войны за изменение границ и этим принесет в Европу благосостояние, свободу и безопасность.

Среди многочисленных националистических движений межвоенного периода британские фашисты во главе с Освальдом Мосли всегда стояли особняком. Мосли происходил из аристократической семьи англо-ирландского происхождения и получил хорошее образование в различных элитных учебных заведениях. В годы Первой мировой войны он стал офицером только что созданных Королевских ВВС, однако за год до

окончания войны вынужден был из-за ранения оставить военную службу. Освальд Мосли добился известности в Великобритании, когда в 1918 году он как самый молодой депутат от Консервативной партии («тори») оказался в составе парламента. Однако Мосли был категорически не согласен с английской политикой, которая проводилась на территории Ирландии. В те дни так называемые «черно-пегие» – добровольческие отряды из недавно демобилизованных британских солдат – безжалостно расправлялись со сторонниками независимости Ирландии, что происходит без каких-либо возражений и критики со стороны правительства и парламента. Жесткая критика Мосли в адрес молчаливо допускающего это партийного руководства приводит к его разрыву с консерваторами.

Два следующих депутатских срока он проводит в составе парламента как представитель независимых политических сил. И только после этого он присоединяется к «неврожденной» Лейбористской партии. В 1924 году Мосли завоевывает Бирмингем, некогда являвшийся оплотом консерваторов. Однако, назначенный уже в 1929 на пост младшего министра – без конкретной области деятельности, он не может осуществить в этом правительстве давно лелеемую им экономико-политическую программу – «Бирмингемские предложения». Прежде всего Мосли волновала массовая безработица, а потому он был вынужден подать в отставку. В 1931 году он основывает «Новую партию», но проект оказался неудачным – его детище потерпело на выборах сокрушительное поражение. После этого он как «патриотично настроенный социалист» направляется в Италию Муссолини, откуда возвращается фанатичным приверженцем фашизма, стремясь теперь к подобной модели и для Великобритании.

В 1932 году Освальду Мосли удалось объединить наибольшие фашистские и профашистские группы в «Британский союз фашистов». На пике своей организационной активности, которая пришлась на 1938 год, в союзе состояло около 45 тысяч человек. В географическом плане оплотом «Британского союза фашистов», где располагалась штаб-квартира организации – «Черный дом» – был Челси. Также Мосли был очень влиятелен в лондонском Истэнде, районе, населенном преимущественно рабочими. Там в 1937 году на выборах «Британский союз фашистов» получил 19 % голосов. Тем не менее «черные рубашки» Мосли не попадают в Палату общин, так как британское мажоритарное ограничительное избирательное право (Вестминстерская система) сильно ограничивало прохождение в парламент малых партий. Так как во время Второй мировой войны Мосли попал под подозрение как потенциальный

пораженец, то он, страстный противник войны, вместе с 800 своими товарищами был интернирован правительственными войсками. После войны Мосли основывает Юнионистское движение и открыто требует создания «государства Европа». Эту свою мысль Мосли выводит из двойной угрозы Европе со стороны и Запада и Востока, причем он понимал свои идеи не как решительно антисоветские и антиамериканские, а как «трезвое восприятие действительности». Согласно теории Мосли только при четком разделении блоков и создании объединенной Европы возможен стабильный мир в многополярном мире.

Чтобы предотвратить дальнейшую культурную американизацию Запада должна быть сотворен новый этнос – «Нация Европа». В этом едином европейском государстве Мосли видел отнюдь не эквивалент американской концепции «плавильного тигля», наоборот, только такое единое государство, на его взгляд, смогло сохранить и развить силу автономных, национальных европейских культур, благодаря чему Европа якобы будет спасена от «всеобщего нивелирования и смешения».

В своих публицистических произведениях – наряду с программной книгой «Я верю в Европу» («Мировая альтернатива»), «Мы живем завтра», «Европейский социализм» вплоть до его автобиографической работы «Моя жизнь» Мосли разрабатывал идею европейского государства в европейско-африканском экономическом пространстве («Еврафрика»), которое в будущей глобальной экономической борьбе и борьбе за ресурсы могло бы гарантировать европейцам возможность мнимое независимое существования и преодолело бы «безумные» братоубийственные войны.

Между довоенным и послевоенным временем меняется только его терминология: после 1945 года Мосли по тактическим причинам отказывается от термина «фашизм» и говорит вместо этого о «европейском социализме» (нынешние западные политики тоже любят употреблять термин «евросоциализм»). Но основные его темы остаются прежними, и политическая теоретическая конструкция Мосли, таким образом, без сомнения также и после конца войны заслуживает наименования «еврофашизм».

Немецкий исследователь Бенедикт Кайзер в своей работе, посвященной «буржуазному упадку» отмечал: «Как и французский фашист Дриё ла Рошель, британский фашист Мосли просит своих соратников и земляков отказаться от идей внутриевропейского реванша и конкуренции девятнадцатого и начала двадцатого веков в пользу общеевропейского сознания, и защищать общую Европу перед остальным миром. Он сам первым делает шаг в этом направлении как пример и становится первым

английским националистом, выступающем за право ирландцев на объединение – «right to unite», за объединенную Ирландию в объединенной Европе. Государство Европа, по мнению Мосли, нуждается в согласованной с наукой и техникой экономической и социальной политике. С помощью управляемого государством «механизма цен и зарплаты», который стал бы основой общеевропейской экономической политики, и благодаря европейскому правительству, которое руководило бы экономикой, но не контролировало ее, единое государство станет, на его взгляд, благом для всех европейских народов. Уровни зарплат в европейских регионах выровнялись бы, и социальное законодательство тоже должно было бы пройти унификацию, чтобы уменьшить внутриевропейские различия в уровне жизни».

На возможную критику, относительно того, что в лишенном внутренних границ едином «государстве-Европа» возникнут массовые этнические переселения, Мосли приводил аргумент, что из-за общеевропейского уравнивания экономик у людей не возникнет никакой потребности покидать свою родину по экономическим причинам. Якобы проблемы сырья не будут на самом деле проблемами, так как из-за создания большого пространства Еврафрика и связанного с этим доступа к африканским ресурсам, европейский полуконтинент обеспечит себе автаркию.

Следовательно, снятие с повестки дня вопроса о пространстве и вопроса о заработной плате является, по мнению Мосли, фундаментов для успешной экономической и социальной политики в объединенной Европе. «Если эти оба основных вопроса будут решены, возникнет основа для перспективной общеевропейской экономики». Кроме того предполагалось организовать свободное предпринимательство и долевое участие рабочих в прибыли предприятий, а также сословное самоуправление. Все этим моменты обозначались Освальдом Мосли как «гарант нового благосостояния Европы».

Наряду с экономической и социальной необходимостью «Нации Европы» Мосли еще до начала войны в 1939 году указывал на необходимость объединенного «государства-Европа» с точки зрения силовой и оборонной политики, чтобы предотвратить крушение великих держав, к числу которых Мосли относил Францию, Великобританию и Германию. Как видим, планы, поостренные британским фашистом Освальдом Мосли, были успешно реализованы западными политиками, которые любят себя назвать либералами.

Подобное можно сказать и про идеи французского фашиста Пьера

Дриё ла Рошеля. Он уже в годы Первой мировой войны стал своего рода «панъевропейцем». Со временем Дриё ла Рошель становится «ключевым теоретиком еврофашизма». «Поворот к Европе» начинается в публицистике Дриё ла Рошеля с публикации «Мера Франции», работа, обнародованная пять лет спустя после окончания Первой мировой войны. Впрочем, как отмечают исследователи, еще раньше в сборнике военных стихотворений, строфы которых французский солдат Дриё ла Рошель посвящает своим немецким противникам на другой стороне траншей, уже заметна его стремление к объединению европейских наций.

В 1922 году Дриё ла Рошель впервые потребовал объединения Европы на основании права народов на самоопределение. Предпосылкой для осуществления такого проекта для него было примирение между Германией и Францией, за которое он выступал публично. Спустя четыре года – когда немецко-французскую «исконную вражду» снова и снова поднимали на знамена во французском правонационалистическом лагере – он требовал отделения национализма от реакционного милитаризма. Тем не менее уже в 1928 году в эссе «Женева или Москва» он отказался от этой идеи, равно как отвергал мелкобуржуазный национализм как таковой. По мнению Дриё ла Рошеля, именно мелкобуржуазные устремления препятствовали европейскому сближению, без которого Европу ожидает окончательный «закат».

Предпосылкой для создания «Соединенных Штатов Европы», по мнению Дриё ла Рошеля, могло быть экономическое объединение наций. Теоретик французского фашизма настаивал на сохранении колониальных владений европейцев, которые он хотел бы пропорционально распределить между отдельными странами, и которые моли позволить Европе существовать как полностью экономической независимой, то есть автаркической территории. Он был решительным противником «экономического империализма американцев и советской идеологической экспансии»: «Европе угрожают американский капитализм и русский империализм […]. Это поле сражения, где обе системы открыто противостоят друг другу». Подобных убеждений Дриё ла Рошель придерживался до 1934 года. Он полагал, что объединение нужно осуществлять на фундаменте «дисциплинированного капитализма» и политически объединенной Европы. Вместе с Бертраном де Жувенелем Дриё ла Рошель становится активистом «Лиги Франция-Европа» полсе чего пишет статью для для социалистического журнала «Новая Европа». Там наряду с ним публикуются также другие будущие фашисты, такие как Поль Марион, Жорж Суарес, Альфред Фабр-Люс и упоминавшийся выше

де Жувенель.

В 1931 году Дриё ла Рошель написал эссе «Европа против отчеств», в котором весьма подробно рассматривал проблему внутриевропейских границ. Противостояние между Италией, Францией и Германией в борьбе за Савойю, Корсику и Эльзас-Лотарингию нельзя было прекратить раз и навсегда. Поэтому Дриё ла Рошель предвосхитил нынешних западных политиков и взял на вооружение лозунг о том, что автономия является единственным адекватным решением. Если отсутствовали хозяйственные предпосылки для региональной независимости, Дриё ла Рошель рекомендовал присоединение к соответствующей соседней стране, решение о котором принимало бы население на референдуме. В то же самое время «территориальные споры» в Восточной Европе нужно регулировать договорами между меньшинствами, учитывая отдельные требования пересмотра границ. В решении этих европейских вопросов о границах Дриё видел преодоление последних преград к европейскому объединению.

В свое эссе «Женева или Москва» Дриё ла Рошель высказал мысль, что колониальные владения обязательно следовало сохранить. В течение следующих лет у Дриё ла Рошеля пришел к выводу, что его «видение Европы» не имело никаких шансов на реализацию в рамках Третьей республики и «Лиги наций». Он одновременно испытывает презрение и к либералам и «старым консерваторам», что в итоге делает Пьера Дриё ла Рошеля фашистом. Его вдохновляла идея отказа от буржуазной Европы и поворот к «новому типу человека» – очищенного от национальных обид и лишенного индивидуализма. Потому часть французских интеллектуалов придерживались мнения, что фашизм – это в первую очередь «очищенное от национального эгоизма и дышащее воздухом европейское сближения». Дриё ла Рошель полностью разделял эту мысль. Он писал: «Фашизм не был для нас политической доктриной, он не был экономической доктриной, он не был имитацией иностранных образцов, и наши встречи с иностранными фашизмами приводили только к тому, что мы могли лучше понимать национальное своеобразие, и не в последнюю очередь наше. Но фашизм – это дух. Сначала антиконформистский, антибуржуазный дух, и непочтительная дерзость – часть этого. Это дух, который противится предубеждениям, как классовым, так и всем другим. Это также дух дружбы, которому мы желаем, чтобы он поднялся до духа дружбы между нациями».

Из приведенного выше отрывка следует, что в грядущей «объединенной (фашисткой) Европе» следовало почитать «национальную

оригинальность», особенности каждого народа. Это наивное убеждение можно найти и у самого Дриё ла Рошеля. В эпилоге его романа «Жиль» герой вступает в диалог о судьбах Европы с одним фалангистом, после чего в мыслях обращается к самому себе: «Чем была Европа, какой она должно была быть? Различные державы должны связываться друг с другом, не мешая и не раня при этом ни одну из них, все страны следует уважать, и их самостоятельная жизнь должна сохраниться. Лига наций была только бледной абстракцией, унижением для различных могущественных существований. Нации должны соединиться под одним всеохватывающим обширным понятием, знаком, который гарантирует автономию всех источников – соответственно как особенных для каждой из них, так и универсального».

Отрицание классического консерватизма и патриотизма и транснационального, «панъевропейского» изображено в романе Дриё ла Рошеля «Жиль». В произведении показан спор трех фашистов – ирландца, поляка и француза Жиля, в этот момент еще выступающего под псевдонимом Вальтер – они сначала размышляют о будущем союзе католицизма и фашизма. Затем Дриё ла Рошель устами поляка констатирует: «В конце концов, мы должны выбирать между национализмом и фашизмом». Ирландец О'Коннор вторит ему: «Национализм устарел. То, чего не достигли в Женеве демократические страны, смогут фашистские державы. Они создадут единство Европы».

Дриё ла Рошель предвидел, что новая континентальная война (Вторая мировая начнется буквально через несколько дней после выхода романа из печати) «погубит» универсальный, западноевропейский фашизм, дав преимущество германоцентричному национал-социализма. В итоге один из героев романа завершает дискуссию словами: «Против вторжения русских армий в Европу должен возникнуть патриотический европейский дух. Этот дух может развиться только тогда, если Германия с самого начала интегрирует целостность отечеств, всех отечеств Европы. Только тогда Германия может выполнить задачу, которая уготована ей ввиду ее силы и традиций Священной римско-германской империи: определить европейскую линию будущего».

Десятилетия спустя западные либеральные политики начнут формирование Евросоюза именно под лозунгом «Европы отечеств», но в конце 30-х годов подобного шага ожидали от нацистской Германии. Дриё ла Рошель мечтал о воздании европейского государства по образцу средневековой Священной Римской империи Германских народов. Он продолжал мечтать даже того, когда Германия оккупировала Францию. В

те дни он пишет множество прогерманских статей, в которых восхваляет внешнюю политику Гитлера. Пронацистская и прогерманская позиция не исключала некоторых сомнений, которые со временем стали одолевать Пьера Дриё ла Рошеля. Он то радуется поражению буржуазной республики, то намеревается эмигрировать в Англию. В итоге его антидемократизм оказывается сильнее любви к Родине – он предпочитает перейти на стороны нацистской Германии. Он работает в оккупированном Париже вместо того, чтобы участвовать в «национальной революции» Виши, которую он отвергает, так как патриархальный режим представляется ему безнадежно устаревшим, и он презирает человека, стоящего за Петеном, бывшего социалиста Пьера Лаваля.

Дриё ла Рошель часто встречается в Париже с немецким дипломатом Отто Абецом и разъясняет ему свою идею единой фашистской партии, которая должна взять в свои руки общефранцузскую политику и пойти на военный союз с державами «Оси». Абец категорически отвергает это предложение; с одной стороны, он хотел бы уберечь своего приятеля от разочарований, с другой стороны, у него нет достаточных полномочий, чтобы принимать такие политические решения. Кроме того, к этому моменту еще не было и ясной позиции Гитлера относительно Европы. Тщетные надежды можно объяснить тем, что немецкими собеседниками Дриё ла Рошеля в Париже были Эрнст Юнгер, Карл Эптинг, Отто Абец. Они не выказывали никакой франкофобии, но они и не были убежденными нацистами. Разочарованный Дриё ла Рошель с головой уходит в работу коллаборационистских газет, на страницах которых активно пропагандирует идею «объединенной Европы». В глубине души он понимает, что это всего лишь несбыточные мечты. Теперь Дриё ла Рошель считает внешнюю политику Третьего рейха «устаревшей». Он пишет по этому поводу: ««1. Она могла бы отвергнуть любой жест, который напоминал бы о старой политике военных завоеваний, дипломатических предубеждений и экономических конфискаций. Она не вывешивала бы немецкие знамена на общественных зданиях и не упраздняла бы национальные знамена и национальные гимны; она избегала бы парадов. Она всюду уважала бы национальную автономию в административном и политическом плане и не проводила бы аннексий в старом духе, вроде аннексий Богемии, Эльзаса, Северной Франции, Польши. Она не торопилась бы с конфискацией и арестом имущества частных предприятий, обществ, машинных парков, фабрик и банковских вкладов.

2. Зато она освободила бы военнопленных, провела бы плебисциты, чтобы заключить хотя бы временные мирные договоры между народами;

она упразднила бы таможенные границы и ввела бы европейский таможенный союз.

3. Самым серьезным и глубоким способом она перешла бы от государственной политики к межгосударственной политике; свою национальную политику она связала бы с интернациональной политикой. Таким образом, она могла бы надлежащим образом сопротивляться нациям, которые являются ее самыми большими противниками: России, имеющей в своем распоряжении коммунистический интернационал, православный интернационал и, возможно, мусульманский интернационал, а также Америке и Великобритании, располагающими демократическими, масонскими, протестантскими, католическими и еврейскими интернационалами. Лозунг „Европа“ с помощью привлекающих внимание, глубоких и всесторонних мероприятий должен был быть воплощен в жизнь конкретным, положительным и однозначным способом».

Дриё ла Рошель полагал, что двумя важнейшими мероприятиями в первые дни оккупации должны были бы стать референдумы и создание «Европейского союза», военную основу которого представляли бы СС, которые тем самым поднялись бы до «сборного пункта воинственной молодежи Европы». Через евроинтеграцию вооруженных сил оккупация европейских стран приобрела бы иной характер, так как «проевропейские» «французы исполняли бы свой воинский долг во Франции, чехи в Богемии и норвежцы в Норвегии». В дополнение к военному компоненту планировалось создание евросоциалистического Интернационала, местонахождение которого Пьер ля Рошель видел либо в Брюсселе, либо в Страсбурге. По поводу «Европейского союза» он писал: ««Зачем нужно было бы аннексировать Эльзас, если со дня, когда Германия прекращает быть Германией, чтобы раствориться в Европе, вся Европа, так или иначе, становится немецкой?» Надо отметить, что Дриё ла Рошель по-своему прозорливо предвидел события на просторе Европы, только реализованы они были уже без Гитлера, без Третьего рейха, без еврофашизма и с использованием совершенно иных лозунгов. Хотя идеи с Брюсселем, Страсбургом и «евросоциализмом» оказались весьма живучими.

Глава 11. Фашистский ген для континента

В среде российских чиновников есть такая присказка: «Любое дело проходит четыре стадии – шумиха, неразбериха, наказание невиновных, награждение непричастных». Фраза про «награждение непричастных» как нельзя лучше характеризует исторический процесс, когда некие личности приписывают себе «славное прошлое», что весьма популярно в среде мнимых антифашистов, которых в 50-е годы XX века появилось просто неимоверное количество. Например, актриса Марлен Дитрих любила рассказывать (а вслед за ней этот рассказ повторяли всевозможные средства массовой информации) о том, как в 30-е годы едва ли не пинками выгоняла из номера парижского отеля немецких дипломатов, осмелившихся предложить ей сотрудничество с министерством Геббельса. В действительности же Марлен Дитрих регулярно перечисляла немалый процент от своих гонораров в фонд Имперской палаты кинематографии, которая была частью созданной Геббельсом Имперской палаты культуры, едва ли не по первому свистку являлась в германские консульства, где вежливо улыбалась, делала многозначительные намеки – одним словом, из всех сил старалась, чтобы ее не лишили германского паспорта. Лишь летом 1939 года, получив американское гражданство, она позволила себе неуемные фантазии на тему своего активного антифашизма.

Нечто аналогичное можно сказать и про основателя «Панъевропейского Союза» Рихарда Николауса Куденхове-Калерги. В официальной легенде он преподносится как антифашист, работы которого гитлеровцы сжигали на кострах. Дескать, член масонской ложи «Гуманитас», «заразивший» Аристида Бриана, Конрада Аденауэра, Томаса Манна и многих других идеями построенной на принципах мира, гармонии и культуры объединенной Европы вызывал у фашистов всех мастей дикую неприязнь. Если не считать того, что работы Куденхове-Калерги действительно попали в список книг, запрещенных в Третьем рейхе, в остальном вся творческая биография этого австрийца не более чем миф, в 50-е годы вызванный к жизни политическими реалиями послевоенной Европы. Для того чтобы стать идейным антифашистом отнюдь не достаточно неприятия со стороны германских национал-социалистов. Например, они ненавидели фашистов, пришедших к власти в Австрии в результате переворота 1933 года (австрофашистский режим). А радикальные национал-социалисты из созданного Отто Штрассером

«Черного фронта» всегда себя позиционировали себя как «последовательные антифашисты».

Сейчас политкорректные западные политики, а вслед за ними и услужливые европейские историки старательно «забывают» самые из неблаговидных страниц истории «панъевропейской идеи». Но, как говорится, всё тайное рано или поздно становится явным… В марте 1923 года ведущие газеты мира воспроизвели открытое письмо Рихарда Николауса Куденхове-Калерги, адресованное недавно пришедшему к власти Бенито Муссолини. Весьма показательно, что первоначально текст письма был направлен создателем «Панъевропейского Союза» в редакцию австрийской националистической газеты «Ной фрай пресс». Редакция данного издания, выходившего в Вене, опубликовала письмо 21 февраля 1923 года. Именно со страниц этой газеты открытое письмо, адресованное лидеру фашистского движения, отправилось в «кругосветное путешествие».

С каким же словами обратился к создателю фашизма человек, которого сейчас называют «величайшим гуманистом»? «От имени молодежи нашего континента прошу Вас – спасите Европу! Две из трех наций, возникших на фундаменте Каролингской империи (немцы и французы), на протяжении тысячелетия находятся в состоянии затяжной войны друг с другом. Лишь третья нация – объединенная Италия – призвана самим Всевышним, чтобы положить конец братоубийственному противостоянию, стать краеугольным камнем объединенной Европы, послужить делу ее возрождения. Вы беззаветно любите Италию. Ваш дух проникнут ее жизнью и ее развитием. Но ни одна нация не может процветать в гибнущем мире. Истинное процветание Италии возможно только лишь в здоровой Европе; в пораженной недугами Европе Италия непременно зачахнет. Тот, кто сегодня любит свою страну, непременно должен любить Европу в целом. Подобно великому итальянцу прошлого века Джузеппе Мадзини вы должны быть не просто добропорядочным итальянцем, но и добрым европейцем. Взгляните за рубежи Атлантики. В то время как раздираемая противоречиями от Рейна до Фракии Европа погружена в страдания, нищету и горечь, на другом континенте в ближайшее время представители наций целого полушария встретятся, чтобы в духе взаимного доверия основать Панамериканский Союз, который будет содействовать делу мира и прогресса. Сто лет назад провозглашенная Симоном Боливаром панамериканская идея сегодня становится главной надеждой всего человечества. В то время как объединенная Америка готова повести за собой весь мир, израненная в

братоубийственных войнах Европа обрекает себя на смерть. Положите конец этим страданиям и этому позору! В то время как в Сантьяго готовится создание Пан-Америки, созовите в Риме первую панъевропейскую конференцию! Рим как оплот цезарей и понтификов должен стать колыбелью Новой Европы! Великобритания с ее могуществом стала межконтинентальной державой, Россия – евразийской. Обе эти державы вышли за рамки Европы, а потому смогли избежать крушения. Но прочие народы Европы должны быть связаны общей судьбой. У них есть только одна альтернатива: либо объединение, либо гибель. Созовите представителей национальных правительств, которые чувствуют ответственность за будущее нашего континента, чтобы создать незыблемый Панъевропейский Союз, способный положить конец вражде Германии и Франции! Пришло время, чтобы был выработан аналог доктрины Монро для нашего континента: «Европа для европейцев!» Пан-Европа нуждается в согласии с ее соседом – Великобританией. Создание системы правомерных решений и разоружение на суше и на море не являются слишком большой ценой за дружбу с этой державой. Европе никто не угрожает с Севера! Нас подстерегает экономическая угроза с Запада, и политическая – с Востока. Разобщенная Европа непременно станет добычей американской предприимчивости; разделенная Европа попадет под российскую гегемонию. Только экономическое объединение и политическое блокирование сможет обеспечить Европе мир, независимость и процветание. Стоит России оправиться от экономического хаоса, для чего достаточно нескольких урожайных лет, как белые или красные казаки будут поить свих коней в водах Адриатики. Не успеет уйти наше поколение, как в разобщенной Европе культура будет сметена вторым переселением народов. Вы – наследник Гая Мария и Цезаря. А потому вам по силам на многие века отложить второе переселение народов. В ваших силах преодолеть европейский кризис. Вы сможете определить, будут ли проходить границы Европы и Евразии по болотам Днестра и Гмина Рокино, или же по Рейну и Альпам. Древняя Греция рухнула, так как слишком поздно породила идею Панэллинизма. Спасите Европу от ее злого рока! Бесстрашно возьмитесь решать проблемы погруженной в хаос Европы, заложите основу Соединенных Штатов Европы! Тогда память о вас будет благословенной, а потомки обессмертят ваше имя!»

Письмо предельно откровенное. Вдвойне интересно, что «крестный отец евроинтеграции» обращается к фашистскому диктатору с просьбой спасти Европу не от «большевистских орд азиатов» (пропагандистское

клише националистической пропаганды в межвоенный период), а от России, принявшей евразийский вектор развития. Русофобская составляющая панъевропейской идеи более чем очевидна – для Куденхове-Калерги даже не важен политический строй, установленный в России («белые или красные казаки будут поить своих коней»). Иной читатель может заметить, что заигрывание с итальянским фашизмом в 20-е годы XX века было характерно для значительного количества политических сил. Действительно, это так. Но только уже к началу 30-х годов истинный облик фашизма был очевиден для многих. И это вовсе не мешало Куденхове-Калерги с одной стороны встречаться с Муссолини (наиболее показательная встреча произошла 10 мая 1933 года), с другой стороны консультировать австрофашистское правительство, ориентированное на Италию. Если в Германии книги теоретика панъевропейской идеи предавали огню, то в фашистской Италии он чувствовал себя более чем вольготно. Именно с мая 1933 года можно было наблюдать теснейшую кооперацию действий идеологов фашизма и теоретиков панъевропейской идеи. Более того, издаваемый в Италии «еврофашистский» журнал «Оттобер» («Октябрь») по признанию самого Куденхове-Калерги «становится фактическим вестником панъевропейской идеи». Современному человеку, который во многом пребывает во власти западных политических мифов, подобный симбиоз может показаться не просто странным, но противоестественным и даже невозможным. Но современникам подобное сращение идей казалось логичным и органичным. За несколько лет до того, как впечатленный идеями Куденхове-Калерги французский министр иностранных дел Аристид Бриан предложит создать «Пан-Европу», Муссолини уже предпринимал с подачи того Куденхове-Калерги попытки сформировать «Объединенные фашистские государства Европы».

Если говорить о фашизме итальянского образца, то он в отличие от германского национал-социализма в большей степени претендовал на универсализм и некую транснациональность. Именно этим можно объяснить повальное (хотя и недолгое) увлечение европейцев фашизмом, что можно было наблюдать на протяжении 20-х годов XX века. Если внешняя политика Третьего рейха строилась исключительно на позиции силы и стремлении к доминированию, то Муссолини в первую очередь ориентировался на «экспорт фашизма», для чего учитывал многочисленные внутренние европейские противоречия, нередко проявляя чудеса изворотливости. Уже в 20-е годы Муссолини понял, что фашизм мог выступать как идеологическая модель не только для отдельно взятой

страны, но и для европейского континента в целом. В 1927 году он писал по этому поводу: «В своем историческом проявлении фашизм является сугубо итальянским феноменом, однако его доктрина носит универсальный характер. Фашизм способен решить проблемы, которые в целом присущи многим народам, в первую очередь тем народам, которые утомлены демократическими и либеральными режимами, установленными у них в странах».

После нескольких лет совещаний и переговоров с Куденхове-Калерги в 1932 году Муссолини все-таки решил провести в Риме «панъевропейский конгресс». Несмотря на то, что на мероприятии принципиально не употреблялись такие термины как «Пан-Европа» и «Соединенные Штаты Европы» собравшиеся в итальянской столице многочисленные ученые, общественные деятели и экономисты занимались обсуждением конкретных моделей европейской интеграции, которая рассматривалась как процесс, предстоящий в самом ближайшем будущем. На Римском конгрессе рассматривались отнюдь не отвлеченные вещи, а вполне насущные вопросы: варианты создания общеевропейского таможенного союза, детали общеевропейского гражданства, формирование «Совета Европы», который с одной стороны мог быть ассоциированным членом Лиги наций, с другой стороны выступать её альтернативой. Показательно, что общим было признание того факта, что в прошлое надо было отправить узко-этнические национализмы, сделав ставку на фашистскую модель, установленную авторитарным путем в каждой из европейских стран.

Можно было бы посчитать, что идеи, озвученные на Римском конгрессе, так и остались идеями, если бы не созданные 15 июля 1933 года Комитеты действий за универсализацию Рима (КАУР), во главе которых был поставлен генерал фашистской милиции Евгенио Козельски. Это был не просто оргкомитет «фашистского интернационала», а первая в истории структура, занимавшаяся проблемами практической евроинтеграции. Главной задачей КАУР было налаживание связей со всеми европейскими странами с целью выявления в них сочувствующих фашизму политических движений и организаций. Именно они должны были стать основой для создания предполагаемых «Объединенных фашистских государств Европы». Как видим, экспорт фашизма прекрасно уживался с идей складывания «Объединенной Европы». Фашизм не просто провозглашался универсальной доктриной, но интеграционной силой, способной объединить Европу, сделав ее центром Рим. Хотя бы по этой причине в Третьем рейхе с большим подозрением наблюдали за евроинтеграционными устремлениями Муссолини. Сторонники Гитлера,

одержимые расистскими идеями, вовсе не рассматривали национал-социализм, как универсальную идею, а тем более как предмет «повсеместного экспорта». Надо отметить, что и отношения Гитлера с Муссолини долгое время были не столько союзническими, сколько конкурирующими. В первой половине 30-х годов не наблюдалось «политического мезальянса» – диктаторы были скорее «заклятыми друзьями», нежели «идейными союзниками». Как результат, когда в декабре 1934 года КУАР проводили в Монтрё Общеевропейский фашистский конгресс, то среди делегатов, представлявших 15 партий из 13 стран, не было ни одного члена НСДАП.

Если изучить текст выступления шефа КАУР Козельски, то в глаза бросается, что его риторика почти точь-в-точь повторяет лексические обороты нынешних сторонников повальной евроинтеграции. «Каждая нация должна идти своим путем и действовать своими методами в соответствии со своим национальным духом. Но национализм каждой страны будет при этом сочетаться с универсализмом фашистской доктрины…. Таким образом, идея наднациональности будет прочно гармонировать с идеей национальной». Кроме этого в своем интервью, которое Муссолини после окончания конгресса дал французской газете «Бескомпромиссность» («Intransigeant»), итальянский диктатор едва ли не дословно повторял слова, некогда произнесенные французскими министром иностранных Аристидом Брианом. «Европа создала мировую цивилизацию. Европа распространяла эту цивилизацию и извлекала из этого пользу. Сегодня зажатая между Америкой и Японией Европа обречена на крах. Если Европа хочет сохраниться, то она должна пребывать как минимум во внутреннем согласии. Сегодня европейские народы нуждаются в том, что будет их объединять – и это европейский дух». Впрочем, подобное «цитирование» легко объяснимо, если принять во внимание, что и Муссолини, и Бриана консультировал одни и тот же человек – создатель «Панъевропейского Союза» Рихард Николаус Куденхове-Калерги.

Куденхове-Калерги не был единственным, кто верил возможность симбиоза фашизма и панъевропейских идей. Когда 17 марта 1934 года между Италией, Австрией и Венгрией были подписаны так называемые Римские протоколы, то большая часть тогдашних политических обозревателей оценили это событие как «многообещающий старт панъевропейского проекта». Однако по мере того, как назревала Вторая мировая война, контуры «Объединенной Европы» менялись. Геополитическая инициатива постепенно перешла от фашистской Италии к

нацистской Германии, которая обратилась к проблеме евроинтеграции лишь под давлением обстоятельств (поражения на Восточном фронте и требования значительной части западноевропейских коллаборацио6нистов). Что же касается Куденхове-Калерги, то он без проблем нашел новых покровителей. Вовремя эмигрировав в США, после окончания Второй мировой войны он консультировал Уинстона Черчилля. Именно с подачи Куденхове-Калерги британский политик в 1946 году произнес в университете Цюриха речь, в которой призывал к созданию «Соединенных Штатов Европы». И это почти одновременно с Фултонской речью, ставшей своеобразным антироссийским манифестом!

Исторические процессы иногда сравнимы с простыми жизненными ситуациями. Как часто (увы-увы) приходится слышать о том, что из «ангелочка-ребенка» вырастает форменный негодяй и мерзавец. В каких-то случаях виновато воспитание, в каких-то – генетика. Взирая на политические события нынешних дней, многие обозреватели удивляются: как на Евромайдане, ратующем за «гуманистические европейские ценности», стали верховодить фашисты и экстремисты? Если бы эти обозреватели знали *действительную* историю Евросоюза, то, наверное, они были удивлены несколько меньше. Да и чему удивляться, если в ДНК «Евросоюза» изначально были заложены фашистские и антироссийские гены.

Глава 12. Идеологические метания в замкнутом поле

Наверное, сейчас уже ни для кого не секрет, что языковая политика может являться не просто инструментом влияния на общественное мнение, но даже грозным геополитическим оружием. Складывание «Европейского Союза», собственно как формирование идеи «объединенной Европы» в целом едва ли было возможно без учета множества языковых факторов.

Среди бонз от национал-социализма первым и долгое время едва ли не единственным поборником «объединенной Европы» был идеолог гитлеровской партии – Альфред Розенберг. Выходец из Российской империи, он тем не менее еще во время своего пребывания в Санкт-Петербурге слыл одним из самых яростных русофобов, старательно выпячивающим свою «европейскость». Уже в 1925 году в одной из своих статей, опубликованных 13 сентября на страницы газеты «Фёлькишер беобахтер», он активно обсуждал вопрос: была ли необходимость в формировании «Объединенных штатов (то бишь государств) Европы». Однако в то время Розенберг дискутировал по такому великому множеству проблем, что едва ли можно было предположить, что он вышел на уровень осознания языковой политики. Не исключено, что проблема «объединенной Европы» попала в поле зрения идеолога нацистской партии только по причине того, что евроинтеграционные лозунги играли большую роль в политической программе итальянских фашистов, а также в политических установках движения, которое принято называть австрофашизмом. Один из предводителей австрофашизма, а позже и канцлер Австрии, Энгельберт Дольфус был личным другом графа Куденхове-Калерги и бел хорошо знаком с его работой «Пан-Европа». Эта книга считалась в середине 20-х годов настолько значимой, что даже Гитлер посчитал необходимым посвятить несколько строк критики в «Майн кампф».

В 1932 году Альфреда Розенберга приглашают в фашистский Рим, чтобы принять участие в работе «Европейского конгресса». Тот не просто принимает приглашение, но публично оглашает свое видение «европейской идеи». До этого Розенберг опубликовал свой программный трактат, которому вручил пафосное название – «Миф XX века». На страницах этой толстенной книги идеолог НСДАП пытался объявить все

«хорошее», что имелось в Европе «германским», а в свое очередь все «хорошее», что можно было обнаружить в самой Германии – «нордическим». То есть трактовка Европы у Розенберга была сугубо расовой. Подобные представления позже позволили сотрудникам эсэсовской организации «Наследие предков» «распространить» границы Европы до Персии и Индии. В данном случае они не были слишком оригинальными, так как опирались на квазинаучные построения из «Мифа XX века».

Однако есть и менее известные заявления, которые себе позволял Альфред Розенберг. В частности он произнес речь на первом заседании созданного же им самим в 1934 году «Нордического общества». В этом выступлении он фактически заложил основу для всех последующих евроинтеграционных программ, которые разрабатывались в Третьем рейхе по 1945 год включительно. Именно Альфред Розенберг стер грань между идейным антикоммунизмом и оголтелой русофобией, нередко подменяя эти понятия друг другом. Он заявлял: «Судья Европы – это судьба каждой европейкой нации в отдельности. Пожалуй, сегодня мы можем говорить о том, что судьба Европы – это и судьба Германии, как самого крупного среднеевропейского государства. И, наоборот, судьба Германии – это судьба нашей многоуважаемой части света. Однако если бы не было германского возрождения, то волна коммунистического хаоса давным-давно бы накрывала всю Серединную Европу. Эта буря отнюдь не остановилась бы на берегах Рейна, или Одера, а понеслась бы до самых Геркулесовых столпов, уничтожая в потоке хаоса нашу тысячелетнюю континентальную цивилизацию».

Будучи ярым антисемитом, Розенберг традиционно увязывал русский большевизм с «происками евреев». Однако он прекрасно понимал, что антисемитизм не находил широкого отклика у публики европейских стран, в частности у журналистов из Скандинавии. По этой причине он решил сделать второй составляющей «европейской идеи» обобщенный расизм, базировавшийся на лозунгах «общей крови, общей почве и общей судьбе». Этот компонент можно обнаружить во всех разработках, которые велись в Третьем рейхе. Розенберг провозглашал: «Национал-социализм смог пробудить пламенную любовь к крови, к почве и традициям. В то же самое время он смог дать другим нациям внутреннее осознание их крови, их характера, их почвы и их истории». В Третьем рейхе идеи «интегрального расизма», предложенные Альфредом Розенбергом, постепенно были взяты на вооружение в Имперском министерстве иностранных дел.

Другим отличительным признаком «объединенной Европы», по

мнению Розенберга, должен был стать ее антидемократизм, опять же являвшийся одним из элементов национал-социалистической идеологии. В этой связи будет уместным привести следующий пассаж: «Европу надо разуметь не как дискутирующее, но то же самое время безжизненное интернациональное сообщество, но как сферу судьбоносных пространств. В этой области устремления каждого в отдельности должны быть глубоко обоснованными. Только в справедливом ограниченна и разделении отдельное может стать единым, имеющим твердую основу, достаточно сильным и жизнеспособным, чтобы постигнуть общность древней тысячелетней культуры. Только так можно защитить наши народы и гарантировать им подобающие условия жизни среди прочих континентов и народов Земного шара». В плане отказа отдельной нации в праве на истинное самоопределение «интегральный расизм» весьма напоминает современный либерализм, готовый пожертвовать народными интересами во имя отвлеченных идей.

В плане поиска базы для формирования относительно гомогенного европейского пространства приверженцы национал-социализма иногда шли на самые странные ухищрения, пытаясь комбинировать между собой на первый взгляд несовместимые вещи. Одну из таких попыток предпринял приятель Альфреда Розенберга, лингвист и одновременно химик – Теодор Штехе. Столь разнонаправленные увлечения он почерпнул от своего отца – Альберта Штехе, который был не только владельцем крупной химической фирмы, но и председателем «Немецкого союза эсперантистов». Итак, Теодор Штехе полагал вполне естественным увязать между собой потребности нового расистского режима и задачи, которые перед собой ставили приверженцы планово-искусственного языка, который в 1887 году был изобретен варшавским евреем Лазарем Земенгофом. Наверное, учитывалась надэтничность и надгосударственность языка эсперанто, который предполагалось использовать для формирования «новой Европы». Планам Теодора Штехе не было суждено сбыться. Он, конечно, стал доверенным лицом Розенберга, однако никто из эсперантистов не получил должной самостоятельности. Все они были унифицированы в рамках «Немецкого языкового союза».

Не стоило забывать, что почти сразу же после прихода к власти национал-социалисты начали расправы с неугодными им общественными деятелями. Любители классических литературных европейских языков считали эсперанто сугубо подрывными явлением. Подобное предубеждение появилось в годы Веймарской республики, когда интерес к плановым и искусственным языкам проявляли в первую очередь в рабочих

группах. В итоге получилось, что среди немецких эсперантистов было огромное количество марксистов. Когда в 1933 году началось планомерное преследование коммунистов и социал-демократов, то многие из любителей эсперанто оказались за решеткой.

Были, конечно, аполитичные объединения любителей эсперанто. К ним национал-социалисты применили так называемую тактику «салами». Сначала этим союзам был навязан фюрер-принцип, то есть они были лишены любой возможности самоуправления и коллегиального принятия решений. Затем председателем какого-либо союза делали члена НСДАП, а потом из организации удалялись евреи и «политически неблагонадежные». Заканчивалось все обычно унификацией общественных организаций, которые полностью прекращали самостоятельное существование. Можно отметить, что давление на эсперантистов фактически прекратилось накануне летней Олимпиады 1936 года, которая проводилась в Берлине. Когда же произошел аншлюс Австрии, встал вопрос о судьбе австрийских эсперантистов, то европейская общественность едва ли проявила какай-то интерес к этому вопросу.

Справедливости ради надо отметить, что нельзя оценивать политику национал-социалистов как некую константу, изначально ориентированную на формирование «новой Европы». Политику Третьего рейха (в первую очередь внутреннюю) можно разделить на несколько этапов. На ранних стадиях, когда нацисты только пытались укрепить свою власть, «европейская идея» либо не рассматривалась как актуальная, либо и вовсе могла восприниматься как «антиимперская», а потому враждебная по отношения к новому режиму. Примером этого может служить история Адальберта Баумана, баварского националиста, разрабатывавшего собственные планы по преобразованию языкового пространства Европы. Оговоримся сразу, что баварский национализм обладал множеством оттенков, и отнюдь не всегда мог идентифицироваться с имперскими и пангерманскими устремлениями. Примером этого мог как раз служить Адальберт Бауман, который не просто входил в антипрусскую группировку, но выступал за самостоятельное объединение Баварии с Австрией. Впрочем, его политическая деятельность раннего периода для нас не представляет особого интереса.

Куда более привлекательной с научной точки зрения кажется предпринятая Бауманом в разгар Первой мировой войны попытка создания искусственного языка. На выходе получилось нечто напоминавшее семейство высокоуровневых языков программирования. Свое детище Бауман назвал «Веде». «Веде» не был полностью искусственным, то есть

выдуманным на 100 % языком. Правильнее было бы вести речь о сконструированном диалекте. Бауман взял за основу средневековый говоры Южной Германии, однако повел его не по пути усложнения, как произошло в исторической реальности, а по пути фонетического упрощения. В 20-е годы этот новатор от лингвистики создал новый проект «Ойропа-пич», или Опи, как он его называл. Новый искусственный язык предназначался для общеевропейского использования.

В 1933 году Бауман попытался донести свои идеи дл Гитлера и Геббельса. Однако его обращение приводит к совершенно обратному результату, нежели он ожидал. На Баумана начались гонения. Очевидно, что баварский министр-президент Ганс Шемм считал всех баварских сепаратистов личными врагами и относил к числу таковых Адальберта Баумана. Поскольку кроме всего прочего Шемм еще являлся главой Национал-социалистического союза учителей, то он сделал всё возможное, чтобы перед Бауманом оказались закрыты двери всех школ. Экспериментатора от лингвистики сначала увольняют из гимназии, а затем исключают из национал-социалистической партии. Неизвестно, как бы далее сложилась судьба А.Баумана, однако в 1935 году Ганс Шемм погиб в автокатастрофе, после чего лингвоноватор оказался предоставлен сам себе: его идеями не особо интересовались, но с другой стороны и не подвергали преследованию.

Казалось бы, идеи Баумана не оказали никакого влияния на складывание «новой Европы», равно как и не нашли своего воплощения в сфере практической политики. Однако именно Бауман одним из первых предложил создать Имперское управление немецкого языка. В своем письме, адресованном вождям Третьего рейха, он писал: «Имперское управление немецкого языка должно заботиться о немецком языке и содействовать его активному распространению (в облегченном виде) по территории всей Европы». Появление подобного учреждение в 1933 году могло быть воспринято как актуальная политическая задача. Хотя этого и не произошло. Позже подобная идея стала активно предлагаться «Немецкой Академией» (во главе которой тогда находился создатель геополитики, профессор Карл Хаусхофер). Создание Имперского управления немецкого языка было запланировано на 1935 год, что было приурочено к полувековому юбилею «Немецкого языкового союза». Однако на практике управление немецкого языка было создано только лишь в 1941 году и не со статусом «имперского», а лишь как подразделение «Немецкой Академии». Отчасти это можно было считать заслугой Баумана. Хотя внутри этого учреждения никто не думал о

реформировании немецкого языка и общеевропейском распространении германоцентричных форм искусственных наречий и диалектов. Подобные идеи были извлечены на свет лишь в самые последние годы Второй мировой войны, когда Третий рейх тщетно пытался сохранить свою континентальную гегемонию. Впрочем, поддержи эту идею Гитлер и Геббельс в 1933 году, она едва ли могла принести богатые плоды, так как у Германии явно не хватало кадров для ее реализации.

В нашем же случае весьма интересным кажется то, что Бауман не просто предлагал нацистским бонзам реформировать немецкий язык (дабы создать общеевропейское наречие), но и стал пионером «Европейского экономического союза». В обращении, адресованном правительствам европейских стран, он говорил: «Когда будет постигнуто, что высшей целью является самостоятельная экономическая консолидация Европы, то любое дальновидное правительство, невзирая на мнимую бесперспективность этой затеи, должно видеть свою главную задачу в повсеместном содействии именно подобному европейскому развитию. Принимая в расчет трещины, которые через политические образования пролегли по телу Европы, путь для достижения этой конечной цели может быть подготовлен и проложен только лишь в сфере, не связанной с политикой. Даже сейчас мы должны проявить железную волю, чтобы наладить контакт между европейскими народами и преодолеть внутреннюю изоляцию Европы, расколотую наличием полусотни языков, используемых для межнационального общения».

В качестве первых практических шагов в этом направлении Бауман предлагал:

«1. Появление европейского торгового языка и языка финансовых сношений, которые будут существовать параллельно с остающимися неприкосновенными национальными языками, которые должны почитаться как народные святыни;

2. стимулирование живого общения посредством внедрения посреднических языков (языков-мостов) с целью взаимопонимания, обмена кадрами, увеличения потока туристов и т. д.»

По мнению Баумана, это должны были быть первые шаги национал-социалистического правительства, которые бы «позволили вывести Европу в целом из кризиса».

С началом Второй мировой войны проблемы языковой политики в рамках «реорганизации европейского пространства» стали приобретать стратегическое значение. Собственно, и сама «европейская идея» стала новым лозунгом нацистского рейха. Соответственно возросла роль

специалистов в области лингвистики и языкознания. Весьма показательно, что ведущих германистов рейха пригласили на учредительное собрание специального отдела, который был в 1940 году создан при Имперском министерстве науки. Отдел носил в высшей мере показательное название «Военное использование гуманитарных наук».

В докладе, посвященном «научному использованию германистов в условиях войны», говорилось следующее: «Современная война – в массе своей не только военное, но и духовно-культурное противостояние, в котором решается внутренний уклад грядущей Европы. Поэтому в сей решающий исторический час немецкие гуманитарные науки должны перспективно оценить духовно-политическое положение, уточнить детали и подготовить культурно-политические идеи, на которых в будущем сможет базироваться новая Европа. Практическое использование естественных наук возможно в самых различных сферах. Однако наряду с этим перед гуманитарными науками в условиях решительного сражения за немецкое и европейское будущее поставлена особая задача. В то время как эти науки решительно привлекают всех немцев на духовный фронт, они же ведут борьбу за оправдание собственного существования и обоснование новых заданий… Но не требуется особого обоснования задач в рамках критического анализа форм западноевропейской цивилизации, ее отношения к немецкой культурной идее. Германистика не может пройти мимо этой сферы деятельности, так как в ней она должна занимать ключевую позицию. На основании доверенного ей немецкого языка и немецкой поэзии она должна разработать и донести постижимую суть немца. Конечно, это нельзя сделать в форме четких дефиниций, как в свое время это любили делать французы. Однако это должно быть ясным и определенным, чего нам недоставало до сих пор. Мы должны увидеть собственную суть, которую мы можем противопоставить всему остальному, чуждому нам миру, который только и норовит, чтобы оболгать немцев. Уже из самой целевой установки следует, что речь идет не о сиюминутной, обусловленной моментом и ходом войны пропагандистской работе. Речь идет о поиске постоянных и действительных ценностей, которые обретут свою истинную силу как раз после окончания войны, когда на культурной повестке дня окажутся новые вопросы. Из намеченных весьма бегло целевых установок можно заключить, что будет вестись разработка культурного и политического облика национал-социализма… Эта деятельность должна быть планомерной, доступной и безупречной с методической точки зрения. Она должна быть строго научной, оформленной в строгом соответствии с требованиями науки,

снабжена научным аппаратом. Это не должна быть какая-то новая форма справочника или перегруппировка имеющегося материала. Основной вопрос, который сейчас поставлен перед германистикой: что в наше время есть «немецкое», что отличает наш вид? Естественной предпосылкой ответа на этот вопрос является обладание исключительным научным материалом».

Однако германизированная «европейская идея» не всегда воспринималась руководством Третьего рейха как исключительно успешная. В качестве примера можно привести работы Лео Вайсгербера, ученого, принимавшего участие сразу в трех проектах отдела «Военное использование гуманитарных наук». В подготовленном в 1941 году докладе он писал: «Если говорить о действиях, относящихся к родному языку, то можно говорить о четырех пиковых взлетах. Эти апогеи в некоторой мере охарактеризованы обозначением языка. Сначала появился немецкий язык, затем родная речь, а затем можно говорить о древнейших господствующей речи и языке героев»

Нечто аналогичное высказывал Георг Шмидт-Рор, разработкам которого мы посвятим отдельную главу. Пока же отметим, что Шмидт-Рор планировал не просто содействовать распространению немецкого языка (чем собственно и по сегодняшний день занимается великое множество организаций), а провоцировать разложение прочих языков Европы. Еще задолго до прихода к власти нацистов он ставил перед собой своеобразные задачи. Например, «лингвополитическая фрагментация Российской империи»; «создание особых литературных языков» для Украины и Прибалтики, что в перспективе должно было затруднить общение с носителями русского языка; «разложение языкового сознания» у противников Германии; «создание особых немецких диалектов», что должно содействовать уничтожению национального самосознания рада европейских народов.

Забегая вперед, надо отметить, что в некоторых случаях языковая политика на оккупированных территориях была в высшей мере жесткой. Если в годы Веймарской республики требования «Немецкого языкового союза» были в высшей мере умеренными, то с началом войны оказались востребованными совершенно иные запросы. В правление союза входили не только Шмидт-Рор и Вайсгербер, но и Эдуард Энгель. Этот специалист по лексикографии способствовал осуществлению на территории оккупированного в 1940 году Эльзаса политики «деваллонизации». Поначалу планировалось устранить из бытового и официального общения любые французские слова, рассматривавшиеся в качестве «инородных

тел». Затем меры воздействия стали более радикальными. Население Эльзаса должно был сжечь все книги на французском языке, для чего в 1941 году был организован особый ритуал, проведенный во время праздника летнего солнцестояния. Если же кто-то после этого рискнул заговорить по-французски или же был замечен с французской книгой в руках, то тут же направлялся в концентрационный лагерь, расположенный близ Ширмека.

Есть документы, письма и высказывания, которые во многих случаях пытаются обходить стороной. Так, например, произошло с т. н. «европейской речью» Гитлера. Она фактически не упоминается не только в связи с разработкой планов «Европейского союза», но и в связи с внешней политикой Третьего рейха в целом. Причина этого, скорее всего, кроется в том, что данная речь в основных своих моментах не совсем совпадала с представлениями Гитлера о политике, которые он в свое время изложил в «Майн кампф». Но при этом «европейская речь» Гитлера была в свое время напечатана, и содержится в справочных материалах. Но при этом в индексах, которые как бы определяют ее суть и содержание основных положений нигде не значится слово «Европа». При этом всём указанная речь является ярчайшим документом, свидетельствующем о предстоящем крушении Третьего рейха.

По большому счету «европейская программа» Гитлера в годы войны началась не с нуля. Наброски к ней был озвучены в 1936 году, когда немецкие войска вошли в Рейнскую демилитаризованную зону. В те дни многие политики заговорили о создании «Системы обеспечения мира в Европе». Больше всего по этому вопросу дискутировали во Франции, которая могла предпринять ответные шаги в отношении Германии. Гитлер прекрасно понимал, что в данном случае положение Германии будет в высшей мере сложным – состояние вооруженных сил не позволяло участвовать в заметных военных конфликтах, так как программа перевооружения только-только начиналась. Соответственно Гитлеру во что бы то ни стало требовалось предотвратить складывание «общеевропейской системы безопасности», сделать это можно было лишь перехватив инициативу. В этой ситуации он сделал ряд заявлений, которые в долгосрочной перспективе носили лишь тактический характер.

1. Имперское правительство Германии объявляет о своей готовности вступить в переговоры с Францией и Бельгией по вопросу создания обоюдной демилитаризованной зоны

2. Имперское правительство Германии предлагает заключить сроком на 25 лет пакт о ненападении между Германией, Францией и Бельгией, что

должно стать гарантией неприкосновенности границ на Западе

3. Имперское правительство Германии приглашает Англию и Италию подписать данный договор в качестве гарантийных держав.

4. Имперское правительство Германии согласится, если [королевское] правительство Нидерландов пожалеет присоединиться к этому договору.

5. Имперское правительство Германии готово к последующему расширению этой системы безопасности, основанной на договорах между западными державами, и предлагает заключить «воздушный пакт», который направлен на предотвращение угрозы внезапных налетов.

6. Немецкое имперское правительство предлагает заключить аналогичные пакты о ненападении на Востоке со всеми государствами, которые подобно Польше граничат с Германией.

7. После достижения Германией итогового равноправия и восстановления полного суверенитета над всей немецкой имперской областью Имперское правительство Германии полагает устраненной основную причину выхода Германии из «Лиги наций». По этой причине она вновь готова вступить в «Лигу наций».

Речь же, произнесенная Гитлером, в 1941 году в большей степени была реакцией на вступление США в войну в составе антигитлеровской коалиции. Сам факт произнесения этой речи говорил о том, что Гитлер все-таки понимал (хотя может быть и не совсем отчетливо и до конца), что оккупированной рейхом Европой едва ли удалось долгое время управлять, исходя лишь из понятий о «германском превосходстве». Рейх впервые, хотя и не самым отчетливым образом, продемонстрировал потребность в поддержке народов оккупированных им же стран. Оккупационные власти, равно как и власти рейха нуждались в привлечении на свою сторону интеллектуалов. Применялась пропагандистская комбинация – американизации и большевизация угрожали европейской самобытности, на защите которой якобы стоял Третий рейх. В разных вариациях эта пропагандистская уловка использовалась вплоть до 1945 года. В своей речи, адресованной в 1942 году рейхстагу, Гитлер заявлял: «Подобно тому, как когда-то греки сражались против персов отнюдь не за Грецию, римляне против карфагенян – не за Рим, римляне и германцы против гуннов – отнюдь не за Запад, германские императоры против монголов – отнюдь не за Германию, испанские герои против африканцев – не за Испанию. Они защищали Европу в целом. Подобным образом Германия сейчас сражается не за саму себя, а за весь наш континент… Если бы Италия, Испания, Хорватия не послали бы свои дивизии, тогда бы не смог возникнуть европейский оборонительный фронт, который обладает немалой силой

воздействия на прочие народы, рассказывая им о Новой Европе. Услышав этот пророческий призыв, прибывают добровольцы из Северной и Западной Европы: норвежцы, датчане, голландцы, фламандцы, бельгийцы и даже французы. Они превращают борьбу союзных оси держав в буквальном смысле слов общеевропейский крестовый поход».

Сразу же надо оговориться – подобного рода риторика вовсе не означала, что Гитлер решил отказаться от присущего ему германоцентризма. В кругу своих приближенных он говорил совершенно иное, нередко прямо противоположное тому, что преподносилось публике. Однако едва ли кто-то из «простых смертных» мог поставить под сомнение слова Гитлера, которые были произнесены с высокой трибуны рейхстага. Слова о «Новой Европе» и «общеевропейском крестовом походе» были восприняты весьма серьезно. В окружении Розенберга и вовсе царило своего рода ликование. Приближенный к главному нацистскому идеологу представитель крупного капитала и специалист в области экономической теории Вернер Дайц со всей откровенностью заговорил о «Европе равноправных стран». Он полагал, что нацистское руководство сменило курс, а потому можно было вновь вернуться к идеям, которые разрабатывались многие годы назад. Впрочем, сам Альфред Розенберг хотя и поддерживал Дайца, но вовсе не разделял его оптимизма.

Генрих Гиммлер, глава СС, был, наверное, самыми изворотливым политиком Третьего рейха. Он постепенно поднимался к вершине власти, превратив вспомогательное подразделение нацистской партии сначала в могущественную организацию, а затем в форменное «государство в государстве». Но даже он не сразу же оценил политические возможности, которые давала «европейская идея». Первые попытки оказать влияние на языковую политику с точки зрения «унификации» европейского пространства были предприняты Гиммлером сразу же после начала Второй мировой войны. Именно тогда подконтрольные ему исследователи попытались доказать «еврейское происхождение» традиционного для Германии готического шрифта. Именно с подачи рейхсфюрера СС Гитлер решил отказаться от официального использования готического шрифта, заменив его обыкновенными засечными литерами. На самом деле этническое происхождение готического шрифта было использовано в качестве повода для унификации печатной и полиграфической деятельности на европейском пространстве – в данном случае отказ от причудливых литер способствовал единообразию пропаганды на оккупированных территориях.

Если же говорить о конкретной выгоде от использования

«европейской идеи», то ее перспективы оценили в СД, эсэсовской службе безопасности, которая одновременно выполняла функции разведки и контрразведки. Именно сотрудники СД совместно со специалистами «Общества документации» занялись составлением библиографии по «европейской проблеме». Этот проект курировал начальник VII управления РСХА Альфред Зикс, который кроме всего был посланником 1-го класса в составе Имперского министерства иностранных дел. Этот высокопоставленный эсэсовский офицер (с 1945 года бригаденфюрер СС) был по своей сути академическим исследователем. Не случайно в РСХА он отвечал за изучение вопросов мировоззрения, а в МИДе возглавлял культурно-политический отдел. Кроме всего прочего Альфред Зикс был деканом Зарубежного факультета при университете Фридриха-Вильгельма (Берлин). Сплотив вокруг себя молодых и амбициозных интеллектуалов, он должен был создать гибрид из «имперской идеи», «европейской идеи» и «идеи о немецкой самобытности». Именно Альфред Зикс предложил пересмотреть содержание традиционного для Германии понятия «рейх». В 1943 году он написал: «Понятие «империя» должно забыть забронировано за объединенной Империей всех германских племен и народов. В отношении Германии должен употребляться термин «Немецкий рейх».

В своей деятельности Альфред Зикс нередко сотрудничал со специалистами эсэсовского исследовательского общества «Наследие предков» (Аненербе). Научный куратор «Наследие предков» профессор Вальтер Вюст уделял много внимания формированию обобщенных принципов индоевропейской культуры. Тем вдвойне удивительно, что Аненербе занялось изучением «европейской идеи» достаточно поздно – когда исследовательской общество в статусе управления «А» было интегрировано в состав персонального штаба рейхсфюрера СС. Весьма показательно, что на проходившем 9 января 1944 года в Зальцбурге заседании специального отдела «Наследия предков», который назвался «Германское научное действие», организационный руководитель Аненербе штандартенфюрер СС Вольфрам Зиверс отметил: «Сегодня мы слишком много говорим о Европе, и почти не обсуждаем германскую идею». Некоторые из исследователей полагают, что отстраненность руководства «Наследия предков» от разработки «европейской идеи» была вызвана в значительной мере субъективными факторами. В любом случае у «Наследия предков» были собственные инструменты для формирования видения «Новой Европы». В частности, это был упоминавшийся выше отдел «Германское научное действие», начальник которого Ганс Шнайдер почти постоянно контачил с Александром Долецалеком. Именно

Долецалек убедил Шнайдера в исключительной важности «европейского вопроса». Об этом говорит подготовленный Шнайдером в марте 1945 года документ. В нем в частности говорилось: «Народное руководство требует очевидных научных документов и описаний, которые бы позволили взглянуть на европейскую действительность, определяющие ее силы. В первую очередь из всего этого хочется выделить несколько тематических групп:

1. Расовая идея в немецком народном укладе и новом европейском порядке. К этому блоку также относятся вопросы: проблематика и значение немецкой расовой мысли, ее воздействие на дискуссии относительно преобразования этой части света. Требуются разъяснения и научный расовый лексикон. Нужно осветить вопрос относительно соотношения народа и расы. Как правящие слои Европы в действительности прореагировали на немецкую расовую идею?

2. Понятие и действительность европейского жизненного пространства. Немецкие воззрения в идеях и политике. Интеллектуальные и политические проявления у прочих европейских народов (в особенности во Франции, Италии и Англии). Фактическое воздействие немецких представлений о порядке на европейские народы и правящие слои.

3. Духовное положение в европейских странах. Действительно важные для правящих слоев европейских народов идеологические образы о сути, структуре и перспективах политического мировосприятия.

4. Суть, участие и фактическое значение германского влияния на формирование европейского содружества народов. В чем проявляется германское влияние? Идет ли речь только лишь об историческом моменте или же конкретной силе воздействия на бытие и сознание европейских народов? Как можно безупречно с научной точки зрения передать суть этого влияния? Основные германские ценности (например, верность, честь, свобода и т. д.) в сознании и жизнедеятельности немецкого народа и других европейских народов. Насколько эти ценности постижимы в настоящий момент?

5. Немецкие организационные устремления и ошибки, допущенные на оккупированных территориях (особо отметить доклад хауптштурмфюрера СС профессора Франца).

6. Особое отношение Европы по отношению к Азии и Америке».

Дальнейшая судьба этого теоретика «Европейского союза» из состава СС весьма показательна и во многом походит на участь Александра Долецалека, также занимавшегося разработкой «европейской идеи». В мае 1945 года Шнайдер имитировал собственную гибель и даже выправил на

это соответствующее свидетельство о смерти. Себе же он добыл поддельные документы на имя Ганса Шверте. Скорее всего, не без участия западных спецслужб он перебрался в английскую зону оккупации. Там он вполне свободно вновь сочетался браком со своей же собственной женой, после чего стал вести не особо скрытную жизнь. «Ганс Шверте» заново написал диссертацию и получил ученую степень, после чего сначала возглавил кафедру германистики в университете Аахена. Шнайдер (Шверте) был настолько уверен в собственной безнаказанности, что даже решился занять должность ректора местного политехнического института. Конечно же, подобное поведение было предопределено не столько безрассудностью или отважностью, сколько гарантиями, полученными от западных держав. Подобно Долецалеку Шнайдер с начала 50-х годов принимал активное участие в разработке мер практической реализации «европейской идеи», что в итоге вылилось в процесс евроинтеграции и создание Европейского союза в том виде, как мы его знаем. К этому проекту был привлечен и еще один эсэсовский офицер. Речь шла о начальнике отдела культуры в составе СД, штандартенфюрере СС Вильгельме Шпенглере. Совместными усилиями Шпенглер и Шнайдер (Шверт) издали целую серию книг, посвященных проблемам складывания единого европейского пространства. Во многих случаях речь шла о слегка измененных наработках, которые были сделаны в годы национал-социалистической диктатуры. В любом случае издательство «Шталлинг» считалось одним из идейных центров современной евроинтеграции, равно как и образовательные проекты, которые курировались другим офицером СС – Александром Долецалеком.

Глава 13. Прототип Пан-Европы: от империи Наполеона к рейху Гитлера

4 марта 1944 года в одном из парижских отелей состоялась закрытая конференция, на которую был приглашен специальный гость из Германии. Им был Вернер Дайц, к тому времени уже приобретший славу ведущего специалиста в области предполагаемой евроинтеграции. На этом мероприятии Дайтц выступил с докладом, который назвался «Континентальная политика Наполеона как предтеча европейской политики рейха». Тема для обсуждения была выбрана отнюдь не случайно. Французские коллаборационисты и некоторые из представителей властных структур Третьего рейха полагали, что складывание единого европейского пространства было неизбежной предпосылкой для устранения давнишнего соперничества между Францией и Германией. Доклад Дайца произвел большой впечатление на сторонников режима Виши. По этой причине его тексты был воспроизведены в апрельском выпуске журнала «Сотрудничество» («Collaboration»).

Выступавший перед французами Вернер Дайц попытался представить в своем докладе историческое обоснование принципов автаркии, которые он полагал необходимыми для складывания «единого европейского экономического пространства». Он исходил из того, что любой отказ от сохранения естественного жизненного пространства приводил к неизбежному вырождению народов, которые как бы лишались своей природной жизненной основы. Ситуация изменилась в XVI веке, когда началась «эпоха великих географических открытий», что привело к кардинальному изменению мироустройства всех человеческих рас. По мнению Дайца, подобный перекрой жизненного уклада привел к тому, что возникло два крупных пространства, которые стали активно использоваться еврейским капиталом. На западе это было англо-американское пространство (США и Северная Америка), на Востоке – евроазиатское пространство (Россия). В западной сфере естественному развитию, по мнению докладчика, препятствовала политика, проводимая Британией. Вернер Дайц провозгласил Наполеона первым государственным деятелем, предпринявшим попытку «возвратить Европе её политическую и хозяйственную независимость». При этом отметалось, что Наполеон использовал недостаточный набор средств для достижения

этой цели. Но с другой стороны именно Наполеон предпринял попытку с одной стороны организовать континентальную блокаду Англии, с другой стороны всячески содействовал складыванию «союза европейских государств». «Эта великая политическая идея, конечно, базировалась, лишь на понятии государства как такового и факте признания отдельных государств, но отнюдь не на биологической сути народов, их основавших. Он [Наполеон] хотел пожертвовать суверенным правом народов во имя суверенитета династического государства». Дайц отмечал, что Наполеон был одержим «империалистической концепцией пространства», которая вызывала инстинктивное неприятие у многих европейских народов. «Он не планировал создавать истинное европейское жизненное пространство, а лишь предполагал господствовать над просторами европейского континента».

Вернер Дайц полагал гигантской ошибкой Наполеона не то, что он начала войну против России, а то, что начал войну, не заручившись политической поддержкой в некоторых российских кругах (говоря нынешним языком, не сформировал «пятую колонну»). Вернер Дайц не решался проводить очевидные параллели между Наполеоном и Гитлером («едва ли можно сравнивать континентальную политику Наполеона и европейскую политику фюрера»), но тем не менее провозглашал французского императора и полководца «предшественником и пророком современного возрождения нашей части света». По мнению Дайца, именно Наполеон сделал первый шаг к тому, чтобы начать формировать «европейскую идею». Дайц заявлял: «Франция Наполеона и Германия Адольфа Гитлера сделали своей судьбой европейскую политику. Германия в союзе с Францией должна закончить начатое Наполеоном творение. И только от Франции зависит – готова ли она к этому. Наполеоновская политика была детской болезнью во время великого процесса европейского воссоздания».

Согласно воззрениям Дайца, в годы Первой мировой войны подобное начинание предпринял генерал Людендорф, однако «подобно Наполеону он остановился на половине пути». Как видим, агрессия и порабощение России рассматривалось теоретиками «европейской идеи» едва ли не как естественная предпосылка к складыванию «единого европейского жизненного пространства». Вернер Дайц даже не скрывал этого. Говоря о генерале Людендорфе, он подчеркивал: «При всем том он не допустил тяжелейший ошибки Наполеона и выступил против России с использованием мощнейших политических средств. Он запустил в Россию Ленина и Троцкого, что ускорило ее крушение». Дайц ни в коей мере не

был готов признать большевизм инструментом германской политики, а потому сразу же сделал необходимую оговорку: «Планы Людендорфа своевременно задушить набиравший силу большевизм потерпели неудачу, к тому же сам полководец пережил провал, поскольку против Германии была организована в высшей мере эффективная англо-американская блокада. Одержавший победу большевизм помещал включению Восточной Европы в семью европейских народов».

Не имея возможности открыто сравнивать Гитлера и Наполеона, Дайц заявил, мол, фюрер избегает ошибок его предшественников. Весьма показательно, что если в вопросе «предотвращения англо-американской угрозы» Дайц сосредоточился исключительно на хозяйственно-экономических вопросах, то обсуждая «проблему восточных территорий», нашел логичным, ее «военно-политическое решение». «Русское пространство со времени революции оказывает влияние в силу своего аграрного уклада, равно как в силу восстановления частной собственности, что позволяет им [большевикам] проводить мобилизацию в рядах народных и национальных сил. Они все еще пытаются встать во главе этих революционных народных сил. Но они потерпят неудачи в силу изменившегося положения вещей». Поскольку указанное выступление Вернер Дайц делал весной 1944 года, то положение Германии на фронтах еще не было полностью катастрофическим. Это объясняет пассажи про то, что «на Востоке видят, как победоносно шествует идея фюрера». По этой причине заявления о «создании Новой Европы с правом каждого народа реализовать его национальный характер в рамках семьи европейских народов» выглядят как откровенная геополитическая спекуляция, нежели печальный анекдот.

В любом случае Вернер Дайц отдавал себе отчет в том, что для победы на Востоке было срочно необходимо спровоцировать распад СССР. «Подобно ученику чародея из произведений Гётё Сталин также станет духом, к которым он взывал, и не сможет высвободиться. В то же самое время неорганично сформированное пространство Восточной Европы и Центральной Азии начнет распадаться, после чего погребет само себя».

Весьма примечательным является прогноз относительно США. Дайц предполагал, что Америка также претерпит существенную трансформацию. Он заявлял: «Ход войны также вынудит Рузвельта ввести в Америке всё то, что он ранее преодолевал и характеризовал как „нацизм“. Впредь Америка будет себя вести как Велико-Европа и Велико-Азия – в собственном пространстве и собственными силами будут поощряться антиимпериалистические устремления. Вследствие этого будет

восстановлено прошлое [геополитическое] состояние, присущее для 1500 года». Дайц полагал, что противники Третьего рейха будут активно использовать идеи национал-социализма. Следующая цитата достаточно наглядно указывает на то, что этот идейный вдохновитель «Европейского союза» не совсем точно представлял, что на самом деле представлял собой национал-социализм и как в 1944 году нацизм воспринимался другими народами. «В любом случае Сталин со своей стороны попытается произвести региональную перепланировку Восточной Европы, с одной стороны прибегнув к национал-социалистической идее права народов на свободное национальное развитие, с другой стороны выступая против национал-социализма, породившего эту идею. Аналогичным образом Рузвельт попытается нанести удар по Европе, будучи вынужден взять на вооружение экономические идеи национал-социализма. Однако в силу вступят естественные законы, и они оба с необратимой неизбежностью потерпят крах, погребные под грузом внутренних противоречий».

Проводя связь между империей Наполеона и рейхом Гитлера, Вернер Дайц в характерной для многих нацистских пропагандистов спекулятивной манере говорил о трех основных принципах, которые будут положены в основу «семьи европейских народов». В высшей мере показательно, что все те же самые слова до сих пор используются брюссельскими чиновниками ЕС. Каковы же были эти мнимые принципы:

• сохранение национальной чести всех народов;

• право и обязанность европейских народов осуществлять взаимосохранение политических, экономических и культурных привилегий;

• право и обязанность защищать их общеевропейское жизненное пространство.

Предполагалось, что после выступления в Париже Вернер Дайц выпустит книгу «Возрождение Европы посредством евросоциализма. Европейская хартия». Если же говорить о самом докладе, то, по мнению очевидцев, отношение к нему со стороны французов было в высшей мере неоднозначным. Хотя, вне всякого сомнения, этот был явный реверанс в сторону французских коллаборационистов. Многих смутили прогнозы, которые касались Сталина и Рузвельта, так как подобного рода высказывания отличались от клише, использовавшихся нацистской пропагандой. Присутствовавший на чтении доклада специальный уполномоченный ведомства Розенберга Бернхард Пайр отмечал: «Оптимизм в данных вопросах весьма допустим. Я полагаю, что нет ничего опасного в работе с формулировками, которые всего лишь являются

выражением хорошо просчитанной теории и их не надо буквально на завтрашний день приводить в соответствие с действительностью».

Несмотря на то, что Вернер Дайц может считаться одним из центральных разработчиков идеи «европейского союза», все-таки его отдельные тезисы могли бы показаться «фантазиями на тему», если бы они не дублировались в документах других ведомств. Это в полной мере справедливо в отношении идеологической конструкции: «континентальная политика Наполеона – предшественница европейской политики Гитлера». Эти построением пользовались не только в ведомстве Розенберга, к которому собственно и принадлежал Вернер Дайц, но и в отдельных подразделениях СС. И это не может быть случайным совпадением. Среди архивных документов, хранящихся в Федеральном архиве ФРГ, можно найти текст неизданного учебника, написанного сотрудниками СС. На обложке в качестве автора значится имя никому не известного доктора Людмана. Однако проведенная текстологическая экспертиза позволила предположить, что действительным автором первого учебного пособия по истории «европейского союза» был начальник учебного отдела главного управления СС штандартенфюрер Карл Дамбах. В рамках же этого раздела нас в первую очередь интересует восприятие фигуры Наполеона и то, насколько его соотносили с Гитлером.

Карл Дамбах исходил из того, что рождение Европы как такой произошло еще во времена эллинизма. «Для европейца греческая культура в ее сути, в духе свободно личности жива до сих пор». Римская империя трактовалась как первая попытка объединения Европы на государственном уровне. Полученный импульс прошел сквозь века и был воспринят Наполеоном. Священная Римская империя Германских народов в Средние века стала «центром христианского Запада». Затем Европа была едина в идеях Возрождения и Просвещения, которые в своеобразной манере были восприняты Бонапартом, который во имя сохранения «континентального равновесия сил» предпринял насильственную попытку объединения Европы.

В попытке обосновать стремление к объединению Европы, которое можно было наблюдать на протяжении веков, авторы учебника из состава главного управления СС, заявляли: «Народная идея, идея национального государства и непрерывная борьба за Все-Европу: все это – традиционные исторические силы, но и в то же время жизненные устремления, которые всегда были актуальными для Европы. Однако никто не будет отрицать, что их действенность кроется не как в абстрактных идеях, застывших формах, одряхлевших сокровищах нашего духа, а как раз в как силе,

которая формирует нашу жизни и нашу судьбу, в высоком понимании этого слова. Если бы Европа отрицала это, то она сделала бы это сама за себя».

В попытке обосновать континентальные притязания Наполеона была выстроена достаточно сложная историческая схема. В частности говорилось: «В настоящий момент наследие Греции – это преимущественно наследие ее духа. Политическое объединение не было осуществлено самим греками, хотя устремление к этому как истинная историческая сила у них, несомненно, присутствовала. Кровью и железом Великий Александр Македонский сплотил эллинов как один народ, чтобы по его командованием начать войну. Однако в качестве конечной цели ему виделась мировая империя… Это не было господство Европы над Азией, а объединение обоих частей света под общим покровом мировой культуры, порожденной греческим духом. Мы знаем, что эта мировая империя рухнула сразу же после ранней смерти ее нечеловечески великого создателя. Также мы знаем, что пришедшая с Востока идея мировой империи вновь и вновь воспламеняла душу людей европейской крови. Не только Цезарь, но и Наполеон мечтали пройти по следам Александр Великого в Индию».

Приводилось также обоснование идейно-мировоззренческих предпосылок, которые как бы спровоцировали «континентальную политику Наполеона». В XVIII веке в европейской среде возобладали рационалистические воззрения, что было одним из проявлений эпохи Просвещения. «Однако рационализм как учение принес политическую выгоду только лишь Англии, где собственно эта идея была рождена, разработана и стала последовательно применяться в интересах Великобритании». На самом же деле рационалистический принцип «равновесия», проповедуемый Англией, был направлен против Франции, которая стремилась к гегемонии в Европе. Это противостояние достигло своего апогея в начале XIX века, то есть во время наполеоновских войн. В этом противостоянии авторы учебника явно выступали против британского рационализма: «Сегодня мы понимаем, столь же явно и отчетливо, как и политики Великобритании 150 лет назад, что идея равновесия была всего лишь инструментом, использовавшимся мировой державой, для обеспечения контроля над Европой». Более того, гегемония наполеоновской Франции преподносилась едва ли не как положительное явление, в первую очередь для Германии. «Немецкие романтики Шлегель и Тик подарили Германии не только английского Шекспира, испанских Кальдерона и Сервантеса, итальянского Данте. Они и родственные им по

духу деятели во время наполеоновской гегемонии сделали Германию интеллектуальным средоточием европейских народов». Опять же Наполеон выступал как невольный инициатор пробуждения немецкого национального сознания, когда широкие общественные круги выступили против иностранного владычества.

Как бы то ни было, но специалисты из главного управления СС в своем учебном пособии провозглашали Наполеона Бонапарта «символом европейской судьбы». Он изображался ими как заложник борьбы между созидательными и разрушительными политическими силами. «В его воистину титанически великой фигуре сжато отразилась, захватив даже наши дни, вся трагичная судьба Европы. Именно сегодня Наполеон должен быть осознан нами как предостерегающий Европу символ. Только сегодня и только с общеевропейской точки зрения можно в целом оценить его политические мотивы, его политические заслуги и его политическое наследие. Когда Освальда Шпенглер в своем «Упадке Запада»[2] узрел в Наполеоне новое явление Цезаря, который через создание новой империи должен был предотвратить крушение Европы как культурного пространства, то он, вне всякого сомнения, имел для этого веские историко-философские основания». Сразу же надо говориться, что сам Шпенглер весьма скептично относился к тому, что национал-социалисты извратили его историко-философские построения, подогнав их под собственные партийные нужды.

Эсэсовские теоретики находились буквально в паре шагов от того, чтобы провозгласить Наполеона Бонапарта «пророком и передовым бойцом за Новую Европу». С каким-то садистическим удовольствием авторы учебного пособия констатировали, что «миллионы погибших европейцев, павших на полях сражений наполеоновских войн, были жертвами, принесенным на алтарь Европы». Впрочем, словно спохватившись, те же самые специалисты из главного управления СС оговаривались: «Однако в то же самое время мы должны признать горькую правду – та жертва не восстановила единство Европы». То есть они исходили из лицемерного принципа, что «цель оправдывает средства», и если бы в 1812 году Россия была побеждена, то тогда гибель миллионов людей не была бы напрасной. В данном случае полагалось, что Наполеон всего лишь «возродил» наследие Римской империи отнюдь не во имя Европы, и во имя обеспечения собственного господства посредством Европы. «Наполеон был империалистом, первым великим империалистом в истории современной Европы». И далее: «Сын революции 1789 года он отрицал лозунг о свободе, но признавал только равенство подданных перед

императорскими законами. Он не был в состоянии придать значение идеям и передать их войсками, которые простирались вплоть до России. Он не был в состоянии понять традиции властей старой Европы и их логику. Он не отказался от цезаризма в пользу тотального государства». В данном случае Наполеон осуждался не за его захватнические войны, а как раз за непоследовательность в ведении этих войн, за отказ подкрепить военные действия политическими маневрами. Несмотря на все это эсэсовские идеологи явно намеревались превратить Наполеона в своеобразного предтечу Гитлера. «Мы не можем забывать о роковых ошибках и их огромном значении для развития всего континента в целом. Последствия, которые случились против его [Наполеона] собственного намерения. В первую очередь поднятый силой из недр Германии народный дух, который проложил путь «малогерманскому» объединению, осуществленному Бисмарком. Последствия, которые оказались направленными против его же собственных планов, не привели к устранению германской раздробленности».

Поскольку текст учебника был подготовлен в 1945 году, то его авторы не имели возможности игнорировать фактическое положение Германии на фронтах. Только этим можно объяснить заявления о том, что, даже проиграв русской армии, Наполеон в итоге все-таки «одержал победу» над Россией. Мол, в итоге Российская империя впала в вековой кризис, который закончился ее крушением в 1917 году. В данном случае авторы эсэсовского учебника как-то забыли сообщить о том, что в 1918 году рухнула кайзеровская империя, которая как раз являлась порождением Бисмарка, в свою очередь провозглашаемого едва ли не невольным учеником Наполеона.

Глава 14. Как оживают трупы

Когда подобные факты становятся достоянием общественности, то журналисты обычно начинают опрашивать коллег и соседей, те же в свою очередь охают и испуганно лопочут: «Кто бы мог подумать, а ведь он нам казался таким приличным человеком». Действительно Ганс Шверте словно был самой респектабельностью и символом немецких приличий. Профессор германистики, с апреля 1965 года работавший в Аахенском политехническом институте. С того же времени был служащим в бюрократическом аппарате земли Северный Рейн – Вестфалия. Три года был ректором института, который по его же собственному признанию «стал ему вторым домом». В начале 1974 года Шверте стал министром науки в земле Северный Рейн-Вестфалия, отвечая в том числе за научные контакты с представителями королевств Нидерланды и Бельгия. В 1978 году Ганс Шверте вышел на пенсию. Это был почти безупречный представитель германской науки – его сделали почтенным членом сената Аахенского университета, в декабре 1983 года – профессором новейшей немецкой литературы в университете Зальцбурга, в 1985 году он стал кавалером ордена Бельгийской короны.

Все бы ничего, но с конца 80-х годов по Аахену поползли слухи, что профессор вел двойную жизнь. Вначале возникли подозрения, что Ганса Шверте в действительности звали по-другому. Затем возникла версия, что в прошлом он был эсэсовским офицером. Эта своеобразная кампания достигла апогея к 1993–1994 годам. Все разрешилось 28 апреля 1995 года, когда группа голландских журналистов в передаче «Брандпунт» («Фокус») представила неопровержимые доказательства, что Ганс Шверте в своей «прошлой жизни» действительно был офицером СС. И не просто офицером СС, а членом персонального штаба рейхсфюрера СС, высокопоставленным сотрудником «Наследия предков» хауптштурмфюрером Гансом Шнайдером. И какая злая ирония судьбы! Почтенный профессор, отвечавший за научные контакты с Нидерландами, в свое время «работал» на оккупированных голландских территориях. Главное обвинение в его адрес в основном сводилось к тому, что именно Ганс Шнайдер участвовал в отправке медицинской аппаратуры из университета города Ляйден в лагерь Дахау, где над заключенными проводились бесчеловечные эксперименты. Все эти факты всплыли донельзя «не вовремя», в Германии готовились отметить 50-летие окончания Второй мировой войны, а в

университете Аахена ожидали прибытие голландских профессоров. Не надо быть пророком, чтобы догадаться – отношения между землей Северный Рейн – Вестфалия и Голландией резко охладели.

Однако грандиозного скандала не получилось. Видимо, у Шверте-Шнайдера были высокопоставленные покровители, сообщившие о готовящемся разоблачении. Только этим можно объяснить то, что буквально накануне выхода телевизионной передачи в эфир Шверте-Шнайдер «пришел с повинной». В итоге вместо многозначительных вопросов голландская телевизионная передача закончилась оглашением факса, присланного германским политиком Йоханнесом Рау (тогда еще не президентом ФРГ). В 70-е годы Рау был премьер-министром земли Северный Рейн-Вестфалия и именно ему был обязан политическим взлетом Ганс Шверте, в течение нескольких лет занимавший пост министра науки этой земли. В письме Рау в частности говорилось: «Теперь, когда я узнал, что профессор Шверте изменил свою личность и скрыл настоящее имя, я и как человек, и как бывший премьер-министр чувствую себя в высшей мере растерянным и обманутым… Мне стыдно, что некто, когда-то пребывавший в оккупированных Нидерландах в качестве офицера СС, был назначен мною в 1974 году в качестве ответственного за контакты с Голландией и Бельгией. Я лишь могу попросить прощения за столь предосудительные поступки». Аналогичные извинения принесла занимавшая на момент разоблачения пост министра науки земли Северный Рейн – Вестфалия Анке Брунн. Для этого ей пришлось пригласить генерального консула Нидерландов. Несколько позже она повторила все те же извинения, но уже на голландско-германском симпозиуме, который проходил 8 мая 1995 года в Аахене.

Прежде чем рассмотреть случай Шверте-Шнайдера в контексте разработки идеи «объединенной Европы», хотелось сказать несколько слов о том, как эсэсовский офицер превратился в гражданина без преступного прошлого. Кем же был Шверте-Шнайдер?

Его вторая жизнь началась на руинах послевоенной Германии, которую он пересекал на самом обыкновенном велосипеде. В его сумке лежало 3 тысячи марок, и он старательно изображал из себя освобожденного военнопленного. Его покровители старательно позаботились о том, чтобы создать ему алиби. В документах, оставшихся в элитном пригороде Берлина – Далеме, значилось – хауптштурмфюрер СС Ганс Шнайдер погиб 26 апреля 1945 года. Подробностей его гибели никто не знал, да они собственно были и ни к чему – в конце войны люди гибли и пропадали тысячами. А Шнайдер, оставаясь в живых, прощался со своей

прошлой жизнью.

Ганс Эрнст Шнайдер родился 15 декабря 1909 года в Кенигсберге. После получения аттестата зрелости, в 1928 году он продолжил обучение в университете родного города. Среди изучаемых им предметов значились: история немецкой литературы, история искусств, театроведение, философия, этнография и древняя история. Несколько семестров он обучался в университетах Берлина и Вены. В июне 1935 года он сдал кандидатские экзамены и приступил к работе над диссертацией.

Кроме науки Ганс Шнайдер был достаточно активным в общественно-политической сфере. Например, весной-летом 1933 года он принимал участие в «Добровольной трудовой повинности», после чего присоединился к СА – штурмовым отрядам нацистской партии. 1 мая 1937 года он становится членом НСДАП и одновременно с этим вступает в ряды СС. Его карьеру можно было назвать если не стремительной, то по-своему успешной. 21 июня 1939 года он получает чин унтерштурмфюрера СС, 30 января 1941 года становится оберштурмфюрером СС, а 30 января 1943 года – хауптштурмфюрером. Накануне своей «гибели» он был представлен к чину штурмбанфюрера СС. Одновременно с этим Ганс Шнайдер играл важную роль в деятельности эсэсовского исследовательского общества «Наследие предков». «Возродившись» в облике Ганса Шверте, бывший эсэсовский офицер некое время провел в Любеке, с поддельными документами якобы освобожденного из английского плена немецкого солдата.

Едва ли имеет смысл рассказывать о всей деятельности Ганса Шнайдера – нас в первую очередь интересует один эпизод, который те не менее странным образом в жизни затянулся на долгие десятилетия. Для этого нам надо перенестись в летние месяцы 1943 года. 12 июля 1943 года организационный руководитель «Наследия предков» Вольфрам Зиверс записал в служебном журнале: «15:00–16:30. Доклад у рейхсфюрера СС. Получил приказа заняться расселением „Наследия предков“». Месяц спустя Зиверс записал в том же самом журнале: «Упаковка и отгрузка из Берлина тайных дел, текущих рабочих материалов. Отъезд в Вайшенфельд». Вольфрам Зиверс в качестве формального руководителя «Наследия предков» покидал находившийся под постоянными бомбежками Берлин, и вместе с архивами Аненербе и наиболее ценными сотрудниками направлялся в Вайшенфельд (Верхняя Франкония), где располагался вспомогательный лагерь «Наследия предков». Именно оттуда он планировал осуществлять организационное руководство «Наследием предков». По большому счету Аненербе и до этого было по сути

децентрализованной организацией.

Однако Ганс Шнайдер остался в Берлине и продолжал работать в центральном офисе «Наследия предков». В его распоряжении осталось около 30 сотрудников, более половины из которых были женщины (шесть из них находились в отпуске, а еще две появлялись «время от времени»). Подобное поведение Шнайдера могло показаться странным. Уже будучи изобличенным, в середине 90-х годов он заявил в одном из интервью: «Я хотел исправить то, что я натворил». Фраза весьма многозначительная, но по ней одной, тем более вырванной из контекста сложно сказать, что же все-таки подразумевал Шверте-Шнайдер.

Ответ на этот вопрос можно найти в документах. 1 марта 1945 года Шнайдер, до этого отвечавший за работу отдела «Германское научное действие», получил от Имперского управления безопасности задание заняться разработкой темы «Европейские организующие идеи». По сути, речь шла об очередном аспекте формирования «Европейского союза». Шнайдеру предстояло дать разъяснения по ряду моментов. В частности различные варианты «мирного урегулирования», обоснование «экономической необходимости более тесного европейского сотрудничества» и т. д. Во всех документах явственно читалось, что планирование шло на будущее, и проекты отнюдь не планировалось реализовывать в условиях военного поражения Германии. Учитывались даже такие моменты: стоило ли включать в состав «единого европейского пространства» Великобританию или нет? Не раз подчеркивалось, что англо-германское сближение было важнейшим моментом послевоенного устройства Европы, но при этом предполагаемые разработки должны были быть лишены «излишне акцентированной англофилии» (именно так значилось в документе!) Принимая во внимание тот факт, что СССР автоматически исключался из проекта «единой Европы», можно предположить, что разработки «европейской идеи», ориентированные на послевоенное время, по «доброй» традиции носили русофобский и антироссийский характер.

Всё это можно было бы посчитать сумасшедшими фантазиями, если бы не неумолимая сила факта. После войны пропагандой идей евроинтеграции занимались те, кто эти идеи разрабатывал в годы нацистской диктатуры. Либерально-демократическая версия о внезапности запуска евроинтеграционных процессов как невольного ответа на ужасы войны не выдерживает никакой критики: все шло по давно отработанному сценарию, хотя и со значительным смещением некоторых идеологических акцентов.

Взять, например, работу издательства «Шталлинг», в котором странным образом нашли пристанище как отбывшие достаточно условный срок заключения эсэсовские офицеры из СД, так и вовсе «воскресшие» персоны вроде Шверте-Шнайдера. Все они решительно отмежевались от национал-социализма и правых радикалов, а Шверте-Шнайдер и вовсе активно проповедовал леволиберальные идеи. Они как бы и не скрывались, но как бы и не особо обращали внимание на свое прошлое. Пропагандисты «европейской идеи» не просто держали дистанцию, а категорически отрицали даже саму возможность общения с еврофашистами послевоенного образца. Казалось, что они опасались разоблачения их собственных планов или какой-то скрытой схемы. Между тем многие из бывших национал-социалистов рассматривали крушение Третьего рейха всего лишь как переход к «Европе». Например, в 1951 году Артур Эрхардт стал издавать журнал «Нация-Европа. Ежемесячник на службе европейского обновления». На страницах этого праворадикального издания развивались следующие идеи: Гитлер сражался за единство Европы, инициатива объединения Европы исходила от начальника имперского управления печати Отто Дитриха. Как и стоило предположить, на страницах «Нации-Европы» появлялись воспоминания многочисленных «европейских добровольцев», как правило, тех, кто сражался против СССР в составе частей ваффен-СС. Однако в издательстве «Шталлинг» всё обстояло с точностью до наоборот.

По сути, главным европейским проектом издательства «Шталлинг» была книжная серия «Создатели нашего времени». Всего в ней вышло четыре тома: два из них были посвящены мыслителям и писателям, а еще два ученным и исследователям. В итоге фактически все мало-мальски заметные личности Европы оказались зачислены в сторонники интеграции. Их перечислением можно заниматься долго, но едва ли в этом есть необходимость. Надо лишь отметить интересное совпадение. В биографической статье, посвященной творчеству гениального и то же самое время весьма неоднозначного немецкого поэта Готфрида Бенна, Ганс «Шверте» позволил себе ряд пассажей, фактически указывающих на его полулегальное положение. «Двойная жизнь, двусмысленность – это основной смысл такого существования… Пересмешник истории и то же самое время ее очарованный созерцатель. Серая военная униформа стала маской нашего времени («армия – это благородная форма эмиграции»), но не перестала быть наследием традиции. Двойственность связывает между собой человека и творение, образ и фразу».

Когда весь мир отмечала 50-летие Победы над нацистской Германией,

разоблаченный эсэсовский офицер, смущенно улыбаясь, давал интервью – он не оправдывался и не каялся, лишь пообещал журналистам, что вернет награды, которые он получил от правительств разных стран в качестве профессора Ганса Шверте.

Глава 15. Другая Германия?

Он умер ровно 56 лет спустя после того, как Третий рейх напал на СССР – 22 июня 1997 года – и был похоронен в Мюнхене, который уже не был ни столицей нацистской партии, ни столицей немецкого искусства, а всего лишь городом, в котором любят пиво и проводят Октоберфест. Впрочем, Ганс Рёсснер не переживал по поводу подобных утрат. Ему вообще не нравилось выказывать истинное отношение к вещам. На протяжении многих лет он раскланивался с коллегой по работе: «Доброе утро, герр Шверте!» – хотя прекрасно знал, что Шверте был Гансом Шнайдером. Ганс Рёсснер и сам был эсэсовским офицером. Не то чтобы он особо скрывал этот факт своей биографии, но предпочитал не распространяться по этому поводу. В итоге, когда Рёсснер, перешел на работу в мюнхенское издательство «Пипер», то Ханна Арендт даже подумать не могла, что ее легендарную работу «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме» издавал не просто бывший служащий СС, а достаточно высокопоставленный эсэсовский офицер.

Наверное, их было много больше, но история нам сохранилась лишь несколько имен. Вильгельм Шпенглер, Ганс Рёсснер и Ганс Шнайдер – три высокопоставленных эсэсовских офицера, которые после войны взялись за активную пропаганду идей евроинтеграции. Они и в годы нацистской диктатуры занимались разработкой этой тематики, но в 50-е годы они делали это с особым смыслом, принципиально дистанцировавшись от правых радикалов, и при любом удобном случае демонстрируя свой либерализм. Вообще в их истории много загадочного. Взять хотя бы Ганса Рёсснера. В отличие от Александра Долецалека и Ганса Шнайдера ему не удалось инсценировать собственную смерть и обзавестись «новой личностью». Он был арестован, однако в заключении пробыл совершенно недолго. 23 мая 1948 года он фактически был оправдан судом по денацификации. На судебном процессе он как высокопоставленный офицер СД присутствовал едва ли не в качестве свидетеля, но не обвиняемого. В своих показаниях он пытался изобразить эсэсовскую службу безопасности как «безобидную организацию», в которой занимался всего лишь передачей информации. При этом Рёсснер всячески подчеркивал, что не принимал участие ни в одном мероприятии, связанном с убийствами или реализацией пропагандистских программ. Память этого «свидетеля» оказалось очень короткой – он постарался забыть, что при СД

существовали специальные «оперативные группы» (айнзацкоманды), осуществлявшие карательные акции. В итоге суд 19 августа 1948 года приговорил Ганса Рёсснера к штрафу размером в 2 тысячи марок, который считался погашенным. Исходя из сроков пребывания в заключении, Рёсснер как бы выплачивал по 20 марок в день. На свободе он оказался всего лишь как «попутчик» нацистского режима. Справедливости ради надо отметить, что во время денацификации реальные тюремные сроки и реальные денежные штрафы получали люди за гораздо меньшие провинности, нежели работа в СД. В этой связи было интересно взглянуть на карьерный путь «попутчика», который якобы не был причастен к пропагандистской работе.

Ганс Ресснер появился на свет 5 июля 1910 года в семье дрезденского учителя народной школы. После получения аттестата зрелости он отбыл в Лейпциг, чтобы в тамошнем университете изучать филологию и немецкую историю. Сразу же оговоримся, что многие из его однокурсников позже стали сотрудниками эсэсовских ведомств. Например, если посмотреть на Главное управление имперской безопасности, то можно обнаружить, что вместе с Рёсснером учились Вильгельм Шпенглер и Хайнц Грефе. Во время своей учебы в университете Рёсснер принимал активное участие в общественной жизни – он был членом организации взаимопомощи студентов и «Академической самопомощи». Кроме этого он публиковал свои материалы в журнале «Народ в становлении», который издавался Эрнстом Криком, который был одним из ведущих нацистских философов и являлся фактическим создателем национал-социалистической педагогики.

В ноябре 1933 года Ганс Рёсснер вступал в штурмовые отряды НСДАП, но полгода спустя перешел на службу в СС. Здесь он начинает делать свою карьеру – вначале он становится штатным референтом, а затем и начальником одного из отделов СД. В 1936 году Рёсснер принимает неожиданное решение – он формально оставляет службу в СС и направляется в Бонн, где становится ассистентом профессора Карла Юстаса Обенауэра. Казалось бы, что Ганс Рёсснер отдал предпочтение академической деятельности, пожертвовав своей карьерой в СС. Однако подобное суждение было бы ошибочным. Профессор Обенауэр был ветераном национал-социалистической партии и сам активно сотрудничал с СД. Очевидно, что в данном случае надо было вести речь об инфильтрации сотрудников СД в академическую среду. Подобная версия подтверждается найденными документами, в которых сам Рёсснер (может быть, того не желая) сделал признание. В апреле 1938 году он направил в Имперское министерство науки и образования письмо, в котором сообщал,

что принадлежал к числу «достойнейших представителей нашего поколения, которое ответственно за будущее наших высших учебных заведений, особенно если учитывать, что меня вновь готовы принять на работу в главное управление СС, если мы не получим необходимого содействия в нашем университете». По большому счету Обенауэр и Рёсснер не особо скрывали своего «особого» положения. Оба они участвовали в процессе лишения Томаса Манна звания почтенного доктора философского факультета Боннского университета. 19 декабря 1936 года они направили Томасу Манну письмо, в котором Обенауэр как декан философского факультета сообщал опальному литератору, что после лишения того гражданства он вынужден вычеркнуть его имя из списка почтенных докторов.

В 1938 году Ганс Рёсснер защитил диссертацию, которая была посвящена деятельности кружка Стефана Георге. Некоторые из ее положений он публиковал еще до защиты, в частности на страницах «Журнала немецкого образования». Название той статьи было в высшей мере показательным – «Третий гуманизм в Третьем рейхе». И содержание было не менее политизированным. В первую очередь Рёсснер критиковал кружок Георге за «духовное ожидовление». При этом он подчеркивал, что его создатель поэт и философ Стефан Георге был «лишен расово-духовных инстинктов», что в итоге привело к проникновению в его кружок «представителей городского образованного еврейства». В итоге Рёсснер провозглашал, что Георге, равно как «вся эстетико-гуманистическая традиция» были «совершенно несовместимы с национальным расовым литературоведением», а потому подлежали «искоренению». В аналогичном духе были написаны статьи Рёсснера «Крах кружка Георге» и «Георге и Агасфер или о духовном царстве». Как видим, человек, после войны заявлявший о своей непричастности к пропагандистским проектам Третьего рейха, был все-таки активно вовлечен в оные. Например, в 1938 году Ганс Рёсснер был среди разработчиков документа, который назвался «Положение и задачи германистики и немецкого литературоведения». В этом документе приводился список из имен полусотни исследователей, которые квалифицировались как «противники национал-социализма», а так же имена восемнадцати исследователей, которые должны были восприниматься как «безупречные с политической и мировоззренческой точки зрения». Если Гейдрих, шеф СД, активно пропагандировал «боевое управление», то Рёсснер полагал себя одним из создателей «боевой науки».

В 1938 году Ганс Рёсснер возвращается на службу в СС – он становится референтом отдела II/2 (оценка сфер жизни) главного

управления СД, где его работу курировал Франц Зикс. В связи с тем, что 27 сентября 1939 года произошла реорганизация эсэсовских структур, и было создано Главное управление имперской безопасности, то отдел Рёсснера был влит в структуру управления III С («Культура»), за работу которого как раз отвечал Вильгельм Шпенглер.

В 1939 году, в связи с началом войны, Рёсснер был призван в армию, но СД быстро добилась его возвращения к прежнему месту службы. С тех пор и до самого крушения рейха он занимал в РСХА пост референта по делам национальной культуры и искусства. В 1944 году ему было присвоено звание оберштурмбанфюрера (подполковника СС). Подписывая представление, рейхсфюрер СС Гиммлер высказал пожелание, чтобы Рёсснер «принял участие в охранно-полицейских акциях на Востоке». Однако эта «почётная командировка», которая впоследствии привела ряд его коллег по РСХА на виселицу, по каким-то причинам не состоялась. Работа же Ганса Рёсснера в Главном управлении имперской безопасности удостаивалась самых лестных оценок. Начальство характеризовало его как «одного из способнейших» сотрудников, «творческого человека», который смог «столь чётко и ясно выработать для своего отдела основные национал-социалистические установки, что ряд решений в области культурной работы во время войны был принят на основе его предложений». В характеристиках отмечалось, что «способности и глубокая проникнутость национал-социалистическим мировоззрением» делают Рёсснера, среди прочего, «особо востребованным оратором на партийных мероприятиях».

Одним из его ораторских «триумфов» стал доклад на тему «Гуманизм и гуманность» на заседании Общества германистов в Ганновере в мае 1943 года. Третий рейх, вещал Рёсснер, снова ведёт «судьбоносную борьбу» против Запада с его «англо-американской гуманистической идеологией» и Востока с его «крайней большевистской формой той же идеологии». Решается вопрос, «удастся ли возникшие на германской основе начала внедрить в духовную структуру Европы, или универсалистские идеи европейской культурной традиции вновь приведут к фиктивному общеевропейскому сознанию…» В апреле 1945 года Рёсснер вместе с начальником Управления Олендорфом и рядом других сотрудников бежит во Фленсбург, где обосновалось т. н. правительство Дёница. Там же он был арестован американцами в мае 1945 года.

Возникает вопрос: где «перекидной» мостик, который вел эсэсовского офицера от германистики к «европейскому проекту»? На самом деле о работе Рёсснера в качестве офицера СД над проектом «Европейского

союза» известно очень немного. Однако все-таки сохранились свидетельства и документы, которые позволяют судить о том, что его послевоенное появление в «проевропейском» издательстве «Шталлинг» было отнюдь не случайным. 29 ноября 1942 года на страницах журнала «Рейх», издание которого курировал лично министр пропаганды доктор Геббельс, появилась статья Рёсснера, называвшаяся «Другая Германия». В этом материале его автор задавался вопросом относительно «судьбы европейской культуры». Рёсснер пивал: «Сегодня можно услышать, как выказываются опасения, что в самой чудовищной из всех войн силы рейха настолько сосредоточатся в военных, экономических и технических усилиях, что для таких отвлеченных сфер жизни как культура, дух, душа и искусство более не останется энергии. Вместе с тем наши силы не должны быть односторонне сосредоточены лишь в одном из направлений. Чем дольше продолжается война, охватившая всю планету, тем реальнее становится угроза, что по этому пути пойдет вся Европа. Кто же тогда даст гарантии сохранности европейской культуры? Кто позаботится о ее будущем?» Отвечая на этот вопрос, Рёсснер делал достаточно смелое заявление: «Вероятно, ход мировой войны подтвердил правоту тех нейтральных культурных критиков, которые много лет назад предостерегали от того, чтобы национал-социализм пошел по пути односторонне военного, „прусского“ превалирования, когда его жизненная энергия и организационные возможности могли спасти Европу от большевизма, но не были в состоянии породить новую форму европейской цивилизации и культуры». На самом деле подобного рода журналистские ходы были всего лишь уловкой, некой игрой с читателем. В действительности Ганс Рёсснер не намеревался критиковать ни военную политику, ни военное (на тот момент) превосходство Третьего рейха. Его задача состояла в другом – ему надлежало положить начало процессу «очеловечивания» Германии, под которой в тот исторический момент в первую очередь подразумевался нацисткой режим. Он призывал не бояться того, что военные триумфаторы задвинут в тень всех остальных. Очевидно, что некоторые из фраз адресовались представителям оккупированных европейских территорий: «Из исторических примеров мы знаем, что проигравшие в войне становились неявными победителями в духовной сфере». В непрерывной игре тени и оттенков, Рёсснер как бы завлекал читателя в тенета идеологических ловушек: «Никто не будет отрицать, а солдат в самой наименьшей степени, что война по сути своей разрушительна, никто не приукрашивает ее. Также никто не спорит с тем, что война мобилизуется все силы рейха в невидной ранее степени». Однако

подобная мобилизация преподносилась автором не как негативное для сферы европейской культуры, а как по-своему позитивное явление. Для этого даже использовалась цитата из Ницше: «Пиши кровью и ты узнаешь, что кровь есть дух».

В своей статье Ганс Рёсснер говорил о «другой Германии». «Другая Германия», противопоставлялась с одной стороны «тайной Германии» (так обычно именовали затаившихся оппозиционеров-антифашистов и просто скрытно недовольных гитлеровским режимом) и другой стороны она должна была отличаться от господствовавших в Европе представлений о Германии как «варварской стране». Рёсснер пытался снять дилемму выбора между гуманизмом и варварством, намекая, что, одержав победу, Третий рейх якобы явил Европе чудеса процветающей культуры. В частности в статье говорилось: «Они [европейцы] почитают нас как народ мыслителей и поэтов, но при этом тайком надеются лишить этот народ политической воли. Они восхищаются Ницше как „великим европейцем“, но признают пруссака Бисмарка и созданную им империю. Наконец, они с распростертыми объятиями готовы воспринять гуманизм Томаса Манна, но вместе с тем осуждают самую великую немецкую революцию[3]». Рёсснер пытался сформировать условные принципы, согласно которым Европа искренне восприняла «другую, неправильно понятую Германию», и тем самым после предполагаемой военной победы Третьего рейха были бы сняты внутриевропейские (в первую очередь культурные) противоречия. Не удивительно, что подобного рода воззрения после легкой трансформации оказались востребованными в послевоенный период. Заменив пару идеологических клише, компания высокопоставленных офицеров из СД продолжала превозносить «новую Германия» (в очередной раз «новую») как хранительницу европейской культуры. Не удивительно, что все они либо получили «новую личность», либо все-таки оказавшись перед судом, в итоге были фактически оправданы, получив приговор в качестве «невольных попутчиков преступного режима».

Если говорить о таинственным образом пропавших специалистах, занимавшихся в недрах Третьего рейха разработкой «европейского проекта», то нельзя не обратить внимание на то, что подобно Долецалеку и Шнайдеру странным образом в число погибших оказались зачислены Вернер Дайц и Георг Шмидт-Рор. Никто не видел их гибели, не было обнаружено их тел, во всех случаях предполагалось, что они погибли во время боев, которые вели подразделения фольксштурма. Даже если допустить, что начальника отдела из состава «Наследия предков» и ценнейшего специалиста в области планирования, экономики и химии все-

таки призывал в фольксштурм, то их исчезновение в любом случае выглядит странным. Как знать, может быть, они получили новые документы и оказались более удачливыми, нежели Долецалек и Шнайдер, а потому и не были изобличены. В пользу этой версии говорит внезапное появление в послевоенной Германии специалистов по европейской интеграции. Еще недавно ничего из себя не представлявшие люди, вдруг начинали говорить профессиональным языком и употреблять формулировки, которые весьма напоминала обороты и лексику Вернера Дайца. Одним из таких деятелей был Вальтер Хальштейн, с которым Вернер Дайц пересекался в годы нацистской диктатуры в Академии немецкого права.

У Вальтера Хальштейна тоже было две биографии. Ознакомившись с одной, хочется в кинематографической манере воскликнуть то ли «Славный парень!», то ли «Хороший немец!». В послевоенный период Вальтер Хальштейн всячески содействовал возвращению Германии в «лоно цивилизованного мира»: профессор Джорджтаунского университета (США), активный сотрудник ЮНЕСКО, создатель Европейского объединения угля и стали, инициатор созыва Парижской конференции, советник федерального канцлера ФРГ, статс-секретарь министерства иностранных дел Западной Германии, председатель еврокомиссии по созданию «общего европейского рынка», глава Международного европейского движения, кавалер баварского ордена «За заслуги», лауреат международной премии имени Карла Великого. И все бы ничего, если бы не было у Вальтера Хальштейна второй биографии.

Вальтер Хальштейн родился в 17 ноября 1901 года в Ростоке, в лютеранской семье правительственного чиновника. В 1925 году защитил в Берлинском университете диплом по юриспруденции. Затем работал в области международного права, с 1929 года являлся приват-доцентом все того же Берлинского университета. Обо всех последующих событиях официальные биографы Хальштейна, собственно как европейские историки либо вовсе не вспоминают, либо вспоминают, но весьма неохотно. Дело в том, что Вальтер Хальштейн был членом многих нацистских организаций – позже он при каждом удобном случае заявлял, что никогда не поддерживал режима Гитлера, однако после крушения Третьего рейха подобное заявляли едва ли не все немцы подряд. Принимая во внимание, сколько в те дни появилось «антифашистов» и «оппозиционеров» остается только задаться вопросом: как Гитлер вообще пришел к власти? Можно было бы поверить в трусливый конформизм Хальштейна, мол, поддерживал преступный режим во имя

самосохранения, но документы говорят совершенно о другом.

Сразу же после прихода Гитлера к власти Вальтер Хальштейн вполне успешно и безболезненно прошел унификацию, то есть был включен с состав профильных национал-социалистических организаций. Поначалу он стал членом Национал-социалистического союза юристов. Затем (после преобразования союза) стал членом Национал– социалистического союза правозащитников. 30 сентября 1935 года, подтверждая свою лояльность гитлеровскому правительству, он принес клятвенные заверения следующего содержания: «Принимая присягу при вступлении в должность, я, профессор, доктор права Вальтер Хальштейн заявляю: в послевоенное время [после Первой мировой войны, т. е. с 1918 г.] я был членом следующих организаций: получив степень младшего юриста, я входил в ассоциацию стажеров рейха, а будучи профессором, я входил в Ассоциацию немецких университетов рейха. В настоящий момент я являюсь членом Национал-социалистского союза немецких юристов, Национал-социалистского союза учителей и преподавателей».

Почти сразу же после принятия этой своеобразной присяги Вальтер Хальштейн был назначен деканом факультета права и экономики в университете города Росток. Впрочем, когда после окончания Второй мировой войны Хальштейну приходилось заполнять денацификационные опросники, то он отрицал не только принадлежность к каким-либо политическим и национал-социалистическим организациям, но и то, что он когда-либо делал публичные выступления, содержавшие в себе элементы национал-социалистической идеологии. Однако Хальштейн не раз выступал на публике, чему сохранились документальные подтверждения. Например, сохранились тезисы его выступления в январе 1939 года, когда он прочитал публичную лекцию «Великогерманский рейх как юридическое лицо». Отчет очевидца об этом событии в нацистской пропаганде был опубликован газетой «Нижнегерманский обозреватель» на следующий день, 24 января 1939 года. Позволим себе привести этот материал: «Правосубъектность Великогерманской империи. Лекционный вечер университета Росток – выступление профессора Хальштейна. Росток, 24 января. В пивной «Ман и Олерих» состоялся лекционный. вечер.

Проф. д-р Руикхольдт, декан университета, опубликовал объявление о предстоящем мероприятии. В своей вступительной речи он поприветствовал государственного министра д-ра Шарфа, представителей партии и ее организаций, представителей вермахта, Имперской службы труда, города Ростока, а также представителей бизнеса и студенческой организации. Руикхольдт от лица университета выразил надежду, что этот

вечер может помочь установить доверие и взаимопонимание между публикой и университетом, поскольку, хотя это и старое заведение, принимая во внимание его долгую историю и традиции, оно не так уж чуждо современности. По словам Руикхольдта, данную фюрером высокую оценку немецких университетов как носителей ценной традиции можно увидеть в том факте, что в 1938 году главы университетов посетили имперский съезд НСДАП, проходивший в Нюрнберге в своих исторических одеяниях. Ведущим вечера бы д-р Хальштейн, профессор права, благодаря своим исследованиям в области сравнительного права обладающий внушительными познаниями в правовой политике Европы. Он рассмотрел вопрос правового присоединения «Восточной марки» и Судетской области. Содержательные заявления профессора д-ра Хальштейна были встречены бурными аплодисментами. Завершила встречу неофициальная вечеринка. Помимо государственного министра, среди почетных гостей были: майор Фольгман, командир гарнизона полковник Либ, арбайтсфюрер Шрёдер и т. д».

Этот лекционный вечер был не просто университетским событием, а пропагандистским мероприятием, что подчеркивалось не только местом его проведения (пивная) и предписанным специальным циркуляром ношением униформы, но и присутствием официальных лиц, как по линии партии, так и по линии государства. Перед началом вечера Хальштейн подал ректору университета Ростока специальную справку, в которой говорилось: «Сегодня состоится доклад на тему „Правосубъектность Великогерманского рейх империи“ меня как ученого, чья научная работа, с одной стороны, была сосредоточена на сравнительном анализе европейских правовых систем.

С другой стороны, активно участвуя в деятельности Академии германского права, я исключительно хорошо знаком с правовыми и политическими целями Третьего рейха. Таким образом, меня пригласили сделать заявление с позиции юридической науки касательно слияния новых немецких территорий со „старой империей“».

Поскольку очевидно, что к указанному моменту Хальштейн уже занимался (хотя бы отчасти) разработкой «европейского проекта», представляются в высшей мере интересными некоторые из отрывков его выступления. Перед правозащитником стоят три задачи: он должен знать закон, применять его и развивать его далее. Наиболее важной из этих задач является третья, потому что все, что мы делаем, регулируется законом развития. Нам следует обратить внимание не только на существующие законы, но и в особенности на законотворчество будущего. Задача нашей

правовой политики состоит не только в поддержке существующего, но и в создании лучшего порядка. Я должен пояснить, почему именно правозащитник призван справиться с этой задачей. Руководство государства обладает безусловной и окончательной властью при принятии всех решений, относящихся к созданию такого сообщества.

Нужны ли руководству государства юристы для выполнения этой политической задачи? Отдельный юрист может захотеть рассматривать этот вопрос с профессиональной и психологической точки зрения, что вполне понятно. Юристы обычно заняты всю свою жизнь, регулируя и контролируя движение общества в сфере, строго ограниченной тысячами параграфов законов, занятые повседневными заботами вроде „латания заборов“ и „чистки канав“. Таким образом, юристы почувствуют сильный соблазн отклониться от освободительного действия законотворчества, это вызов мужеству, которым характеризуется каждое продвижение по незнакомой территории. Они с радостью будут приветствовать возможность стать либо частью грандиозного масштабного планирования – либо будут просто возделывать свой скромный (юридический) садик, оставленный их заботам».

Если не знать, что автор этих слов в будущем станет юридическим основателем Европейского союза, то они могли бы показаться на первый взгляд набором банальных юридических максим. Далее Хальштейн заявлял: «При этом причина, по которой на правозащитника возлагается такая „архитектурная“ задача возникает из „нужд и потребностей“ сообщества. Создание этой новой правовой политики требует поддержки юристов, которые стоят во главе области применения права, знают законодательство и правила законотворчества, поскольку очевидно, что необходимо иметь представление о „хорошем“, чтобы суметь найти то, что „лучше“. убежден, однако, что этому призыву к созданию нового законодательства следует дать более глубокое обоснование. Я считаю, что оно должно происходить из самой природы указаний, отдаваемых народом правозащитнику. В силу закона природы, присущего профессии правозащитника, он в конечном счете должен быть ответственным архитектором права. Отношения между правозащитником и правом сегодня отличаются от «правового позитивизма“ конца XIX века, являвшегося превалирующим мнением до начала века– Создание нового права является единственной задачей законодателей, и роль судьи ограничена согласованием – подчинением – „жизненных фактов“ с фактами, определенными законом. Он пытается освободить закон от случайностей и выявляет укрепляющую систему права, которая

привязывает правовые последствия к случайному событию.

Все ветви правовой деятельности являются частью очищения: научная теория права, выводы которой сводятся к предложению решений для применения на практике, ежедневная работа фронтовых офицеров [!] права, которые становятся заступниками оскорбленного правосознания [!] а также судья, который своим решением окончательно удостоверяет требования права. Все эти элементы преобразуют закон в педантичную непрерывную борьбу, во время которой люди всегда должны помнить о законе. Истинная природа законной конституции людей может быть понята лишь теми наблюдателями, которые не только смотрят на законы, но и учитывают интенсивную синергию всех этих сил. Этот „повсеместно практикуемый метод“ следует использовать, когда станет необходима полная модернизация всей правовой системы, превышающая возможности текущих модификаций. Это еще более справедливо, когда полный переворот правовой системы революционного масштаба требует использования всех имеющихся сил».

И далее: «Сегодня мы видим, что всё сообщество правозащитников – всех представителей профессии юристов, если угодно – принимают участие в выполнении колоссальной задачи народной модернизации права. Правда в том, что ни один закон не вмещает всю возможную жизни и в том, что любая формализация юридических фактов может быть лишь попыткой выделить типовые основы для принятия решения. Таким образом, как известно с давних времен, логика юриста обязательно должна быть аналогичной. Самой выдающейся чертой сегодняшнего правового государства навсегда останется тотальная правовая политика. Это означает беспрецедентно широкий и глубокий переворот устаревшей правовой системы в ее самых отдаленных уголках. Результат этого обновления охарактеризует культурное лицо новой эпохи. В прошлом этот процесс был событием в обычных границах и относился к внутренним делам небольшой Германии. Эпохальные события, однако, представляют этот процесс в совершенно новом свете. Все внутренние проблемы, все внутренние задачи затмевает величие присоединения, они будут ликвидированы поразительными импульсами, которые правовая политика получит от возвращения домой Австрии и Судетской области. Задача уже состоит не просто в обновлении ветхого старого здания, но в постройке нового здания для увеличившейся семьи народов на расширенной территории народов. Вопрос будет такой: действительно ли необходимо возводить только одно здание?»

Если соотнести все эти требования с проектом создания

«европейского союза», то получается в высшей мере удручающая картина. Собственно, как запланированный в Третьем рейхе, так и нынешний Европейский союз базировались не на волеизъявлении народов, а на диктате отвлеченных принципов. Хальштейн в 1939 году заявлял: «Это приводит нас непосредственно к первой проблеме правовой политики, вызванной аннексией территорий: почему одна-единственная правовая система должна стать основой Германии? Дело не только в материальном удобстве. Этот Великогерманский рейх во все возрастающей степени становится единым экономическим субъектом. Таким образом, для Великогерманского рейха общая правовая система не является чем-то автоматически появляющимся при создании этого (будущего) рейха, но представляет собой задачу. Простодушный наблюдатель за этой ситуацией мог бы подумать, что выполнить такую задачу проще простого. Может сложиться впечатление, что нужно издать всего одно предписание, а именно о том, что все законы «старой империи» немедленно должны быть введены в действие в Австрии и Судетах. Однако поставленная задача не так проста. Невозможно ввести на такой территории сразу все наши законы, закрепленные на бумаге. Такая стратегия была бы неудачной уже из-за явной ограниченности умственных способностей тех людей, которые должны были бы применять эти законы. Такая попытка могла бы также потерпеть неудачу из-за сложности структуры современного социального порядка. Нельзя просто сменить правовую систему, как платье, которое уже вышло из моды, потому что любое фундаментальное изменение также затрагивает, если так можно сказать, индивидуальность людей.

Теперь я перехожу к конкретным вопросам уточнения законов. Необходимо выделить ряд норм, введение которых в действие не может быть отложено; они представляют собой определенную чрезвычайную программу в рамках процесса унификации права. Структура управления в Австрии и Судетской области, которая в настоящее время находится на этапе формирования, послужит в качестве модели для будущей системы управления всего рейха. На это несколько дней назад указал имперский министр внутренних дел Фрик во время выступления в «Академии административного управления» в Гамбурге».

На первый взгляд может показаться, что нет никакой необходимости столь детально цитировать, произнесенный в 1939 году доклад. Однако парадоксальность ситуации заключается в том, что основные постулаты и основные тезисы в своих правовых построениях Хальштейн оставил неизменными даже после окончания войны. В своей книге «Европейское сообщество», которая была множество раз переиздана и считается едва ли

не азбукой современной европейской интеграции, Хальштейн в разделе, посвященном изменению «европейского права», прибегал ко всем тем же принципам и тем же формулировкам, что и в конце 30-х годов. Он всего лишь поменял идеологический окрас своих фраз; этой мимикрии оказалось вполне достаточно для того, чтобы рядовой европейский читатель не смог обнаружить подвоха. «Другая Германия» это не более чем уловка – старое вино, влитое в новые меха, но не более того.

Глава 16. Язык мой – враг твой

В самом начале 1943 года в составе эсэсовского исследовательского общества «Наследие предков», на тот момент получившего статус управления «А» при персональном штабе рейхсфюрера СС, был создан новый отдел, который должен был заниматься проблемами социолингвистики. Располагавшуюся во Франкфурте-на-Одере структуру в документах также именовали «исследовательским центром» или «учебно-исследовательским учреждением прикладной лингвистической социологии». Деятельность этого отдела, в отличие от многих структур «Наследия предков» была совершенно секретной. О результатах ее деятельности не должны были знать не только «противники Германии», но и представители различных национал-социалистических организаций, что в первую очередь относилось к ведомству Альфреда Розенберга. Вполне логичными кажутся вопросы: почему в СС проявили интерес к проблемам социолингвистики? Чем собственно занимались в этом отделе Аненербе? Почему деятельность этой структуры была настолько засекречена, что итоги ее работы предполагалось сокрыть даже от ключевых фигур национал-социалистической партии? В настоящий момент мы обладаем достаточным количеством документов и документальных свидетельств, чтобы в деталях восстановить как предысторию возникновения этого таинственного отдела, так и его деятельность, следы которой теряются в самом конце войны в районе расположенного в Нижней Саксонии городка Ильцен. Уже после окончания войны бывшие консультанты этого отдела «Наследия предков», выдающиеся немецкие лингвисты, например Лео Вайсгербер, пытались заявить, что руководство «центра социолингвистики» было близко к движению Сопротивления, но их мнение предпочли оставить без внимания.

История загадочного отдела Аненербе, занимавшегося проблемами социолингвистики, была непосредственно связана с именем Георга Шмидт-Рора. Он родился 25 июля 1890 года во Франкфурте-на-Одере. Его отцом был учитель Рихард Шмидт, а матерью – дочь местного промышленника Рут Рор. В итоге их сын Георг предпочел взять двойную фамилию и с 30-х годов он везде подписывал документы как Шмидт-Рор. С юности Георг был весьма деятельным. Например, он был активистом национально ориентированного антиурбанистического движения «Перелетные птицы». Уже после окончания Первой мировой войны в

относительно зрелом возрасте от стал одним из учредителей и руководителей «Кронахского союза старых перелетных птиц», представляя интересы этого движения как в составе Имперского комитета немецких молодежных союзов, так и в молодежно-политическом совете при правительстве Веймарской республики. Однако политическая известность (хотя и в узких кругах) пришла к Шмидт-Рору раньше, в годы мировой войны, когда он, будучи капитаном пехотного полка герцога Фридриха-Вильгельма Брауншвейгского, в 1917 году занялся разработкой специальной лингвистической программы для оккупированных (на тот момент) территорий Российской империи. Этот проект он пытался реализовать совместно с известным публицистом и путешественником Паулем Рорбахом. В их соавторстве родился меморандум «Что нужно сделать, чтобы предотвратить грядущую революцию?» К великому сожалению, ни текст этого меморандума, ни текст спецпроекта для Российской империи не сохранились. Мы знаем о них только из записок, оставленных самим Шмидт-Рором. Однако в архивах удалось обнаружить объемное произведение «Наш родной язык как оружие и инструмент немецкого мышления», датированное приблизительно тем же самым временем. Это позволяет взглянуть на принципы, которыми руководствовался Шмидт-Рор в последние годы Первой мировой войны.

В нашем случае представляется важным не столько сама конструкция научно-политических проектов (позже она дорабатывалась несколько раз), сколько то, что ее автор с самого начала планировал не просто практическое, а политическое, я бы сказал даже геополитическое, использование создаваемой им социолингвистики. После поражения Германии в Первой мировой войне Георг Шмидт-Рор не отказался от своих проектов и продолжил заниматься разработкой социолингвистики. В начале 20-х годов он пользовался поддержкой прусского министра по делам образования и религии Карла-Генриха Беккера. Именно по его протекции Шмидт-Рор в 1926 году был зачислен в только что созданную «Педагогическую Академию». В 1932 году при поддержке «Немецкой Академии», возглавляемой создателем геополитики профессором Карлом Хаусхофером, была издана работа Шмидт-Рора «Язык как изобразительность народа». Уже после прихода нацистов к власти эта книга была сильно переработана и выпущена в 1933 году под названием «Родной язык. Об управлении языком вплоть до становления народа». В рамках этой работы Шмидт-Рор попытался сформировать принципы лингвофашизма, что в свете прихода Гитлера к власти казалось ему в высшей мере удачной затеей. Однако Шмидт-Рор ошибся. Предложенный

им лингвофашизм никак не учитывал расовые идеи, на которых покоилась национал-социалистическая идеология. Шмидт-Рор сразу же попал под огонь партийных догматиков. Дело дошло до того, что его намеревались исключить из национал-социалистической партии, что могло иметь для исследователя весьма неприятные последствия. Однако за Шмидт-Рора решили вступиться профессор Карл Хаусхофер и издатель Гуго Брукманн – первый был дружен с Рудольфом Гессом, заместителем фюрера по партии, второй был хорошо знаком с Гитлером по Мюнхену, когда тот еще только начинал свою политическую карьеру. В итоге травля Шмидт-Рора была остановлена – исследователя было решено оставить в покое.

Если отвлечься от политических предпосылок, то нельзя не отметить, что вызвавшая недовольство нацистов работа Шмидт-Рора была не просто интересным казусом в истории науки, а воистину новаторским прорывом в общей истории лингвистики. Книга Шмидт-Рора была по-своему предвосхищена докторской диссертацией Лео Вайсгербера «Родной язык и интеллектуальное развитие», которая была защищена в 1929 году. Развивая предложенные теории, Шмидт-Рор предложил ряд положений, в настоящий момент являющихся общественным достояниям в сфере языкознания. Но при всем этом нельзя забывать, что Шмидт-Рор в своих построениях исходил из крайних националистических убеждений и тот факт, что он не учитывал расистские постулаты национал-социализма, вовсе не делает из него участника антифашистского сопротивления. Это подтверждается тем фактом, что Шмидт-Рор нашел покровителя в лице рейхсфюрера СС, который позволил лингвисту создать в составе «Наследия предков» засекреченный отдел.

Скорее всего, деятельность Шмидт-Рора попала в поле зрения шефа СС, Генриха Гиммлера в 1940 году, когда исследователь подготовил докладную записку о необходимости создания специального тайного лингвистического отдела. Этот документ представляется нам в высшей мере важным, а потому приведем основные положения, изложенные в упомянутой докладной записке. В преамбуле Шмидт-Рор сообщал: «Имеется значительное количество задач, которые вызваны к жизни сутью языка как политической величины. Однако они до сих пор не нашли своего исполнения в унифицированном и квалифицированном виде». Какие же задачи виделись Шмидт-Рору. Их было три:

– сохранение и укрепление немецкой народности в областях соприкосновения с иными народами;

– политическое преобразование Европы, ориентированное на устранение языковых противоречий, что в свою очередь должно было

определяться немецкими интересами;

– после предполагаемой победы над Англией планировалось осуществлять воздействие на 200 миллионов человек, являвшихся носителями английского языка, который даже в «мирных условиях» продолжал бы оставаться важным политическим фактором.

Придуманный Шмидт-Рором «тайный лингвистический отдел» должен был сочетать в себе сразу же несколько функций. Он должен был быть и исследовательской структурой, занимающейся изучением борьбы культур, и информационным центром, в котором должна была обобщаться поступающая из разных частей Европы информация, и ведомством, консультирующим политическое руководство рейха, и отделом, готовящим практические рекомендации по осуществлению пропаганды и формированию массового сознания.

Желая во что бы то ни стало оказаться вовлеченным в сферу реальной политики, Шмидт-Рор писал в своей докладной записке: «Нельзя недооценивать необходимость исследовательской работы. Ни в одной сфере знаний нет такого количества заблуждений, как в лингвистике. Сами борцы за интересы народности нередко являются политически близорукими. Только выверенное научное обоснование может дать понимание того, что действительно приносит пользу и что нужно использовать при выстраивании тактики и стратегии действий. Очевидно, что в деле борьбы за народность одни мероприятия могут быть полезными на одном участке, но вредными на другом. Именно по этой причине необходимо создание центрального лингво-политического учреждения, которое бы выдавало правильные боевые пароли для каждой из сфер деятельности». Судя по всему, Шмидт-Рор был осведомлен о некоторых деталях «борьбы компетенций», то есть внутренних противоречиях, существовавших между отдельными из функционеров Третьего рейха. Этим можно объяснить следующую фразу из докладной записки: «Также власть должна обезопасить это учреждение, так как неизбежно, что оно будет давать распоряжения и призывы, которые некоторыми людьми будут считаться неправильными, которые будут казаться неудобными и неподходящими».

Если создание тайного лингвистического отдела Шмидт-Рор рассматривал как один большой проект, то первоначально работа этой структуры виделась ему в нескольких направлениях, то есть предполагалось реализовать семь подпроектов. Во-первых, Шмидт-Рор планировал сделать немецкий языком международного общения. Особое волнение у немецкого лингвиста вызывало положение английского языка,

который, по его мнению, без особых политических усилий стал мощнейшим инструментом международного влияния. Шмидт-Рор прекрасно понимал, что даже если превратить Лондон в груду развали и оккупировать Великобританию, то в мире все равно оставалось около 200 миллионов человек, говорящих на английском языке. Сугубо директивные запреты едва ли могли дать необходимый результат. По этой причине Шмидт-Рор предлагал начать постепенное вытеснение английского язык с формирования культурных конструкций, которые могли бы вытеснить в массовом сознании такие «мифы», как «американская мечта», «английской образ жизни» и т. п. После предполагаемой победы над Великобританией экспериментальной площадкой для апробирования этих культурных манипуляций предполагалось сделать Ирландию, а затем распространить накопленный опыт на все территории, контролируемые Третьим рейхом. В записке сообщалось: «Уже сегодня базовый английский – это политическая реальность. После военного поражения Великобритании с известной долей вероятности можно ожидать англо-саксонского культурного Ренессанса. А потому мы уже сегодня должны готовиться к тому, чтобы противодействовать этим процессам. Естественно, этими вещами должны заниматься высококлассные специалисты, обладающие природным чутьем и имевшие хорошее представление об англо-саксонском стиле жизни».

Вторым подпроектом должна была стать работа со смешанными этническими группами. Это прежде всего относилось к пограничным территориям. Весной 1940 года Шмидт-Рор уже предлагал свои соображения СД в докладной записке, которая называлась «Переселение и деэтнизация». Далее отдельным подпроектом следовали вопросы правописания. В данном случае речь шла не о немецком языке, а правилах славянских языков, которые должны были поменяться, напоминая формы немецкого языка. Дальнейшие три подпроекта относились к трем европейским территориям: Голландии, Эльзасу и Швейцарии. В отношении Голландии власти Третьего рейха должны были проводить особую политику. С одной стороны, всячески подчеркивать древнее родство немцев и голландцев, с другой стороны, отказывать голландскому языку в самостоятельности, приравняв его к одному из немецких диалектов. В Эльзасе предполагалось осуществить сознательное противопоставление немецкоговорящих и франкоговорящих жителей, что должно было вести к сокращению последних. В Швейцарии планировалось заручиться поддержкой проживавших там немцев, дабы те всячески препятствовали складыванию швейцарского диалекта. Последним подпроектом должна была стать реформа написания немецкого языка.

Новые правила немецкого языка должны были содействовать его распространению в мире. Надо отметить, что реформа немецкого языка была начата уже в современном Евросоюзе в 1996 году. Свою докладную записку Шмидт-Рор заканчивал пафосным воззванием: «Только победа в борьбе за народность, только победа в экономической схватке, только победа в культурно-политическом противостоянии на уровне языка сделает победу нашего оружия величайшим триумфом в мировой истории».

Из истории известно, насколько легко было увлечь Генриха Гиммлера какой-нибудь необычной идеей. Шмидт-Рор в этом отношении не был исключением. К тому моменту, когда на него обратил внимание рейхсфюрер СС у лингвиста уже было более сотни научных и околонаучных публикаций (большая часть из них, равно как и архивы отдела социолингвистики считаются утраченными).

Если посмотреть на хронологию деятельности относительно недолгое время существовавшего отдела социолингвистики, равно как на биографию его руководителя, то могло показаться, что Шмидт-Рор был эдаким «пострелом, который везде успел». Но подобное впечатление – весьма ошибочно. Даже если изучить первую работу, которую Шмидт-Рор написал в 1917 году, то можно увидеть принципиальные идеи, которые будут взяты на вооружение Вайсгербером только двенадцать лет спустя. Работы, посвященные «родной речи», не просто квалифицированные, но содержат в себе множество новаторских подходов и критическая оценка возможна лишь с политической, но не как не научной точки зрения. По сохранившимся свидетельствам организационного руководителя «Наследие предков» Вольфрама Зиверса название «отдел социолингвистики» было во многом условным и даже маскировочным, собственно, как и полагается названием структур, чья деятельность была засекречена. Георг Шмидт-Рор вовсе не сам выдумал этот термин, так как в «Индогерманском ежегоднике» тех лет уже существовала постоянная рубрика «Лингвистическая социология». Шмидт-Рор и эсэсовские исследователи из состава Аненербе отнюдь не занимались изучением речевого разнообразия, как это делали тогдашние языковеды Ганс Науман или Ойген Лерх. Отдел занимался разработкой преимущественно лингво-политических мероприятий, ориентированных на пресловутое «преобразование» Европы. По сути, речь шла об укреплении германской гегемонии на континенте, что должно был обеспечиваться на низовом, речевом уровне. Впрочем, подобного рода политические установки не исключали того, что в некоторой степени в отделе Шмидт-Рора все-таки занимались научным развитием лингвистики, но это было в большей

степени побочным явлением.

Задачи, которые ставились перед секретным отделом социолингвистики, не были четко прописаны в уставе «Наследия предков» или каких-то других официальных документах. Сам Шмидт-Рор по этому поводу не раз отмечал, что он являлся едва ли не любимым научным сотрудником рейхсфюрера СС, который в характерной для него манере мог придумывать задания буквально на ходу. Если же обобщить все то, чем занимался Шмидт-Рор в составе Аненербе, то вырисовывается три больших блока проблем. Во-первых, Шмидт-Рор должен был непременно защитить докторскую диссертацию, что предписывалось сделать всем научным сотрудникам «Наследия предков», по крайней мере, штатным начальникам отделов. Во-вторых, он занимался теоретическим изучением функциональных основ взаимодействия речи и народа (языка и этноса). В-третьих, он готовил практические рекомендации по осуществлению «народной политики» на территории оккупированной Европы.

Как не покажется странным, но больше всего проблем у Шмидт-Рора возникло с защитой докторской диссертации. Во время своих многочисленных поездок по Германии он тщетно пытался найти профессора, который бы согласился хотя бы формально стать его научным руководителем. Для получения докторантуры он сначала обратился к Вайсгерберу и Мицке. Однако Вайсгербер, преподававший в университете Бонна, возглавлял кафедру кельтологии, а Шмидт-Рор не имел к кельтским языкам никакого отношения, по этой причине он не был принят на кафедру даже в качестве сореферента. Неудача ожидала Шмидт-Рора и в Марбурге, где работал Мицка. Этот лингвист был сотрудником ведомства Альфреда Розенберга, которого Генрих Гиммлер рассматривал как главного конкурента в области гуманитарных наук.

Сразу же после этого Шмидт-Рор обратился к берлинскому ученому Пфефферу, специализировавшемуся на изучении иностранных языков, и мюнхенскому этнографу Румпфу. Пфеффер в устной беседе, состоявшейся во время совместной поездки на поезде, ответил отказом. Получение докторантуры в Мюнхенском университете проходило не с меньшими проблемами. По стечению обстоятельств в этом высшем учебном заведении уже получили «укрытие» другие сотрудники «Наследия предков», а именно Бруно Швайцер и Отто Плассман. Появление еще одного «блатника» из состава Аненербе могло взывать откровенное недовольство академических кругов. К разрешению проблемы было решено подключить научного куратора «Наследия предков» профессора Вальтера Вюста, который кроме всего прочего в те годы занимал пост

ректора Мюнхенского университета. 23 октября 1943 года состоялось расширенное совещание, в котором принимали участие Вальтер Вюст, Георг Шмидт-Рор, индогерманист Зоммер, специалист по романским языкам Фосслер и этнограф Румпф. В итоге именно Румпфу было поручено «в кратчайшие сроки» вывести на защиту текст диссертации Шмидт-Рора. Но здесь лингвиста-новатора из «Наследия предков» ожидала неудача. Зоммер всячески препятствовал исполнению этого распоряжение, а потому Шмидт-Рор был вынужден отказаться от сотрудничества с его факультетом. Причина подобного «саботажа», скорее всего, крылась в сугубо личных моментах – еще во время учебы в Йенском университете у Зоммера и Шмидт-Рора произошел конфликт. В одном из писем Шмидт-Рор сообщал организационному руководителю Аненербе Вольфраму Зиверсу, что «профессор Зоммер квалифицировал как ошибочные мои правильные пути решения [обозначенной научной] проблемы».

Защитить диссертацию Шмидт-Рору удалось только с третьей попытки. На этот раз начальник секретного отдела «Наследия предков» решил попытать счастья в Вене, у специалиста по речевой психологии Фридриха Кранца. Нельзя сказать, что этот профессор отнесся с восторгом к поступившему предложению, но на всякий случай решил не искушать судьбу. В ряде отзывов Кранц открыто указывал, что подготовленный Шмидт-Рором тест диссертационного исследования был незавершенным, в нем явно не хватало нескольких глав, кроме этого работа во многих моментах носила откровенно политический и даже пропагандистский характер. Но поскольку в 1943 году не существовало четких критериев, которые бы можно было применить при оценке работ по социолингвистике, Фридрих Кранц подписал ходатайство о предоставлении докторантуры Георгу Шмидт-Рору. Тот не стал профессором только по причине того, что в конце войны пропал без вести.

В период с 1943 по 1945 году Георг Шмидт-Рор «породил» необычно большое количество документов, которые обладали едва ли не программным характером. Чтобы понять, какие задачи стояли перед отделом «Наследие предков», чья работа была засекречена, приведем краткий перечень упомянутых выше документов:

Меморандумы и докладные записки по актуальным лингво-политическим проблемам:

– «Использование труда чужеродных рабочих» (март 1943 года)

– «Задачи отдела социолингвистики» (для эсэсовских сотрудников Имперского министерства науки, июнь 1943 года)

– «Задачи народного руководства по отношению к народной речи» (1 июня 1943 года)

– «Утверждение немецкой народной жизни через дух, душу и обычаи» (сентябрь 1943 года)

– «Письмо о немецком языке» (27 июня 1944 года)

– «Письмо о событиях 20 июля 1944 года»

– «Немецкая жизнь через немецкий язык» (июль1944 года)

– «Сравнение проблемы дезертирства в 1919 году и 1944» (октябрь 1944 года)

– новый меморандум об отделе социолингвистики (декабрь 1944 года)

Научно-популярные работы:

– «Книжка для солдатского ранца» (ноябрь 1943 года)

– «Комплексный букварь» (август 1944 года),

– Брошюры и материалы для «Направляющих тетрадей СС»

– «Становление человека и речь»

– «На границе между человеком и животным – народ и речь»

– «Незримая языковая борьба в народной жизни»

– «Плановое языковое противостояние».

– «Духовная мобилизация для борьбы во имя сохранения немецкой языка»

– «Литературный язык и диалекты»

Научные работы (до конца войны Шмидт-Рор работал над четырехтомником, который носил условное название «Что значит язык для народа»). Том первый: «Язык как политический фактор силы в борьбе за существование народа». Том второй: «Достижения и честь немецкого языка. Задачи по их более действенному оформлению в народной жизни». Том третий: примечания к первым двум томам. Том четвертый: «Суть грамматических форм и их значение для человеческого мышления и человеческого жизнеутверждения». Первые два том должны были быть изложены в популярной форме, доступной для рядового читателя. А третий и четвертый тома переназначались сугубо для специалистов, ученных и исследователей. К концу 1944 года Шмидт-Рор подготовил текст первого и третьего томов, что составляло приблизительно 600 страниц текста. Не исключено, что указанный четырехтомник в основных своих моментах должен был дублировать текст диссертации, над которой трудился Шмидт-Рор. Кроме того, в 1945 году он сообщал Вальтеру Вюсту как научному куратору «Наследие предков» о работе над рукописью «общее языкознания

и новое построение грамматики».

Среди обнаруженных профессором Гердом Зимоном документов, которые вышли из-под пера Шмидт-Рора, наиболее показательным является упоминавшаяся выше докладная записка «Утверждение немецкой народной жизни через дух, душу и обычаи». Она была написана в сентябре 1943 года и уже в первых числах октября оказалась на столе у организационного руководителя «Наследие предков» штандартенфюрера СС Вольфрама Зиверса. Документ интересен хотя бы с той точки зрения, что в нем дается характеристика различным ведомствам и министерствам Третьего рейха. Однако открытая критика прозвучала только в адрес Имперского министерства пропаганды и народного просвещения, которое возглавлял Йозеф Геббельс. Предполагалось, что Генрих Гиммлер мог скорректировать общее направление политики, проводившейся на территории оккупированной Европы. Как бы заранее страхуясь от непредвиденных последствий, которые могло вызвать появление этого документа, Георг Шмидт-Рор заявлял, что писал докладную записку с «чувством подавленности и великого внутреннего смущения». В записке не обошлось и без некоторых заискивающих пассажей. В частности, Шмидт-Рор писал: «Мне сообщали: рейхсфюрер СС с самой великодушной терпимостью, что редкость для человека такого ранга, готов выслушивать самые неудобные мнения и неприятную правду, даже если он сам не разделяет подобной точки зрения. Нередко он выказывает благодарность людям, которые набрались мужества и сообщили ему эту колющую глаз правду. И если я не ошибся в этих важных предпосылках, то имеет смысл дать ход моей докладной записке и предоставить ее рейхсфюреру СС. В ней я не столько сообщаю неудобную правду, сколько даю краткий обзор самого неудовлетворительного состояния дел. Все мои мысли и устремления направлены на то, чтобы укрепить мощь национал-социалистического государства, совершенствовать его внутренние, нравственно-духовные силы. Мне не хотелось бы подвергать себя опасности, если мои самые благородные намерения будут неверно истолкованы. Однако при необходимости я готов взять на себя ответственность за изложенное [в докладной записке]. Было бы непросительно, если бы я в нынешнем положении не попробовал применить на практике знания и навыки, которыми я обладаю».

Если текст докладной записки изучить без прилагающего к ней сопроводительного письма, отрывок из которого мы привел выше, то ее можно было бы трактовать как некий акт протеста. Мол, ключевые фигуры Третьего рейха должны сами подавать пример, чтобы вести за собой народ.

Однако если рассмотреть проблему в целом, то можно увидеть, что речь шла попытке создать «другую Германию», то есть намерении осуществить общественно-политическую мимикрию, чтобы Германия и далее могла господствовать на континенте, «преобразуя» Европу и выстраивая собственный Евросоюз. Свою программу действий Шмидт-Рор изложил в тринадцати пунктах критики сложившей обстановки:

1. «Широкое распространение получила самая бесцеремонная коррупция, что рано или поздно должно вызвать к жизни протестное молодежное движение».

2. Недостаток благородства и широты натуры. «Повсеместно проявляется мелочность, что вымещается на женщинах и детях – это недопустимо, даже если речь идет о представителях низших рас».

3. Явный недостаток послушания. «Вместо хладнокровного мужества мы можем наблюдать неуместную молодцеватость и дезориентированный героизм, что нередко выливается в неисполнение приказов».

4. Процветающее сексуальное распутство. «Воздержанность в половом отношении предписана только простым людям».

5. Молодежь в национал-социалистических орденсбургах воспитывается неправильным образом. Шмидт-Рор предлагал ввести «спартанскую систему». В частности, он обрушивался с критикой на пропагандистские фильмы, как вызывающие у рядовых людей обратную реакцию.

6. Программа рационализации в сельском хозяйстве Третьего рейха. Он рассматривал проблему исключено с военной точки зрения, точнее говоря, с точки зрения экономики военного периода: «Необходима предельная рационализация человеческого труда, чтобы в случае войны мужчин можно было призвать в армию. Работу нескольких мелких мельниц можно компенсировать работой одной большой, а высвободившихся мельников поставить под ружье».

7. Явный недостаток форм и явлений, который бы вызывали восхищение за рубежом. «Упрямое повторение: «большой противник – много уважения» – на практике оказывается паролем политической беспомощности, которая ведет к подрыву немецкой силы».

8. Отказ от немецкого написания и готического шрифта. Шмидт-Рор полагал это кардинальной ошибкой. Он приравнивал этот шаг как «отречению от нашего культурного наследия и отказу от отстаивания немецкой нацией собственных прав».

9. «Наистрашнейшую угрозу для действительно плодотворного и полезного жизненного мышления представляет доктринерство,

проявляющееся, например, в навязывании готовых мировоззренческих формул». В этой части Шмидт-Рор даже рискнул похвалить пакт Сталина-Риббентропа: «Мы должны идти хоть с дьяволом, хоть против дьявола, если это в интересах Германии».

10. Шмидт-Рор предупреждал о невозможности укрепления германской гегемонии в Европе только лишь силовым путем. «Нельзя захватить разнообразно пестрый мир только посредством эскадрильи бомбардировщиков и концентрационных лагерей».

11. «Топорная работа» министерства пропаганды. «Там даже не всегда утруждают себя тем, чтобы спрятать ниточки, при помощи которых они управляют своими марионетками».

12. Партия с «бюрократизмом» стала «олицетворением несправедливости».

13. Руководство партии и государства лишило науку свободы выбора. Предложение Шмидт-Рора по этому поводу звучало следующим образом: «Науке – истинная свобода: народу – убедительная и безмятежная иллюзия свободы».

Создание «убедительной иллюзии» планировалось Шмидт-Рором еще в 1933 году. Сразу же после прихода Гитлера к власти он написал: «Человек из народа не должен хоть в какой-то мере определять политические мероприятия, осуществляемые руководством, он даже не является субъектом политики в полном смысле этого слова. Но этот человек из народа должен чувствовать себя не только объектом, но и субъектом политики». Эти принципы были воплощены в жизнь не в Третьем рейхе, а десятилетия спустя. Можно однозначно утверждать, что в современном Евросоюзе политическое лицемерие, заповедное Шмидт-Рором, достигло своего апогея.

Вольфрам Зиверс передал докладную записку личному референту рейхсфюрера СС Рудольфу Брандту, который кроме всего прочего также являлся заместителем Генриха Гиммлера как Президента «Наследия предков». Сохранился черновик ответа, который был подготовлен Брандтом. В нем он просил Шмидт-Рора смягчить формулировки. Однако неизвестно беседовали ли по этому поводу Гиммлер и Шмидт-Рор. Неизвестно также видел ли Гиммлер указанную докладную записку. В любом случае Шмидт-Рор сообщал в одном из писем Брандту: «Я не шарлатан и не могу обещать, что смогу изменить судьбу страны. Я лишь обязуюсь со всем усердием помочь справиться ей со своей судьбой, если вообще в человеческой власти хоть как-то влиять на эти роковые процессы».

Прежде чем завершить рассказ о Шмитд-Роре надо отметить, что многие из его идей оказались реализованными в современной Европе: была проведена реформа немецкого языка, Германия изменила свой облик, но все так же стремится к доминированию на континенте. Оказались услышанными и рекомендации в отношении России. В самом начале Второй мировой войны Шмидт-Рор предлагал провести «лингво-политическую фрагментацию русской империи» (судя по всему, он никак не мог отказаться от терминологии, которую использовал еще в 1917 году). Шмидт-Рор признавал, что сугубо силовое воздействие едва ли могло сломить русских людей, а потому предлагал подорвать их единство изнутри. В качестве площадки для реализации пробной программы предлагалось использовать территорию Украины. В данном случае Шмидт-Рор настаивал на реализации следующих мероприятий: 1) сотворение литературного украинского языка; 2) создание украинской письменности; 3) создание специального украинского алфавита; 4) выработка специального украинского правописания; 5) формирование искусственной украинской лексики. Во всех этих пунктах важным являлось то, что все они, начиная от лексики, заканчивая алфавитом, должны были быть максимально отличными от русских. Если прибегнуть к научным терминам, то Шмидт-Рор был одним из инициаторов программы планомерного лингвоцида русского языка на территории Украины. В годы Второй мировой войны планам Шмидт-Рора не удалось сбыться, но они в полной мере были реализованы нынешним руководством Европейского союза, которое всячески способствовало началу гражданской войны на Украине.

Приложения

Документ 1. Из директивы Йозефа Геббельса от 15 февраля 1943 г. рейхсляйтерам, гауляйтерам и руководителям областных отделов пропаганды

В своем обращении по поводу 30 января 1943 года фюрер прямо указал на значение национал-социалистской борьбы в прошлом, настоящем и будущем не только для Германии, но и для всей Европы:

«Только сегодня… мы полностью осознаем, что стало бы с Германией и со всей Европой, если бы 30 января 1933 года Провидение руками рейхспрезидента и генерал-фельдмаршала фон Гинденбурга не передало власть национал-социализму. (…)

Что стало бы с германским народом и с Европой, если бы 22 июня 1941 года, в последнюю минуту, новый германский вермахт не заслонил своим щитом континент? Кто поверит, что смехотворные гарантии и такие же никчемные бумажные заявления англосаксонских государственных деятелей спасли бы мир от нападения державы, которая, как это преспокойно пишут сейчас американские корреспонденты, в течение двадцати лет имела одну-единственную цель… напасть на Европу и уничтожить ее культуру. (…)

…Так и сейчас есть только две альтернативы: либо победу одержит Германия, германский вермахт, союзные с нами страны и, следовательно, Европа, либо с Востока на старейший культурный континент хлынет центральноазиатско-большевистская волна, разрушая и истребляя все на своем пути, точно так же, как это уже было в самой России».

Отсюда вытекают следующие ясные требования, которые должны учитываться в речах, статьях и прочих публикациях, касающихся обращения с европейскими народами, живущими за пределами Германии, включая народы Востока, а также планов Рейха на Востоке:

1. Для победы должны быть мобилизованы не только все наличные и находящиеся в нашем распоряжении силы немецкого народа, но и силы тех народов, которые населяют страны, оккупированные или завоеванные нами в ходе войны. Все силы Европейского континента, а следовательно, в первую очередь народов Востока должны быть брошены на борьбу против еврейского большевизма.

2. Поэтому вся пропагандистская работа НСДАП и национал-

социалистского государства должна быть направлена на то, чтобы разъяснить не только германскому народу, но и остальным европейским народам, включая народы оккупированных восточных областей и стран, еще находящихся под большевистским господством, что победа Адольфа Гитлера и германского оружия отвечает их коренным интересам.

3. Поставленная задача не допускает, чтобы эти народы, особенно население Востока, прямо или косвенно подвергались унижениям и оскорблению их внутреннего достоинства, особенно в публичных выступлениях или в печати.

Нельзя называть этих людей, представляющих народы Востока, которые надеются, что мы принесем им освобождение, бестиями и варварами, и ожидать, что они будут заинтересованы в победе Германии…

4. Точно так же неуместно представлять будущий Новый порядок в Европе в таком виде, чтобы у других народов могло возникнуть впечатление, будто германское руководство намерено держать их в постоянном подчинении.

Высказывания о том, что Германия создаст на Востоке колонии и будет проводить колониальную политику, что она рассматривает страну и ее население как объект эксплуатации, совершенно неуместны. Они только предоставили бы советской пропаганде желанную возможность утверждать, будто Германия ставит народы Востока на одну доску с неграми. Это имело бы следствием только усиление воли народа и советских войск к сопротивлению германскому вермахту и Германскому рейху.

5. Так же неуместно говорить о новых немецких поселениях, особенно о крупных, а также об отчуждении земель или писать теоретические статьи на тему, следует ли германизировать народы или земли. Именно национал-социалистский принцип, что германизирована может быть только земля, и так уже стал использоваться вражеской стороной как доказательство того, что гигантское выселение народов провозглашено как план Рейха. Нельзя давать вражеской, особенно советской, пропаганде повод для такого истолкования, поскольку и здесь результатом было бы усиление воли народов Востока к сопротивлению.

Тем более нельзя обсуждать вопрос о высылке коренного населения.

6. В противоположность этому при каждой представившейся возможности следует подчеркивать стремление к свободе, волю к борьбе против большевистского террористического режима, воодушевляющую угнетаемые Советами народы, их солдатские доблести, а также их трудолюбие. В качестве примеров нужно приводить участие восточных

народов в национальных воинских частях, как это уже было подчеркнуто в сводке Главного командования вермахта, сообщения о труде восточных рабочих на территории Рейха, а также о работе восточных народов на промышленных или сельскохозяйственных предприятиях своей родины под немецким руководством, которые вносят свой вклад в победу, в вооружение Германии и в обеспечение урожая.

7. Оккупированные восточные области после их планомерного разрушения большевизмом (в соответствии с приказом Сталина о выжженной земле) восстанавливаются под немецким руководством. При богатствах тамошней земли это обеспечивает Германии, всей Европе, а тем самым и народам, живущим на Востоке, изобилие продовольствия и сырья и социальный подъем на все грядущие времена.

Таким образом, нужно избегать всего, что может поставить под угрозу необходимое для победы сотрудничество всех европейских народов, и особенно народов Востока. Каждый промах только дал бы советской пропаганде повод постоянно ссылаться на свидетельства ведущих деятелей Рейха, которые якобы поставили перед собой цель поработить народы Востока. Поэтому осторожность в высказываниях поможет сохранить германскую кровь и завоевать победу.

В полном согласии с руководителем партийной канцелярии [Мартином Борманом] я прошу строжайше учитывать все эти выводы из директив фюрера во всей партийной работе, особенно в пропаганде.

Все замечания, касающиеся народов Востока, соответствуют переданным высшим имперским инстанциям директивам имперского министра по делам оккупированных восточных территорий [Альфреда Розенберга] о позиции всех ответственных органов по вопросу о политике на Востоке, в особенности об обращении с народами Востока».

Документ 2. Директивы Иоахима фон Риббентропа от 5 апреля 1943 г. о работе Комитета по делам Европы.

1. Главная задача Комитета на нынешнем этапе войны заключается в сборе материалов и подготовке документов, которые будут нужны для урегулирования вопросов Нового порядка в Европе в момент окончания войны. Поэтому разработка определенных планов общего устройства будущей Европы пока должна быть отложена. Исходить нужно из того, что в будущем между Великогерманским рейхом и отдельными европейскими странами будут установлены связи – частично довольно тесные, частично более свободные, которые не укладываются в единую схематическую

формулу. Для каждой отдельной страны и для каждого народа в надлежащее время придется принимать особое решение. Однако уже сейчас совершенно ясно, что будущая Европа сможет существовать только в том случае, если будет полностью утверждено господствующее положение Великогерманского рейха. Следовательно, обеспечение этого господствующего положения должно рассматриваться как основа будущего Нового порядка. Далее особую важность приобретает рассмотрение тех комплексов вопросов, которые можно разрешить в рамках общеевропейского урегулирования.

2. Пропагандистское освещение европейского вопроса должно в первую очередь идти в том направлении, чтобы в подходящих случаях мы в общих чертах формулировали нашу цель следующим образом: она состоит в создании справедливого Нового порядка, который даст европейским народам обеспеченное существование в рамках тесной экономической и культурной общности и без посторонней опеки. О подробном обсуждении политической структуры будущей Европы пока не может быть и речи. Если кто-то пожелает огласить принципы построения этой структуры, то в агитационных целях они должны идти навстречу стремлению народов к максимально самостоятельной и независимой государственности и содержать обещания в этом духе, в то время как уже сейчас совершенно ясно, что как раз наоборот: безопасность будущей Европы перед лицом угрозы извне сделает неизбежными ограничения независимости и потребует жертв от каждой отдельной страны. К тому же сложная государственная и национальная структура Европы не позволяет руководствоваться здесь принципами, одинаковыми для всех стран.

Поэтому мы должны сначала ограничиться тем, что пообещаем разным народам предоставление каждому из них подобающего места в будущей Европе. Однако от всякого более углубленного обсуждения этого вопроса вообще следует воздержаться.

3. Весьма действенным средством для подготовки европейских народов к пониманию необходимости будущего Нового порядка уже сейчас является соответствующее использование озабоченности, которую порождает во всех странах мысль о проникновении большевизма в Европу. Чем явственнее становится намерение Советской России в случае победы союзников в Европе допустить существование только тех правительств, которые будут приемлемы для Москвы, то есть большевистских, и чем отчетливее делается понимание того факта, что только германский вермахт может отвести эту угрозу, тем быстрее во всех странах будет укрепляться понимание мер, связанных с установлением европейского Нового порядка,

который призван прежде всего предотвратить возникновение такого опасного положения также и в будущем. Точно так же следует подчеркивать необходимость изоляции западных держав в интересах обеспечения мира в Европе, то есть Англии и Америки – от Европы, и пресечения в будущем их вмешательства. Поэтому разъяснение военных целей наших врагов, и прежде всего Москвы, – это самая лучшая пропаганда, какой мы можем воспользоваться в настоящее время, для того чтобы усилить понимание мер, необходимых для будущего Нового порядка в Европе; Европа должна быть организована таким образом, чтобы подобное опасное положение не могло повториться. Следовательно, нет нужды особенно подчеркивать в пропагандистских целях те выводы, которые можно сделать из нынешней кризисной ситуации, когда речь идет о будущем устройстве Европы. Чем более удастся побудить общественное мнение в отдельных странах сделать эти выводы самостоятельно, тем лучше.

Документ 3. Предложения Ганса Фровейна от 7 июня 1943 г.

Основные идеи плана для новой Европы.

Чем больше военная ситуация приближается к своему разрешению, тем ближе время, когда нужно конкретизировать задачи и начать осуществление нашего плана установления Нового порядка в Европе. В пропагандистском отношении наши противники с их планами на послевоенный период находятся в невыгодном положении, потому что они не могут предложить миру ничего нового, а также потому, что их раздоры, несмотря на все попытки их завуалировать, становятся все более очевидными. Использование вытекающих из этого пропагандистских выгод для нас имело бы важное военное значение.

План должен быть реальным. Пропагандистский элемент, в зависимости от формы применения, может присутствовать лишь в изложении принимаемых всерьез основных идей этого плана. Сам план должен быть таким, чтобы он выдержал любое трезвое рассмотрение ответственных правительств.

Для того чтобы быть убедительным и привлекательным, план должен учитывать стремление народов к миру, справедливому разрешению национальных проблем, экономическому и социальному благополучию.

Ниже излагаются основные идеи плана – схематически, без пропагандистской и политической аргументации, в самой краткой форме. Более подробное развитие идей потребовало бы более точного

рассмотрения отдельных вопросов с участием специалистов по различным проблемам.

I. Основные принципы.

План Нового порядка в Европе должен строиться на историческом фундаменте, однако с учетом новых идей национал-социализма.

Прочная историческая основа для нынешней Европы заключается в общей старой культуре и в обусловленном самой судьбой сосуществовании на тесном пространстве самостоятельных разноязычных народов, которые обладают четким национальным самосознанием, которым нужно организоваться, защититься, а в случае необходимости и обороняться от напора характерных для новейшего времени интервенционистских и экспансионистских сил двух чуждых континентов.

Идеи национал-социализма, которые должны быть использованы при установлении Нового порядка в Европе, – это принцип руководства в смысле отношений взаимной верности (в противоположность старым понятиям гегемонии и империализма), принцип достижений (в смысле исторических заслуг народов и их достижений в нынешней войне), принцип органического порядка в противоположность анархическому состоянию формального равенства всех государств и, наконец, принцип народности, имеющий решающее значение в вопросах национальных групп и в еврейской проблеме.

II. Политическое и военное устройство Европы.

(а) Политическое и военное устройство Европы рассматривается как единое целое. То и другое заведомо тесно связано. Должен быть создан здоровый и жизнеспособный костяк Европы, прежде чем устои ее жизни смогут обрести реальные формы. Это возможно лишь путем индивидуального, органического упорядочения отношений отдельных народов и государств между собой.

Становой хребет образует Стальной пакт между Германией и Италией и Тройственный пакт. Эти основы развиваются дальше путем хорошо сбалансированного военно-политического включения других европейских стран и превращаются в полностью умиротворенную европейскую общность – для коллективного строительства внутри и для солидарного отпора опасностям, угрожающим извне – и притом на добровольной основе.

(б) Из геополитических факторов Европы вытекает – без ущерба для задач, которые нужно разрешить совместно, – необходимость

региональных членений. Сильнейшим из них является Великогерманский рейх с тяготеющими к нему германскими и «субгерманскими» народами (восточными и юго-восточными). Организация этого силового поля, на которое возлагаются прежде всего задачи обеспечения безопасности Европы от непосредственных восточных соседей, а также защиты всей Северной Европы, должна учитывать разнообразие фактических отношений в этом районе. Различные формы примыкания к Великогерманскому рейху (в чем должна участвовать также Италия) располагаются между двумя полюсами: от включения в состав Рейха при отказе от международно-правовой дееспособности во внешних делах (тип Протектората Богемия и Моравия) до эластичных связей в форме военно-политических договоров при сохранении их собственных дипломатических представительств и т. д. Главными элементами, из которых – в зависимости от ситуации в каждом отдельном случае – могут состоять договоры по военно-политическим вопросам, являются: единство основных принципов внешней политики, взаимная информация и консультации по политическим вопросам, военная помощь в случае военных конфликтов с внеевропейскими государствами (возможно, и с периодическими совещаниями генеральных штабов) и, если это потребуется для данной цели, создание совместных общеевропейских военных сооружений, например опорных пунктов и укреплений.

Кроме области Великогерманского рейха, имеется область Средиземноморья. Здесь ведущее положение занимает Италия, поэтому она должна позаботиться о политическом и военном устройстве этого района с участием Германии. Здесь важную роль играет подключение Африки к Европе в качестве ее естественного и необходимого дополнения, тем более что Италия имеет там территориальные права и претензии в крупных масштабах (империя).

Третий район – Атлантика. Здесь может иметь место урегулирование путем индивидуальных договоров держав оси с атлантическими странами Европы. При этом для Иберийского полуострова будет иметь значение не только роль стража у ворот из Атлантики в Средиземное море, но прежде всего переход в Африку и разрешение тамошних колониальных задач. Функции Франции в Европейско-Африканской зоне будут в основном определены заключением мира с державами оси и связанными с этим территориальными решениями. Какую роль будет играть в атлантическом районе и в Африке Англия, сейчас определить нельзя. Это зависит от того, будет ли после войны налицо новая Англия, готовая включиться в Новый европейский порядок, отказавшаяся от своих старых претензий на

господство в Европе и от своих обычных методов его обеспечения.

Путем заключения специальных договоров будет урегулирован вопрос о политическом и военном устройстве Африки как совместного владения европейских народов. При этом следует прежде всего перестроить заново территориальные отношения колониальных областей Африки или закрепить их, если они будут сохранены в прежнем виде, а также урегулировать основные проблемы, касающиеся туземцев.

Особого политического урегулирования требуют, далее, проблемы Ближнего Востока с Турцией в качестве его связующего звена с Европой и стража Проливов, а также Египтом, обеспечивающим связь с Африкой и выполняющим задачи опекуна Суэцкого канала. Политическое устройство Ближнего Востока следовало бы передать в руки тамошних стран как независимых национальных государств, которые сами должны определить форму своего объединения. Европа должна солидарно следить за тем, чтобы никакие чуждые этому району державы не вмешивались в дела Ближнего Востока, а также чтобы ограждались ее политико-экономические интересы (нефть).

III. Отношения Европы с другими континентами.

(а) Важным принципом плана для Европы должно быть требование, чтобы Европа и любое входящее в ее состав государство не вмешивались в дела чужих континентов и не стремились к приобретению там политических или военных выгод. С другой стороны, любое вмешательство, а также приобретение другими континентами любых политических или военных выгод в Европе и Африке должны быть исключены. Любому такому вмешательству и любому такому нападению должен быть противопоставлен солидарный отпор всей Европы.

(б) Наряду с принципом невмешательства европейские страны должны соблюдать принцип наибольшего благоприятствования по отношению друг к другу перед лицом неевропейских государств; этот принцип будет применяться главным образом в экономической области. В остальном отношения Европы, включая и ее владение – Африку, с другими континентами будут регулироваться в соответствии с обычными правилами, принятыми в сфере межгосударственных связей, на основе принципа, который гласит, что Европа желает жить с ними в мире и дружбе и развивать торговые связи и культурный обмен, взаимовыгодные для всех участников.

(в) Поскольку в момент окончания войны еще будут существовать территориальные владения европейских держав на других континентах,

заботы о них следует рассматривать как особые дела самих этих держав; другие европейские державы не берут на себя их защиту. Конфликты, возникающие в связи с существованием таких владений, могут интересовать Европу в целом лишь в тех случаях, когда они угрожают перерасти в нападение неевропейских держав на европейские и африканские области.

IV. Обеспечение мира внутри Европы.

(а) Сохранение мира внутри Европы будет обеспечено путем заключения Европейского мирного пакта, который зафиксирует не только обычные процедурные правила мирного урегулирования спорных вопросов, но и некоторые практические принципы. Сюда относятся:

1. Независимость и свобода всех европейских стран, добровольно сплотившихся в более тесное сообщество.

2. Право каждой отдельной страны строить свою национальную жизнь по собственному усмотрению, однако с учетом обязательств по отношению к европейскому сообществу.

3. Свобода в развитии отношений европейских стран между собой постольку, поскольку при этом будут соблюдаться рамки европейской солидарности и европейских обязательств.

4. Свобода в развитии отношений с неевропейскими странами – в той мере, в какой они будут совместимы с европейской солидарностью и европейскими обязательствами.

5. Невмешательство европейских стран в дела неевропейских государств и, соответственно, недопущение всякого вмешательства неевропейских держав в европейские дела.

6. Все спорные вопросы между европейскими странами улаживаются мирным путем. Любой вопрос, который грозит помешать добрососедству, может быть разрешен мирным способом.

7. Если угроза добрососедству создается в результате того, что границы расселения отдельных народов не совпадают с государственными границами, добиваться такого совпадения следует по возможности путем мирного соглашения либо путем переселения. В случае, если это невозможно, самобытное существование национальных групп, живущих вместе с другой народностью на одной государственной территории, обеспечивается действиями государственной власти, если необходимо – в договорном порядке.

8. Ответственность каждой страны за то, чтобы на ее территории не имели места действия, несовместимые с европейской солидарностью и

европейскими обязательствами.

(б) При составлении процедурных предписаний Мирного пакта могут быть использованы образцы и опыт довоенных лет. При возникновении юридических споров наряду с простым посредничеством следовало бы предусмотреть привлечение Европейского суда, а для устранения конфликтов, возникающих при столкновениях интересов вне юридической сферы» – обращение к Третейскому суду, решения которого будут обязательны для обеих сторон. Европейские государства, призванные исполнять роль третейского судьи, должны брать на себя обязательство добиваться с помощью всех имеющихся у них средств воздействия выполнения вынесенного решения. Таким образом будет еще раз подтверждена главенствующая роль ведущих держав.

V. Еврейский вопрос.

Важной составной частью умиротворения Европы является урегулирование еврейского вопроса. Путем заключения европейской конвенции будут разработаны необходимые предписания по этой части, а также будет создана организация, которая и обеспечит проведение этих предписаний в жизнь. Организация должна существовать, по крайней мере, до тех пор, пока вопрос не будет решен путем полного удаления еврейского элемента из Европы.

VI. Экономическая организация Европы.

(а) В то время как в военно-политической области и в вопросах сохранения мира следует избегать создания ассамблей государств по образцу Лиги Наций, в экономической области система конференций целесообразна. При этом европейскую экономику нужно рассматривать в самом широком плане, включая сюда также трудовые и социальные вопросы. Постоянный Европейский экономический конгресс, руководимый и по мере надобности созываемый его президиумом, состоящим из представителей ведущих держав и некоторых других стран, должен подразделяться на конференции по:

– торговле и промышленному производству,
– финансам и валюте,
– трудовым и социальным вопросам,
– проблемам продовольствия, а также сельского и лесного хозяйства.

Обязательным условием участия в этой организации для каждого государства должно быть его членство в европейской мирной организации.

(б) Задача Экономического конгресса и его конференций, а также их

комитетов заключается в подготовке и проведении в жизнь европейских экономических конвенций, которые будут регулировать экономические проблемы Большой Европейско-Африканской зоны с точки зрения ее стойкости на случай блокады, например:

1) товарообмен по принципу предпочтительных тарифов для европейских стран по сравнению с неевропейскими– с позднейшей целью создания европейского таможенного союза:

2) европейский централизованный клиринг и твердые внутриевропейские валютные отношения – с позднейшей целью создания европейского валютного союза;

3) выравнивание условий труда и социального обеспечения– в смысле подъема их уровня;

4) долгосрочное планирование производства в области промышленности, а также сельского и лесного хозяйства.

В рамках европейских экономических конвенций и связанных с ними целей каждая отдельная европейская страна имеет право строить свои экономические отношения с другими европейскими странами по своему усмотрению. В развитии своих экономических отношений с неевропейскими странами каждое европейское государство тоже будет пользоваться свободой – в той мере, в какой оно не будет связано европейскими конвенциями, особенно принципом европейских преференций.

(в) Наряду с Европейским экономическим конгрессом и его специальными конференциями для отдельных областей деятельности в определенных странах и под их эгидой будут созданы европейские специальные ведомства или институты (европейское ведомство труда, европейский институт сельского хозяйства и т. д.), которые будут связаны только общими директивами и заданиями, исходящими от Экономического конгресса или его конференций, а в остальном сохранят автономию. Их задача – сбор и проверка специальных материалов, изучение новых идей, разработка заключений, дача справок, составление статистических данных и т. п.

VII. Организация по вопросам транспорта.

По такому же образцу строится и организация по вопросам транспорта в Большой Европейско-Африканской зоне. Однако для этой цели достаточно создать постоянную Европейскую конференцию по вопросам транспорта с комитетами по отдельным специальным отраслям (железные дороги, водные пути, автомобильные дороги, организация автомобильных

сообщений, строительство каналов, воздушный транспорт и т. д.). Здесь также целесообразно создать специальные ведомства и институты по отдельным областям.

VIII. Культурное сотрудничество.

Для развития культуры, протекающего в основном в национальных рамках, нет необходимости создавать такую широкую организацию, какая намечается вобласти экономики и транспорта. Для руководства обменом культурными ценностями и опытом достаточно специальных ведомств и институтов. Пожалуй, можно также обсудить и вопрос о создании палат (например, европейской палаты кино), которые будут непосредственно объединять представительства отдельных стран по профессиям. Конференции с участием представителей правительств нужны лишь в той мере, в какой придется разработать специальные европейские конвенции, например в области авторского права, права переводов и т. д.

IX. Пресса.

Большое политическое значение прессы связано в первую очередь с задачами политической организации. Обеспечение работы прессы в духе европейской солидарности и с учетом европейских обязательств является в отдельных странах задачей государственного руководства, вытекающей из политических договоров и принципов Европейского мирного пакта. Возможные расхождения во мнениях по поводу позиции прессы в отдельных странах должны улаживаться в соответствии с процедурой, предусмотренной Мирным пактом. Однако было бы целесообразно создать, кроме того, специальную организацию в форме Европейского института прессы, а возможно, и Европейскую палату прессы.

X. Воспитание.

Воспитание молодежи в новой Европе тоже будет строиться главным образом на национальной основе. Поэтому оно не может быть предметом деятельности единой европейской организации. То обстоятельство, что оно должно вестись в духе европейской солидарности – точно так же, как и работа прессы, – делает его в первую очередь политической проблемой, которую следует рассматривать в свете политических договоров и Мирного пакта. Но и здесь создание европейского специального института для обмена опытом, сбора статистических данных и т. д. было бы целесообразно. Кроме того, должна быть создана единая организация европейской молодежи, которая служила бы в первую очередь делу

взаимопонимания между народами Европы в духе европейской солидарности.

Документ 4. Записка посланника Сесиля фон Ренте-Финка от 9 сентября 1943 г.

1. Мы идем в авангарде великой битвы за будущее Европы, за установление нового, лучшего порядка, при котором все европейские народы займут заслуженное и достойное место. До сих пор мы избегали выступать с конкретными предложениями по европейскому вопросу. Не подлежит, однако, сомнению, что вопрос о планах Германии относительно Европы глубоко волнует европейские народы и решающим образом определяет их позиции. В то же время обстановка настоятельно требует крайнего напряжения всех сил Европы для достижения нашей победы. Отсюда вытекает необходимость разработать план нового устройства Европы, который дал бы европейским народам стимул содействовать своим трудом нашей победе и рассеял бы их опасения, что после победы Германия будет пользоваться своим могуществом, не считаясь ни с кем.

2. Если бы мы теперь выдвинули идею создания конфедерации самостоятельных наций, основанной на их добровольном сотрудничестве, то это, безусловно, укрепило бы доверие европейских народов к нашей политике и повысило бы их готовность подчиниться нашему руководству и трудиться ради нашей победы. Те самые силы в Европе, которые боятся большевизма, но опасаются и Германии, уже не испытывали бы соблазна поглядывать в сторону англосаксов, объединившихся с большевиками. Четкий лозунг для Европы (а создание Европейской конфедерации государств и является таковым) дал бы возможность рекрутировать в завоеванных странах больше людей в войска СС в качестве дополнительного резерва для нашей борьбы. Мы создали бы основу для конструктивного плана, который открыл бы возможности для позитивной и действенной пропаганды. Мы усилили бы замешательство наших противников, так как они не в силах противопоставить нашему плану ничего равноценного. Мы могли бы с успехом указывать на полную неопределенность военных целей противников и их разногласия в этом отношении, поскольку притязания отдельных враждебных нам государств скрещиваются и даже являются диаметрально противоположными. Мы могли бы в большей степени использовать ошибки противника в обращении с малыми народами.

3. Надо полагать, что факт объединения и умиротворения Европы

возбудил бы в англосаксонских странах, в первую очередь в США, стремление прекратить войну, так как в этих условиях она оказалась бы бессмысленной. Боевой дух англичан и американцев был бы ослаблен, если бы у них сложилось впечатление, что они не освобождают европейские государства, а воюют против объединившейся Европы. Во внутренней политике это было бы для Рузвельта тяжелым ударом, который мог бы повлиять на его шансы на переизбрание. Антигерманская пропаганда, как в США, так и в Англии, лишилась бы главных своих аргументов, и, напротив, оппозиционные группы в обеих странах смогли бы выдвинуть убедительные доводы, например: то, что свершилось в Америке (объединение штатов), не может быть запрещено в Европе. Объединение европейских народов действительно стало бы событием величайшего политического значения. Оно неизбежно оказало бы также серьезное воздействие на Советский Союз, который увидел бы, что ему противостоит весь Европейский континент в целом.

4. *Франция*. Оценка консолидации нашего континента за границей в решающей степени зависит от отношения к ней Франции, которая оказывает чрезвычайно сильное влияние на формирование мирового общественного мнения. Лаваль, несомненно, счел бы выгодным стать равноправным членом Европейской конфедерации и льстил бы себя надеждой укрепить благодаря этому свое внутриполитическое положение во Франции, а также улучшить позиции своей страны по отношению к державам-победительницам. Вероятно, он не осмелился бы рассердить Германию отказом. Необходимо будет, однако, дать Лавалю обещания общего характера по территориальному вопросу, ибо только при этом условии можно будет рассчитывать на готовность широких кругов французского народа к сотрудничеству; в противном случае с трудом улаженные противоречия раньше или позже вспыхнули бы вновь и в результате весь эффект акции оказался бы под сомнением. Само собой разумеется, что соглашение с Лавалем, которое в связи со вступлением Франции в Европейскую конфедерацию государств могло бы привести к объявлению состояния мира де-факто, ни в какой мере не ограничит наши права оккупирующей и воюющей державы. Напротив, от Франции в интересах теперь уже общих задач и ее собственного будущего потребуются повышенные обязательства, которые французское правительство должно торжественно взять на себя. К числу требуемых от него усилий относилось бы формирование более многочисленных контингентов для борьбы за свободу Европы, что способствовало бы сбережению драгоценной немецкой крови.

5. *Бельгия, Голландия, Норвегия.* Ввиду политического значения, которое в международной политике придается проблеме Бельгии, Голландии и Норвегии, эффект объединения европейских народов будет значительно ослаблен, если за границей сложится впечатление, что эти страны не будут допущены в задуманную нами Европейскую конфедерацию государств как равноправные члены. В Бельгии и Голландии с начала оккупации нет собственных правительств. Чтобы вступить в Европейскую конфедерацию, они должны получить правительства, которые могли бы выступить в качестве договаривающихся сторон. В Бельгии ради политического эффекта следует прежде всего попытаться договориться с королем, так как правительство, сформированное при его участии, придало бы во мнении иностранных государств больше веса вступлению Бельгии в Европейскую конфедерацию. В Голландии трудность будет заключаться в том, чтобы сформировать правительство, приемлемое для нас и способное снискать признание также и за границей.

В Норвегии существует правительство Квислинга, но авторитет его за границей сомнителен.

6. *Юго-Восточная Европа.* Что касается Греции и Сербии, то авторитет их правительств за границей выше, чем у правительства Норвегии. Их включение в Европейскую конфедерацию при условии единодушия держав оси едва ли вызовет серьезные затруднения.

7, *Восток.*

а) Чем бледнее будут становиться воспоминания о большевистском господстве в Эстонии, Латвии и Литве, тем сильнее будет воздействие утверждений вражеской пропаганды, что немецкая оккупация ненамного изменила положение народов на Востоке. Лишь в случае, если этим народам будут даны на будущее определенные заверения, они действительно признают в нас освободителей от большевистского ига и получат стимул к добровольным активным действиям на нашей стороне. Скандинавские страны, особенно Финляндия, живо приветствовали бы подобный шаг. Он поставил бы Англию в неловкое положение и еще больше осложнил бы политику Советского Союза.

б) Вопреки большому значению, которое придается за границей польской проблеме, включение Польши в конфедерацию [европейских] государств в качестве члена не предусматривается. Если эта тема станет предметом международного обсуждения, можно будет заявить, что решение польского вопроса отложено, ибо оно зависит от того, как проявит себя польский народ во время войны. Можно было бы подумать о создании

в Польше какого-нибудь марионеточного правительства. Однако этим мы, вероятно, ограничили бы свою нынешнюю свободу действий, не добившись соответствующего политического успеха.

в) Для оккупированных русских областей можно, по-видимому, найти аналогичную формулировку. Ясно, что надежда получить известную самостоятельность, заслужив ее своими действиями во время войны, очень существенно способствовала бы умиротворению оккупированных районов и активно стимулировала бы желание не только работать, не щадя сил ради нашей победы, но и увеличить число сражающихся на нашей стороне. С этой точки зрения следует подходить и к движению Власова.

8. *Нейтральные страны.* Пока идет война, нельзя рассчитывать на то, что Швеция, Швейцария и Португалия войдут в Европейскую конфедерацию государств. Их участие, однако, не имеет решающего значения,

поскольку умиротворение Европы зависит не от них, а от других государств, которые до сих пор враждовали между собой.

9. Угрожает ли этот поворот в сторону создания Конфедерации нашим политическим целям в Европе? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Мы не утратим ни крупицы своей власти. Само собой разумеется, что наши права как оккупирующей и воюющей державы никоим образом не должны быть ограничены. Не стоит также вопрос о восстановлении до конца войны представительств завоеванных стран за границей. Напротив, можно подумать о том, чтобы предоставить им право, если это будет сочтено целесообразным, учредить их представительства в Берлине.

Что касается областей, которые желательно присоединить к Германии, то их прием в Европейскую конфедерацию государств может стать первым этапом на пути к поставленной цели. Таким способом эти области будут втянуты политически в нашу сферу интересов. При необходимости мы сможем заранее, посредством соглашения с ними, обеспечить себе права, на которые нам, безусловно, следует претендовать. Когда мы победим противника на всех фронтах, естественно, возникнет новая обстановка, которая сразу же позволит нам придать нашему континенту такой облик, какой представится нам целесообразным. Великогерманский рейх стал бы тогда непреложной реальностью.

10. Если будет решено приступить к организации Европейской конфедерации, то вначале ее участниками смогут стать следующие тринадцать государств: Германия, Италия, Франция, Дания, Норвегия, Финляндия, Словакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Сербия, Греция,

Хорватия. В учредительные документы можно будет внести основные принципы, изложенные в приложении 1.

Прежде всего, следует достигнуть соглашения с Италией, причем обсуждению с нею подлежат ориентировочно следующие пункты:

а) принципиальные вопросы;

б) приемлемый срок;

в) европейские государства, которые должны участвовать в подписании учредительного акта (условия привлечения Франции, Сербии и Греции);

г) европейские государства, которые должны быть приглашены позднее (нейтральные государства, в первую очередь Испания);

д) европейские государства, вопрос о вступлении которых в будущем пока не решен (Бельгия, Голландия, восточные народы);

е) польская проблема;

ж) отношение к Турции;

з) содержание учредительных актов;

и) согласование политической линии, которую надлежит проводить в европейских вопросах после подписания учредительного акта (разработка документов конфедерации);

к) взаимодействие в области пропаганды, причем следует учитывать также и Японию.

Затем следовало бы провести переговоры прежде всего с Лавалем, а также с финнами и государствами Юго-Восточной Европы, чтобы получить гарантию, что с их стороны не возникнет никаких трудностей.

Подписание учредительного акта должно состояться в безопасном месте в Германии. Если потребуется присутствие не только глав правительств и министров иностранных дел, но и глав государств, то председательствовать будет фюрер. Процедура может быть такой же, какой она была при продлении Антикоминтерновского пакта в 1941 году.

11. Учреждение Европейской конфедерации станет возможным только после какого-нибудь значительного военного успеха, например, после отражения вторжения англосаксов на континент. На нынешней стадии войны некоторые из наших союзников, в первую очередь Финляндия из-за своих отношений с США, вероятно, не решились бы на вступление, хотя они и приветствовали бы саму идею федеративного устройства.

Пока речь может идти лишь о том, чтобы исподволь пропагандировать идею конфедерации.

В приложении приводятся тезисы, которые могли бы служить директивами для нашей пропаганды.

Если итальянцы будут продолжать воевать на нашей стороне, надо будет достигнуть договоренности с ними. [Обнародование] плана переустройства Европы на конфедеративной основе соответствовало бы пожеланию Италии, чтобы мы дали малым народам успокоительные заверения. Наш партнер по оси освободился бы от опасения, что Германия стремится к установлению своей гегемонии в Европе. Итальянская политика, которая в европейских вопросах с некоторого времени идет самостоятельным путем, вновь была бы введена в то же русло, что и наша.

Если итальянцы выйдут из войны, то тем важнее в политическом отношении будет точно определить наши собственные позиции в европейских делах. Можно предположить, что в этом случае фюрер сделает заявление о военных целях Германии в сложившейся обстановке. Этот повод можно использовать для утверждения, что Германия желает установления Нового порядка, основанного на федеративном принципе.

Документ 5. Проект памятной записки министерства иностранных дел от 9 сентября 1943 г.

I. Необходимость объединения Европы.

Объединение Европы, которое уже давно назревает в ходе истории, является неизбежным процессом. Неслыханный прогресс техники, сокращение расстояний благодаря современным средствам сообщения, чудовищное повышение дальности действия и разрушительной силы оружия (авиация), тяжкое бремя вооружений и тенденция нашего времени устанавливать дальние экономические связи и создавать большие области совместного производства и хозяйствования – все это вынуждает Европу к тесному сплочению. Европа стала слишком мала для враждующих между собой и отгораживающихся друг от друга суверенных государств. Кроме того, расколотая Европа слишком слаба, чтобы удержать свои позиции в мире и обеспечить себе мирные условия, сохраняя свое своеобразие и самостоятельность.

Если Европа утратит свои позиции в мире, это крайне тяжело скажется на всех европейских народах. Ни один из европейских народов не сможет надолго оградить себя от последствий упадка Европы. Но и для всего остального мира упадок Европы стал бы невосполнимой потерей.

[Процесс] объединения Европы ускоряется благодаря войне, навязанной Германии Англией – давним врагом континента. Борьба Германии против Англии есть война за объединение Европы.

II. Положение держав оси в Европе.

Элемент, призванный способствовать согласованию частных интересов отдельных европейских государств в интересах Европы, как единого целого, существует главным образом в лице держав оси.

Противники держав оси несут ответственность за крушение порядка, навязанного ими Европе после Первой мировой войны. Они не способны предложить европейским народам ничего нового и полностью расходятся между собой во мнениях относительно того, что должно произойти в Европе, если они победят. Их планы пересекаются и противоречат друг другу. Под нажимом Советского Союза, который замышляет перестроить европейские порядки по собственным директивам под большевистским руководством, Англия и США уже сегодня отступили от позиций Атлантической хартии. Неопределенные планы переустройства мира, выдвинутые противниками, не дают никакой гарантии в том, что в задуманной ими новой организации возобладают истинные потребности и интересы народов, а не эгоистические устремления враждебных Европе держав.

Ни одна из вражеских великих держав, претендующих на то, чтобы вершить судьбами Европы, не имеет корней на нашем континенте и не соединена с ним неразрывными узами. Соединенные Штаты в целом всеми своими интересами связаны с другой частью света. Ничто не привязывает их к Европе. Они предоставят Европу ее собственной судьбе или отдадут ее во власть большевизма, если сочтут это для себя желательным. Большевизм сделал европейскую Россию чуждой ее европейскому прошлому. Культурные страны Европы для Советского Союза – с мировоззренческой и военной точек зрения – являются всего лишь провинциями, подлежащими завоеванию, чужеродными телами, которые надлежит удалить, чтобы распространить большевистский режим на всю Европу. Что касается Англии, то только часть ее империи находится в Европе. Центр тяжести ее организма находится за пределами нашего континента. Она создала свою мировую империю, используя противоречия между континентальными государствами, и в консолидированной Европе ее политическая роль была бы более скромной, чем прежде. Ее политика направлена на сохранение в Европе состояния разобщенности и враждебности. Усилия Германии создать прочную основу для гармонического и дружественного сосуществования Европейского континента и Британской империи посредством разграничения взаимных интересов с учетом жизненно важных потребностей обеих стран оказались тщетными из-за позиции Англии, которая не пожелала отрешиться от

своей политики равновесия, служащей ее гегемонистским тенденциям. Если прежде Англия подвергла голодной блокаде страны, которые, как ее союзники, проливали ради нее кровь, и оторвала от них их внеевропейские владения, то сегодня она бомбардирует их города и беспощадно разрушает их промышленность и их церкви.

В отличие от этого интересы и потребности держав оси существенно и неразрывно связаны с интересами Европы. Жизненные интересы Германии и Италии отнюдь не выходят за пределы Европы, а также не ограничиваются какой-либо ее отдельной, внутренне отторжимой от целого частью. Поэтому не следует опасаться, что Германия может втянуть европейские народы в политику, противоречащую их интересам. Война, которую сейчас ведут державы оси и их союзники, также является борьбой не только за их собственное существование, но и за безопасное и мирное будущее всех европейских народов.

Естественно, что в Европе стремление к созданию Нового порядка исходит от держав оси.

III. Решение европейского вопроса на федеративной основе.

Было бы неправильным недооценивать трудности, которые стоят на пути решения европейского вопроса. Эти трудности коренятся не только в различии воззрений европейских народов, но и в отношениях, обусловленных самой сущностью Европы и в течение столетий вновь и вновь проявлявшихся в той или иной форме. Нельзя игнорировать эти отношения, не теряя твердой почвы под ногами. Политически невозможно строить здание европейского единства на основе идеальных требований. Фундаментом для него могут служить только реальные политические явления и историческое развитие, которое привело к ярко выраженному национальному самосознанию всех европейских народов.

Особенность европейской проблемы состоит в том, что на сравнительно малом пространстве, в отношениях, сочетающих элементы как единства, так и независимости, вынуждено сосуществовать множество совершенно различных народов. Объединение их должно стать таким прочным, чтобы в будущем между ними никогда уже не возникали войны и чтобы можно было сообща охранять интересы Европы от внешнего мира. Однако европейские государства одновременно должны сохранить свою свободу и независимость, чтобы быть в состоянии решать свои совершенно различные национальные задачи и с творческим подъемом выполнять свои особые функции в рамках целого. Мощь и безопасность Европы покоятся не на вынужденном, навязанном подчинении одних европейских держав

другим, а на их сплоченности. Любая попытка той или иной европейской державы вынудить других к каким-либо политическим мероприятиям неизбежно возродит противоречия в Европе. С другой стороны, европейская держава, которая не проявит готовности согласовать свою политику с необходимыми требованиями европейской политики, поставит себя вне рамок европейского сообщества.

Решение европейского вопроса может быть осуществлено только на федеративной основе, на свободном, вызванном пониманием необходимости решении европейских государств объединиться в сообщество суверенных государств.

Создание подобного союза государств должно пройти два этапа. Прежде всего соответствующие европейские правительства должны принять решение об учреждении конфедерации государств и оформить учредительные акты, в которых надлежит в общих чертах указать цель и основополагающие принципы конфедерации.

Вторым этапом станет подробная разработка структуры конфедерации. Для этой цели сразу же после подписания учредительного акта полномочные представители государств-сигнатариев соберутся на совещание. Его результаты будут зафиксированы в документах конфедерации.

Решающим шагом явится подписание учредительных актов. Этим действием государства-сигнатарии утвердят навечно принцип европейской солидарности и возьмут на себя обязательство придерживаться единой принципиальной позиции в вопросах, касающихся задач европейского сообщества.

IV. Участие в Европейской конфедерации государств.

Европейская конфедерация должна быть сообществом по возможности всех европейских государств. Нельзя допускать, чтобы отдельные европейские страны были отчуждены от европейского сотрудничества.

Чтобы осуществить Европейскую конфедерацию, достаточно объединения большинства европейских государств; для остальных европейских стран будет открыта возможность присоединения к ней. Ведущая роль европейских наций, объединившихся в Европейскую конфедерацию, и давление политических и экономических условий Должны неизбежно привести к тому, что остальные государства раньше или позже также присоединятся к Европейской конфедерации.

Попытка держав, ответственных за восстановление порядка в Европе

после окончания первой мировой войны, увековечить различие между победителями и побежденными была не только нарушением торжественно данных обязательств, но и тяжелой политической ошибкой. Она привела к пагубным для нашего континента последствиям. Нельзя допускать повторения этой ошибки: в новом сообществе европейских народов побежденные государства с самого начала должны занять равноправное положение, если они готовы содействовать построению новой Европы законными и позитивными усилиями. Все европейские народы, выдержавшие испытание истории и особенно нынешней войны, могут стать членами Европейской конфедерации государств.

Если европейские державы при вступлении в Европейскую конфедерацию имеют территориальные владения на других континентах, следует рассматривать эти владения как частное дело этих держав, и прочие европейские державы не возьмут на себя охрану этих владений. Осложнения, вызванные системой таких владений, могут затронуть интересы Европы в целом лишь в том случае, если они приведут к нападению неевропейских держав на европейскую территорию, Однако следует считать европейской территорией в широком смысле те внеевропейские владения европейских государств, которые из-за их географической близости должны считаться зоной, дополняющей европейскую.

V. Отношения государств – членов Европейской конфедерации между собой и с прочими континентами.

1. В первую очередь следует установить, что каждое из государств-членов сохраняет свободу определять свои отношения с прочими странами в Европе или за ее пределами по своему усмотрению при условии совместимости этих отношений с европейской солидарностью и европейскими обязательствами. Не должны заключаться только такие договоры, которые противоречат цели конфедерации; существующие договоры подобного рода должны быть, разумеется, расторгнуты. Поскольку предполагается, что традиционное сотрудничество скандинавских государств между собой не помешает их лояльному участию в решении задач европейского сообщества, то не предвидится никаких препятствий к продолжению этого сотрудничества. То же самое можно сказать о сохранении отношений государств Пиренейского полуострова между собой, а также с родственными им латиноамериканскими нациями.

2. Каждое государство – член Европейской конфедерации должно

также иметь право устраивать свою национальную жизнь по собственному усмотрению, однако при соблюдении обязательств по отношению к европейскому сообществу. В отношениях европейских государств между собой следует поэтому установить принцип, что они будут воздерживаться от вмешательства во внутренние дела друг друга. Европейским государствам должно быть предъявлено единственное требование: быть лояльными, приверженными Европе членами Европейской конфедерации и позитивно содействовать решению задач европейского сообщества. Каждая страна должна нести ответственность за то, чтобы на ее территории не совершались какие-либо действия, несовместимые с европейской солидарностью и европейскими обязательствами. Принцип взаимного невмешательства должен быть дополнен принципом взаимного благоприятствования. Большее благоприятствование европейских государств друг другу по сравнению с неевропейскими странами даст свои результаты главным образом в области экономики.

3. Отношения отдельных европейских государств с неевропейскими странами и континентами должны регулироваться в соответствии с принципом, что наш континент и любое его государство не может вмешиваться в дела других континентов и производить там какие-либо захваты политическими или военными средствами. Это, однако, равным образом исключает всякое вмешательство и всякие захваты политическими или военными средствами со стороны [государств] других континентов в Европе и в дополняющей ее зоне. Всякому такому вмешательству и всякому такому нападению была бы противопоставлена солидарная оборона Европы.

В остальном отношения Европы, включая присоединенный к ней в порядке возмещения район, с другими континентами регулируются общими правилами межгосударственного общения и основываются на том, что Европа со своей стороны желает жить с ними в мире и дружбе и поддерживать полезные для всех сторон торговые отношения и культурный обмен. Хотя европейское жизненное пространство должно быть сформировано так, чтобы Европа, располагая всем жизненно необходимым, была в состоянии выстоять в периоды политических и военных осложнений, цель экономического взаимодействия в Европе не должна состоять в отказе от обмена европейских стран с миром и от деятельности на мировой арене. Напротив, Европа должна стать сильной, чтобы играть в мировой торговле ведущую роль, которую при настоящем положении дел она рискует утратить.

VI. Задачи Европейской конфедерации государств.

1. *Сохранение мира в Европе.*

Задача нового европейского порядка должна состоять в том, чтобы устранить обстоятельства, которые в прошлом давали повод к внутриевропейским войнам. С эпохой внутренних войн в Европе следует покончить, и европейский партикуляризм должен быть преодолен.

Отдельным членам европейской федерации, конечно, не возбраняется заключать между собой договоры об арбитраже и улаживании споров. Однако гарантией поддержания внутриевропейского мира явится не формальный мирный порядок или угроза санкций, а европейская политика, предупреждающая враждебность между европейскими государствами. Если Европа в течение столетий страдала от войн, то виновна в этом в первую очередь политика равновесия, с помощью которой Англия натравливала одни европейские государства на другие. Особо важной задачей наций, объединившихся в Европейскую конфедерацию, будет солидарное противодействие попыткам неевропейских держав оказывать влияние на внутриевропейские дела.

В Европе невозможно радикально решить национальные проблемы путем территориального разграничения. Последнее не приведет к еще более серьезной напряженности лишь в том случае, если все европейские государства будут соблюдать принцип уважения прав других народностей и справедливого с ними обращения.

Заботиться о том, чтобы пресса действовала в духе европейской солидарности и соблюдения европейских обязательств, есть долг государственных руководителей отдельных стран, вытекающий из принадлежности к Европейской конфедерации. То же относится к воспитанию подрастающей молодежи, которое должно осуществляться на национальной основе, но в духе европейской солидарности.

2. *Обеспечение общих европейских интересов во внешних делах.*

Целью конфедерации не может быть вмешательство во внешнюю политику своих членов или создание наднациональной европейской дипломатии. Задача состоит прежде всего в том, чтобы во всех вопросах, касающихся Европы в целом, европейские страны придерживались единой принципиальной линии в отношениях с неевропейскими государствами. Это будет достигаться путем взаимного осведомления и консультаций по текущим вопросам политической практики в той мере, в какой они касаются общих европейских интересов.

3. *Совместное отражение большевистской угрозы.*

Хотя официально Коминтерн распущен, большевистская угроза всем

европейским народам продолжает существовать, выражаясь как в идеологической форме, так и в сосредоточении чудовищной мощи, опасные размеры которой выявились только сейчас. Без ликвидации большевистской угрозы не может быть безопасности и мира для Европы. Тот факт, что на Востоке бок о бок с немецкими войсками сражаются соединения и солдаты почти всех прочих европейских народов, является символом общности опасности и общности оборонительного духа. Одной из важнейших целей объединенной Европы должна стать защита европейских наций от разрушительных сил Востока. Участие в Антикоминтерновском пакте и выполнение предусмотренных им мероприятий должны быть распространены на всех членов Европейской конфедерации. Но, кроме того, в интересах всей Европы европейские народы, каждый в рамках своих возможностей, должны внести свой вклад в оборону своего континента на Востоке. С этой целью должны быть заключены особые соглашения, касающиеся прежде всего формирования частей добровольцев.

4. Совместная оборона против нападений извне.

Следует установить в принципе, что нападению на Европу будет противопоставлена солидарная оборона европейских народов. В связи с этим военные силы европейских народов надо рассматривать как части единого целого и обеспечить их взаимное соответствие.

Сегодня только очень крупные государства способны поддерживать должный уровень военной мощи. Задача обороны собственными средствами стала для малых стран неразрешимой. Малые страны не располагают ни необходимыми людскими массами, ни требуемым промышленным аппаратом и не способны обеспечить снабжение продовольствием и сырьем. В этом отношении ничего не изменится, если они объединятся между собой. Чтобы успешно отражать нападения неевропейских великих держав, малые европейские государства нуждаются в поддержке Германии или Италии.

Геополитические условия подсказывают необходимость регионального деления, которое отнюдь не помешает решению задач, требующих общих усилий. Расплывчатые общие понятия, общепринятые в прошедшие времена, не могут служить основанием для эффективной обороны и справедливого распределения военно-политического риска и военных тягот. Поэтому необходимы региональные оборонительные соглашения на добровольной основе между соответствующими в каждом случае государствами. Эти оборонительные соглашения должны органически переплетаться и дополнять друг друга. Естественно, что

опорой их будут державы оси. Если на востоке и северо-западе Европы главным участником соглашений должна стать Германия, то на Средиземном море сотрудничать должна в первую очередь Италия. Область общих задач здесь чрезвычайно широка. Достаточно указать на важность принципиальной договоренности о стандартизации вооружений и снаряжения, подготовки централизованного снабжения отдельных стран во время войны и т. д. Уже в мирное время европейские воинские части могут быть сформированы по образцу добровольных соединений, сражающихся на Востоке.

Те страны, которые по достигнутой договоренности не будут участвовать в военных действиях при отражении возможного нападения на Европу, должны тем не менее оказывать европейским государствам, участвующим в оборонительных действиях, всемерную поддержку. К европейским государствам, втянутым в войну с неевропейскими державами, прочие европейские государства не должны относиться как к воюющим сторонам.

Следует считать, что объединение Европы в оборонительное сообщество, значительно уменьшит вероятность нападений на континент. Неевропейские державы остерегутся затевать войны против европейских стран, если им придется считаться с тем, что противником их станет целая часть света, сплоченная воедино.

5. *Экономическое сотрудничество.*

Не может быть никакого сомнения в том, что распыление экономических сил в Европе является серьезнейшей помехой благосостоянию и социальному прогрессу ее стран. Правда, само по себе устранение опасности внутриевропейских войн должно дать мощный импульс экономическому развитию в Европе, но следует стремиться путем целенаправленного и планомерного сотрудничества европейских государств так организовать Европу, чтобы она достигла высочайшего и поистине здорового экономического расцвета.

Возникшая в силу необходимости, вызванной британской блокадой, Большая экономическая зона должна быть расширена так, чтобы она обеспечивала удовлетворение насущных жизненных потребностей Европы в продовольствии, одежде и работе. С этой целью следует максимально повысить производительность всей рабочей силы и использование всех ресурсов Европы, включая дополняющий ее район.

Отсталые экономические районы в Европе следует развивать с помощью особых, сообща предпринимаемых усилий. Жизненный уровень широких масс в Европе, в первую очередь в отношении одежды, питания и

жилья, следует систематически повышать, предусмотрительно заботиться о социальной безопасности.

В соответствии с испытанными принципами посредством планомерного сотрудничества европейских государств европейское сельское хозяйство будет ориентировано на покрытие потребностей Европы и ему будет гарантирован сбыт его продукции по справедливым ценам. Также посредством планомерного сотрудничества будут защищены от разрушительного воздействия европейских и международных кризисов европейская промышленность, предприниматели и рабочие и будет обеспечена возможность использования соответствующей доли сырьевых ресурсов мира.

Можно ожидать, что правильно организованная Европа вновь станет лучшим покупателем и надежнейшим поставщиком в мировом масштабе. Опираясь на гарантированную возможность закупки сырья за своими пределами и переработки его у себя, Европа со своей стороны предложит неевропейским странам – поставщикам сырья – гарантированный сбыт и устойчивые цены.

Экономическим и социальным мерилом стоимости, на котором будет строиться совместное перспективное экономическое планирование, станет труд, а не капитал. Это планирование будет подчинено принципу: общее пространство должно соразмерно удовлетворять жизненные потребности всех его совладельцев.

Для оживления взаимного товарообмена и создания большого европейского рынка таможенные и прочие барьеры, существующие между отдельными государствами, будут устраняться в возрастающей степени, однако с учетом необходимости сохранения и защиты жизненно важных отраслей хозяйства, особенно малых экономических районов.

Опыт показал, что существующие средства сообщения Европы не соответствуют возросшим требованиям. Внутриевропейская сеть железных дорог, автодорог, водных путей и авиалиний будет расширяться по единому совместному плану.

Европейские государства будут оказывать друг другу помощь и поддержку при решении проблем, возникающих в период перехода от военной экономики к мирной.

6. Духовный, культурный и профессиональный обмен.

Уникальное духовное богатство, которым обладает незначительная по территории Европа, контрастирующее с унылым конформизмом англосаксонских стран, порождается многообразием жизненных форм и духовных индивидуальностей европейских народов – малых и больших.

Европейское жизненное пространство должно обеспечить всем своим совладельцам, верным Европе и намеренным лояльно и позитивно сотрудничать в решении задач европейского сообщества, свободное развитие их духовного народного своеобразия. Углубление и развитие духовного и культурного обмена откроет перед европейскими народами новые возможности для расцвета их своеобразных дарований и сил. Интенсификация этого обмена, который не должен вести к унификации европейских народов и который должен дать равные шансы большим и малым народам, преисполнит их сознанием общности культурных основ и станет одним из сильнейших средств сплочения нового сообщества.

VII. Структура Европейской конфедерации.

Создание наднационального европейского бюрократического аппарата для осуществления европейского сотрудничества было бы нецелесообразным. Система конференций Лиги Наций также не является вдохновляющим примером. Чтобы достигнуть во взаимодействии практических результатов, надо, чтобы лица, ответственные в отдельных странах за решение определенных проблем, по возможности участвовали в рассмотрении аналогичных проблем в общеевропейском масштабе.

В политической области оправдала себя система осведомления и консультаций по обычным дипломатическим каналам. Эту систему эффективно дополняют личные встречи глав государств, глав правительств и министров иностранных дел. В случае необходимости созываются конференции ad hoc. Подобные методы больше соответствуют практическим потребностям в политической области, чем заранее запланированные периодические конференции.

Можно представить себе следующую конституцию конфедерации государств: [верховным] органом Европейской конфедерации является Конгресс государств, представляющий собой собрание представителей государств-членов. Он собирается не менее раза в год. Если конституция конфедерации не предусматривает иного порядка, то решения Конгресса принимаются единогласно. Конгресс руководит делами конфедерации, если только они не передаются другим органам. Аккредитованные при державах оси представители государств – членов конфедерации образуют совместно с министрами иностранных дел Германии и соответственно Италии в Берлине и соответственно в Риме постоянные комиссии, которые, ежегодно чередуясь, управляют делами конфедерации между сессиями Конгресса.

Было бы политически целесообразно, чтобы государства-члены

назначали в качестве постоянных представителей в Конгрессе своих глав правительств, а в качестве их постоянных заместителей – министров иностранных дел.

В отличие от этого экономическое, культурное и профессиональное сотрудничество требует особых постоянных органов. Для решения экономических вопросов следует создать постоянный Европейский экономический совет, состоящий из [представителей] всех государств-членов. Этот совет предположительно может подразделяться на следующие комиссии:

• торговли, промышленного производства и судоходства;
• финансов и валюты;
• по вопросам труда и социальным вопросам;
• продовольствия, сельского и лесного хозяйства.

Задачей Европейского экономического совета и его комиссий является подготовка и заключение европейских экономических соглашений с целью решения общих экономических задач. Такими задачами могут быть, например, урегулирование экономических проблем, связанных с продолжающейся блокадой; регламентирование товарообмена на основе преференций для европейских стран по сравнению с неевропейскими с целью создания в дальнейшем европейского таможенного союза и свободного европейского рынка; [организация] центрального европейского клиринга и [обеспечение] стабильных внутриевропейских валютных отношений с целью создания в дальнейшем европейского валютного союза; сближение условий труда и социального обеспечения в Европе в сторону улучшения; перспективное планирование производства как в области промышленности, так и сельского и лесного хозяйства.

Помимо Европейского экономического совета и его специальных конференций, для соответствующих областей учреждаются европейские специальные управления (Европейское управление по вопросам труда, Европейский институт сельского хозяйства и т. д.), которые руководствуются только общими директивами и заданиями Европейского экономического совета или его конференций, а в остальном являются автономными органами. Их задача состоит в сборе и обработке специальных данных, оценке новых идей, даче отзывов, выдаче справок, составлении статистических сводок и т. д.

Аналогичную структуру будет иметь организация, занимающаяся вопросами путей сообщения Большой Европейской зоны. Для этой цели, однако, достаточно создания постоянного Европейского транспортного совета с комиссиями по отдельным специальным отраслям (железные

дороги, водные пути, автомобильные дороги, автомобильное сообщение, строительство каналов, воздушное сообщение и т. д.). И в этом случае уместно учреждение специальных управлений по отдельным отраслям.

Культурное сотрудничество не требует создания столь разветвленной организации, как экономика и транспорт. Для обмена культурными ценностями и опытом достаточно создания специальных управлений и институтов. Возможно также создание палат, например Европейской палаты кинематографии, Европейской палаты печати, укомплектованных специалистами, представляющими отдельные страны. Конференции представителей правительств понадобятся лишь для разработки специальных конвенций, например в области авторского права, права перевода и т. д. Все перечисленное следует создавать на базе уже существующих или находящихся в стадии становления европейских организаций или во взаимодействии с ними.

Невозможно основывать отношения отдельных европейских государств между собой и каждого со всеми остальными на какой-нибудь абстрактной формуле. Равным образом трудно подразделить европейские народы на великие державы, средние государства и малые государства. Все они представляют собой конкретные исторические величины, которые следует оценивать по их историческим достижениям, их сотрудничеству в перестройке Европы и особенно по их заслугам в нынешней войне.

Однако Европейская конфедерация окажется не в состоянии осуществлять плодотворное сотрудничество, если у нее не будет руководства, имеющего целью способствовать достижению большей согласованности национальных интересов государств – членов сообщества. В этом плане руководство означает установление отношений взаимной преданности и доверия с отказом от диктаторских методов прошлого и ответственность сильнейших держав, выпадающую на их долю вследствие их авторитета во внутриевропейских и международных делах. Если руководящая роль является привилегией сильнейших держав, то она означает для них также обязательство действовать только в интересах европейского мира, прогресса и благосостояния и ограничиваться только тем, что, безусловно, необходимо для европейского сосуществования. Руководство держав оси в Европе является фактом, естественно вытекающим из политических условий. Для того чтобы оно осуществлялось, не требуется особого закрепления в конституции конфедерации. Вопрос о том, будет ли и в какой форме официально зафиксирован этот факт в конституции, надо решать с точки зрения целесообразности.

VIII. Вражеская пропаганда.

Противники пытались дискредитировать предлагаемый державами оси Новый порядок в Европе, выдавая за Новый порядок мероприятия, к которым Германию вынуждали военные условия. Они изображали дело так, будто неизбежные последствия военных действий и оккупации, особенно в условиях неблагонадежности населения и органов власти, будут нормальным состоянием, когда Германия и ее союзники победят. Они умалчивают о том, что сами они посредством блокады обрекают население Европы на голод, своими воздушными налетами приносят Европе невыразимые бедствия и своим союзом с большевизмом открывают доступ в Европу разрушительным силам Востока, в то время как Германия прилагает все усилия для защиты и обеспечения европейского населения. Державы оси, которые сами являются неотъемлемой частью Европы, имеют только одну цель: приобрести в лице народов Европы друзей и сотрудников для перестройки Европы и протянуть руку примирения даже враждебно настроенным народам Европы. Однако пока длится война и вражеская пропаганда пытается будоражить население оккупированных областей, навлекая на него беды, позицию держав оси определяет суровая необходимость, вызванная навязанной Германии войной.

Документ 6. Проект положений министерства иностранных дел о «Европейской конфедерации» от 9 сентября 1943 г.

(а) Европейская конфедерация есть сообщество суверенных государств, взаимно гарантирующих свою свободу и независимость.

(б) За отдельными государствами сохраняется суверенное право определять свой внутренний строй.

(в) Нации, объединившиеся в конфедерацию, будут совместно защищать интересы Европы в области международных отношений. Они будут совместно противодействовать чуждым Европе влияниям и совместно вести борьбу против большевизма. С целью обороны Европы от нападений извне должны быть заключены оборонительные соглашения.

(г) Европейская экономика будет строиться членами конфедерации на основе их общих и национальных интересов по единому плану. Цель сотрудничества должна состоять в том, чтобы повысить материальное благосостояние и укрепить социальную справедливость и социальную безопасность в отдельных государствах, оградить европейскую экономику от кризисов и экономической угрозы извне путем разработки ресурсов и

использования резервов рабочей силы Европы и дополняющего ее африканского района, а также добиться для европейских народов доступа к соответствующей доле экономических благ мира.

(д) Таможенные и прочие барьеры между отдельными членами конфедерации, препятствующие оживлению европейского товарообмена, должны будут неуклонно устраняться при условии сохранения и защиты жизненно важных отраслей экономики, особенно малых экономических районов.

Внутриевропейская сеть железных дорог, водных путей и авиалиний будет расширяться по единому плану.

(е) При решении экономических проблем периода перехода от военной экономики к мирной члены конфедерации будут оказывать друг другу помощь и поддержку.

(ж) Государства, объединившиеся в Европейскую конфедерацию, будут, сохраняя свое национальное своеобразие, расширять и углублять культурный и духовный обмен.

(з) Европейские государства, не вошедшие в конфедерацию в момент ее учреждения, будут приглашены присоединиться к «Европейской конфедерации».

(и) Структура «Европейской конфедерации» будет зафиксирована во всех подробностях в конституции конфедерации, для обсуждения которой соберутся уполномоченные правительств всех участвующих в ней государств.

Документ 7. Установки Комитета по делам Европы министерства иностранных дел от 9 сентября 1943 г.

I. Объединение Европы, уже назревающее в ходе истории, является неизбежным процессом.

Необходимость его вызвана небывалым прогрессом техники, сокращением расстояний, обусловленным современными средствами сообщений, чудовищным возрастанием дальности действия и разрушительной силы оружия (авиации), тяжким бременем вооружений и тенденцией нашего времени устанавливать дальние экономические связи и создавать большие области совместного производства и хозяйствования (эпоха великих империй и объединений в континентальных масштабах).

Без объединения Европа не сможет удержать свое место в мире, что затронет интересы всех европейских народов (общность судьбы).

II. В результате войны, навязанной Германии Англией, давним врагом

континента, объединение Европы стало острой проблемой, и процесс его ускорился. Борьба Германии против Англии есть война за объединение Европы.

III. Германия стремится к объединению Европы на федеративной основе, то есть к добровольному, порожденному сознанием необходимости сплочению всех выдержавших испытание истории европейских народов в сообщество суверенных государств.

IV. Государства – члены Европейской конфедерации сохраняют свою самостоятельность и свободу. Вмешательство во внутренние дела государств не предусматривается.

V. Европейским государствам предъявляется единственное требование: быть лояльными, приверженными Европе членами европейского сообщества и позитивно содействовать решению задач сообщества.

VI. Центральное положение держав оси в Европе и их политическое влияние возлагают на них особую ответственность во внутриевропейских и международных делах. В этом смысле и следует понимать руководящую роль держав оси. Она означает не господство, а отношения взаимной преданности и доверия с отказом от методов имперского диктата прошедшей эпохи.

VII. Целью европейского сотрудничества является стремление способствовать миру, безопасности и благосостоянию всех европейских государств и их народов.

VIII. Задача Нового европейского порядка будет состоять в том, чтобы радикально устранить обстоятельства, служившие в прошлом причинами войн в Европе, покончить с эпохой войн между европейскими государствами и с европейским партикуляризмом.

IX. Общим обязательством для всех европейских народов будет защита и оборона Европы от нападений извне. Основную тяжесть этого обязательства будут нести державы оси.

X. Задачей европейского сотрудничества станет оградить Европу от чуждых ей влияний, чтобы впредь сделать невозможным натравливание одних европейских народов на другие. Политику равновесия сменит политика европейской солидарности.

XI. Объединившиеся в конфедерацию европейские народы образуют общий фронт против большевизма.

XII. Будут предприняты совместные усилия, чтобы обеспечить Европе все жизненно необходимое и оградить ее от угрозы экономической войны и голодной блокады.

XIII. Путем планомерной работы в области экономики будет достигнута максимальная производительность всей рабочей силы, исчерпывающее использование всех ресурсов Европы и дополняющего ее африканского района с целью повышения материального благосостояния и укрепления социальной справедливости и социальной безопасности в отдельных государствах.

Общими усилиями будут развиты отсталые экономические районы, и благодаря этому повысится жизненный уровень широких масс. В частности, будут приняты меры для сбыта европейской сельскохозяйственной продукции по справедливым ценам.

XIV. Для оживления взаимного товарообмена таможенные и прочие барьеры, существующие между отдельными европейскими государствами, должны будут неуклонно устраняться, но при этом особое внимание будет уделяться сохранению и защите жизненно важных отраслей экономики, особенно в малых экономических районах.

XV. Внутриевропейская сеть железных дорог, автодорог, водных путей и авиалиний будет расширена по общему плану.

XVI. В период перехода от военной экономики к мирной члены конфедерации будут оказывать друг другу помощь и поддержку при решении связанных с этим проблем.

XVII. Духовный и культурный обмен будет углубляться и развиваться при сохранении национального своеобразия.

Документ 8. Проект декларации министерства иностранных дел от 9 сентября 1943 г.

Чтобы придать зримое выражение общности судеб европейских народов и добиться того, чтобы между европейскими народами больше никогда не было войн, главы государств, а также главы правительств собрались и решили учредить Европейскую конфедерацию на вечные времена.

Основополагающими для конфедерации будут следующие принципы.

1. Европейская конфедерация является сообществом суверенных государств, взаимно гарантирующих свою свободу и независимость.

2. За отдельными государствами сохраняется суверенное право определять свой внутригосударственный строй.

3. Нации, объединившиеся в Конфедерацию, будут совместно защищать интересы Европы в области международных отношений. Они будут совместно противодействовать чуждым Европе влияниям и

совместно вести борьбу против большевизма.

С целью обороны Европы от нападений извне должны быть заключены оборонительные соглашения.

4. Европейская экономика будет строиться членами Конфедерации на основе их общих и национальных интересов по единому плану. Цель его должна состоять в том, чтобы повысить материальное благосостояние и укрепить социальную справедливость и социальную безопасность в отдельных государствах, оградить европейскую экономику от кризисов и экономической угрозы извне путем разработки ресурсов и использования резервов рабочей силы Европы и дополняющего ее африканского района, а также добиться для европейских народов доступа к соответствующей доле экономических благ мира.

5. Таможенные и прочие барьеры между отдельными членами Конфедерации, препятствующие оживлению внутриевропейского обмена, должны будут неуклонно устраняться при сохранении и защите жизненно важных отраслей экономики, особенно малых экономических районов.

Внутриевропейская сеть железных дорог, водных путей и авиалиний будет расширяться по единому плану.

6. При решении экономических проблем периода перехода от военной экономики к мирной члены Конфедерации будут оказывать друг другу помощь и поддержку.

7. Государства, объединившиеся в Европейскую конфедерацию, будут, сохраняя свое национальное своеобразие, расширять и углублять культурный и духовный обмен.

8. Европейские государства, не вошедшие в Конфедерацию в момент ее учреждения, будут приглашены присоединиться к «Европейской конфедерации».

9. Структура «Европейской конфедерации» будет зафиксирована во всех подробностях в конституции Конфедерации, для обсуждения которой соберутся уполномоченные правительств всех участвующих в ней государств.

Список использованной литературы

1. Сборники документов

1.1 Hass G, Schumann W. (Hg). Anatomie der Aggression: neue Dokumente zu den Kriegszielen des faschistischen deutschen Imperialismus im zweiten Weltkrieg. Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1972. 238 S.

1.2 Lipgens W. (Hg). Documents on the History of European Integratio. Vol. 1: Continental Plans for European Union 1939–1945. European University Institute, Series B: History. Instituto Universitario Europeo (Florencia); Berlin: Walter de Gruyter, 1985. 823 S.

1.3 Neulen H.W. (Hg). Europa und das 3. Reich. Einigungsbestrebungen im deutschen Machtbereich 1939–45. München, 1987. 466 S.

2. Публикации периода национал-социалистической диктатуры и оккупации

2.1 Goebbels J. Der steile Aufstieg. 1944, 159 S.

2.2 Goebbels J. Rede – Wollt Ihr den totalen Krieg.1943, 15 S.

2.3 Nationalpolitische Aufklärungsschriften. Heft 18 – Brüder vor den Toren des Reiches, 1942. 32 S.

2.4 Quisling V. Russland und wir. 1942, 97 S.

2.5 Rosenberg A. Blut und Ehre. Ein Kampf für deutsche Wiedergeburt, 1938. 398 S.

3. Документы из архива профессора Герда Зимона

3.1 Amt Schrifttumspflege: Europas Schicksalskampf (1938)

3.2 Auswärtiges Amt: Europäischer Staatenbund (1943)

3.3 Baumann A. Ein Sprachamt in Europa (1933)

3.4 Bremer O. Über eine friedliche Germanisierung der Ostmark (1904)

3.5 Classen W. Geistige Kriegsführung der Westmächte (1943)

3.6 Daitz W. Europa-Charta (1943)

3.7 Daitz W. Nordische und mittelmeerländische Geisteshaltung – die Fundamente Europas (1937)

3.8 Daitz W. Zum Einstampfen der Europa-Charta (1944)

3.9 Dolezalek A. Was ist europäisch? (1945)

3.10 Erler G.H.J. Das Recht der nationalen Minderheiten (1931)

3.11 Evola J. Abendländischer Aufbau aus urarischem Geist (1937)

3.12 Levin R. Plan eines deutsch-europäischen Kultursenders (1941)

3.13 Loesch K. Ch., von. Die Völker Europas (1943)

Lutz G. Eine Leistungsschau deutscher Geisteswissenschaften (1942)

3.15 Patitsas Ph. Die Bedeutung des Europa-Gedankens für Griechenland (1942)

3.16 Plassmann J.O. Festigung des deutschen Volkstums (8.12.1939)

3.17 Reichssicherheitshauptamt: Esperanto (1940)

3.18 Rosenberg A. Erhaltung der Kampfmoral der europäischen Legionen (1944)

3.19 Rosenberg A. Europa, der Norden und Deutschland (1934)

Schmidt-Rohr G. Mutter Sprache (1933)

Schmidt-Rohr G. Unsere Muttersprache als Waffe und Werkzeug des deutschen Gedankens (1917)

3.22 Schmidt-Rohr G. Volkstumspolitische Aufgaben im Bereich der vorbedenkenden militärischen Planung

3.23 Schmidt-Rohr G. Von der Notwendigkeit eines Geheimen politischen Sprachamtes (1940)

3.24 Schmidt-Rohr G. Vorschläge zur Pflege und Nutzung geistig-seelischer Kraftmöglichkeiten für die Machtpolitik

3.25 Six F.A. Europa-Begriff (1941)

3.26 Six F.A. Europa-Tradition und Zukunft (1944)

3.27 Studentischer Kulturaustausch: Europa-Studienkreise (1942)

3.28 VladescuTh. Europa, ein totalitärer Staat (1942)

3.29 Ziegler W. Der Ordnungsgedanke in der europäischen Geschichte (1942)

4. Исследовательская литература

4.1 Aly G., Heim S. Vordenker der Vernichtung: Auschwitz und die deutschen Pläne für eine neue europäische Ordnung. Fischer Taschenbücher Allgemeine Reihe, Geschichte // Zeit des Nationalsozialismus. 2013. 525 S.

4.2 Conze V. Das Europa der Deutschen: Ideen von Europa in Deutschland zwischen Reichstradition und Westorientierung (1920–1970). Studien zur Zeitgeschichte. Oldenbourg Verlag, 2005. 453 S.

4.3 Elvert J. Mitteleuropa: deutsche Pläne zur europäischen Neuordnung (1918–1945). Historische Mitteilungen. Franz Steiner Verlag, 1999. 448 S.

4.4 Gruchmann L. Nationalsozialistische Großraumordnung. Die Konstruktion einer “deutschen Monroe-Doktrin“. Stuttgart: Deutsche Verl. Anst. 166 S.

4.5 Grunert R. Der Europagedanke westeuropäischer faschistischer Bewegungen 1940–1945. Schöningh, 2012. 318 S.

4.6 Hecker-Stampehl J. Vereinigte Staaten des Nordens: Integrationsideen in Nordeuropa im Zweiten Weltkrieg, Studien zur Internationalen Geschichte. ldenbourg Verlag, 2011. 471 S.

4.7 Kahrs H. Modelle für ein deutsches Europa: Ökonomie und Herrschaft im Grosswirtschaftsraum. Beiträge zur nationalsozialistischen Gesundheits– und Sozialpolitik. Rotbuch, 1992. 239 S.

4.8 Kaiser B. Eurofaschismus und bürgerliche Dekadenz: Europakonzeption und Gesellschaftskritik bei Pierre Drieu la Rochelle. Kieler ideengeschichtliche Studien: Regin-Verlag, 2011. 158 S.

4.9 Kletzin B. Europa aus Rasse und Raum: die nationalsozialistische Idee der Neuen Ordnung. LIT Verlag Münster, 2000. 242 S.

4.10 Laughland J. The Tainted Source: The Undemocratic Origins of the European Idea. Undemocratic Origins of the European Idea. Warner Books, 1998. 402 S.

4.11 Loth W. Der Weg nach Europa: Geschichte der europäischen Integration 1939–1957. Kleine Vandenhoeck-Reihe, Orbis Biblicus Et Orientalis, Vandenhoeck & Ruprecht, 1990. 180 S.

4.12 Majer D., Hoehne W. Europäische Einigungsbestrebungen vom Mittelalter bis zur Gründung der Europäischen Wirtschaftsgemeinschaft (EWG). 1957. Juris Fontes: Rechtsquellen in Vergangenheit und Gegenwart / Hrsg. von D. Majer, W. Hoehne, W.-D. Barz. KIT Scientific Publishing, 2014. 256 S.

4.13 Mazower M. Hitlers Imperium: Europa unter der Herrschaft des Nationalsozialismus. C.H. Beck, 2009. 664 S.

4.14 Niess F. Die europäische Idee – aus dem Geist des Widerstands Beitrage Zur Kolonial– Und Uberseegeschichte. Edition Suhrkamp; Suhrkamp, 2001. 246 S.

4.15 Opitz R. Europastrategien des deutschen Kapitals: 1900–1945. Pahl-Rugenstein, 1994. 1069 S.

4.16 Overy R. J., Houwinkten C. Die „Neuordnung“ Europas: NS-Wirtschaftspolitik in den besetzten Gebieten. Nationalsozialistische Besatzungspolitik in Europa 1939–1945: Essay Philosophie. R. J. Overy: Metropol, 1997. 300 S.

4.17 Tauber J. „Kollaboration“ in Nordosteuropa. Veröffentlichungen des Nordost-Instituts, Nordost-Institut. Otto Harrassowitz Verlag, 2006. 478 S.

4.18 Taylor P.A., Niedzwiecki A., Rath M., Kowalczyk A. Die NaziI-Wurzeln de „Brüssler EU“. Dr. Rath Education Services B.V., 2011. 292 S.

5. Статьи

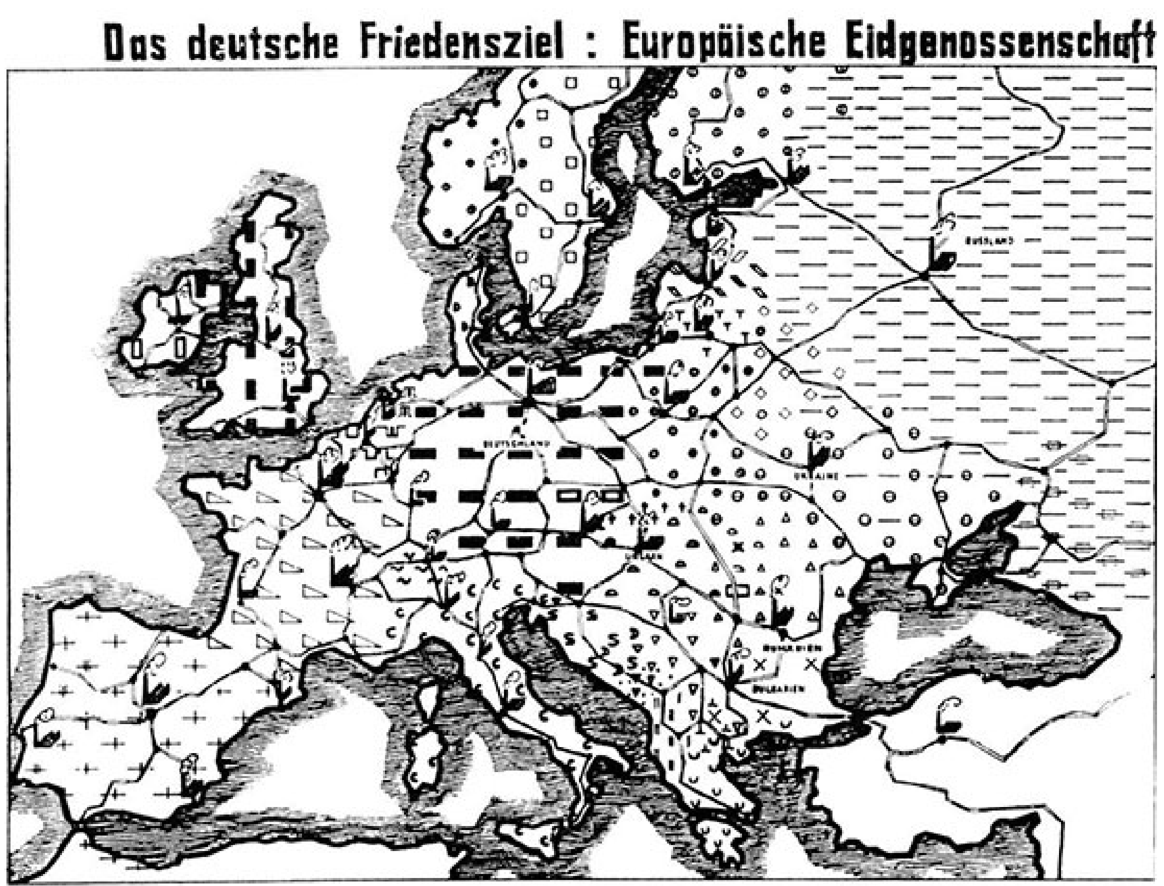
5.1 Karl Richard Ganzer: Das Reich als Europäische Ordnungsmacht. //

Europäische Geschichte. Quellen und Materialien (Hagen Schulze, Ulrike Paul – Hrsg.). München: Bayerischer Schulbuch Verlag, 1994. S. 383–385.
5.2 Kluke P. Nationalsozialistische Europa-Ideologie // VfZ. 1955. № 3. S. 240–275.
5.3 Salewski M. Europa. Idee und Wirklichkeit in der nationalsozialistischen Weltanschauung und Praxis // Europas Mitte (Otmar Franz Hg). Musterschmidt, Göttingen 1987. S. 85—106.
5.4 Krüger P. Hitlers Europapolitik // Der Nationalsozialismus. Studien zur Ideologie und Herrschaft (Wolfgang Benz u.a. Hg). Frankfurt, 1993. S. 104–132.

*

Отдел Александра Долецалека за работой

Карта, подготовленная отделом Александра Долецалека

Пропагандистский плакат «Германия – защитница Европы»

Французские добровольцы направляются на Восточный фронт. Идея борьбы с большевизмом пока еще вызывает у них восторг

Министр иностранных дел Третьего рейха Иоахим фон Риббентроп

Немецкий дипломат Сесиль фон Ренте-Финк

Аристид Бриан (в центре) считается формальным родителем идей «объединенной Европы»

Муссолини для «консолидации Европы» создал специальные

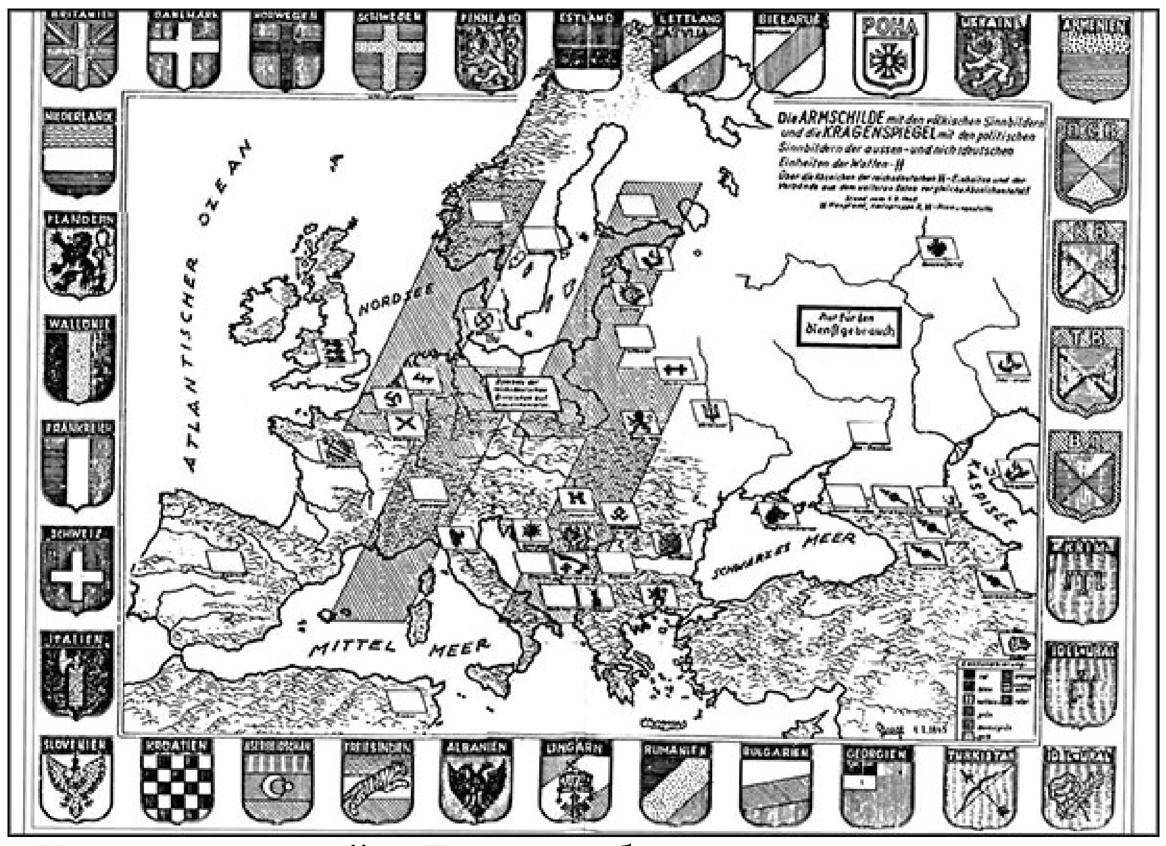
«Комитеты универсализации опыта Рима»

Финский президент Ристо Хейкки Рюти рассматривал возможность объединения как возможность аннексии советских территорий

Отто Абец (слева) на дипломатическом приеме в Париже

Карта с пометкой «Для служебного пользования», на которой изображено «общеевропейское государство СС»

Пропагандистский плакат, превозносивший мнимое объединение Европы через части ваффен-СС

Леон Дегрель выступает на митинге бельгийских рексистов

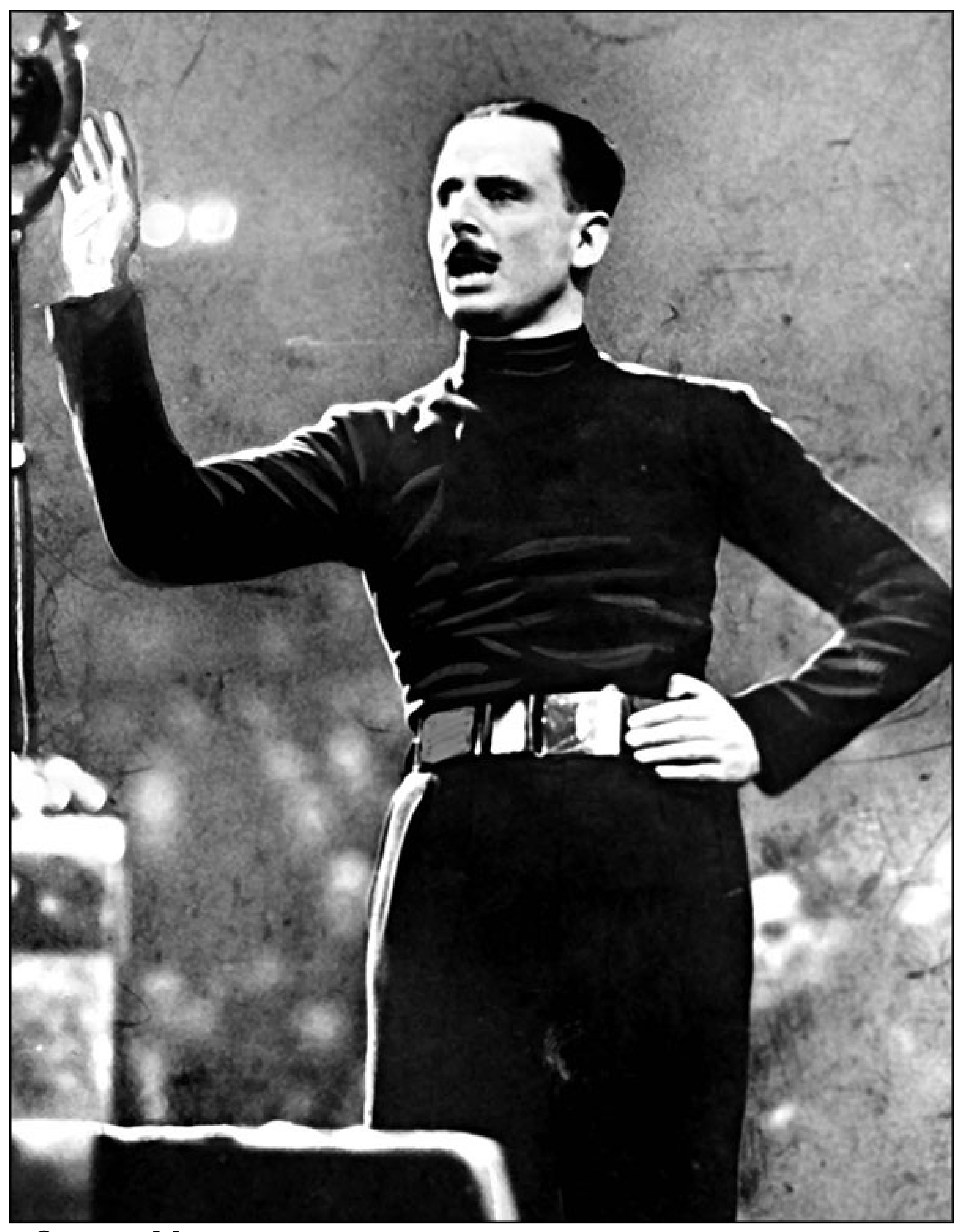
Леон Дегрель (слева) в эсэсовской униформе

Генрих Гиммлер, Антон Муссерт и Артур Зейсс-Инкварт (справа налево)

Видкун Квислинг

Освальд Мосли выступает на митинге

Освальд Мосли перед британскими фашистами

Маршал Петен

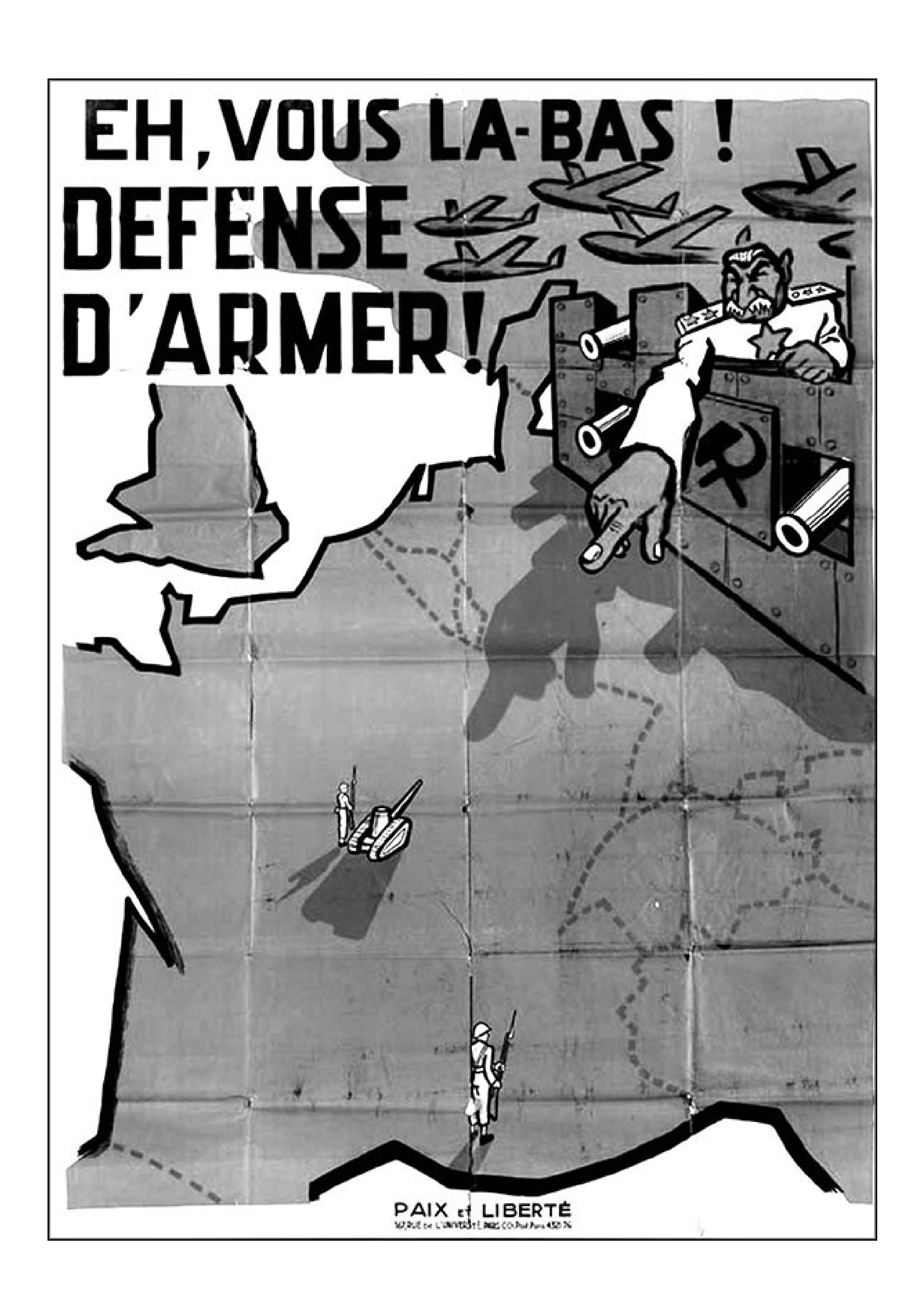
Съезд «Партии французского народа». С высокой трибуны звучит призыв к «походу на Восток»

Массовое мероприятие под лозунгом «Европа победит!»

Пропагандистские плакаты, призывающие европейцев начать «крестовый поход против СССР»

EH, VOUS LA-BAS !
DEFENSE D'ARMER !
PAIX et LIBERTÉ

LVF
ENGAGEZ VOUS
LÉGION VOLONTAIRES FRANÇAIS
CONTRE LE BOLCHEVISME
ORAFF
PARIS

FELLES FRONT MOT
BOLSJEVISMEN

notes

Примечания

1

В отечественной литературе нередко ошибочно именуется Анри ле Маном.

2

Именно так должно переводиться название работы, которое традиционно в России звучит как «Закат Европы».

3

Подразумевается «национальная революция», то есть приход национал-социалистов к власти в 1933 году.